

**СВОБОДНЫЙ
МОСКОВСКИЙ
ЖУРНАЛ**

ПОИСКИ

5-6

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОИСКИ»
1983**

ПОИСКИ

СВОБОДНЫЙ МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

5-6

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

От издательства.	3
Оглавление самиздатского 5-го номера "Поисков".	4
От редколлегии.	6
Приглашение.	7

СССР : ПОИСКИ ВЫХОДА

<i>Р. Лерт.</i> Поздний опыт	8
<i>П. Абовин-Егидес.</i> Панперсонализм как философия самоуправления	43
<i>В. Сокирко.</i> Ради России	106
<i>М. Гефтер.</i> Pro domo sua	143

Экономика

<i>В. Кувакин.</i> Социальное обеспечение или запрограммированная необеспеченность.	176
<i>В. Сокирко.</i> Послесловие к книге А.Кузнецова "Бедность народов"	189

Перекресток

<i>М. Гефтер.</i> Письмо американскому коллеге.	197
<i>П. Абовин-Егидес и В. Абрамкин.</i> Интервью читателям "Поисков"	207

ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

<i>Г. Арсеньев.</i> Стихи.	238
<i>М. Яковлев (Лиятов).</i> Все зло от женщин	243

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА (продолжение)

<i>М.Лятов.</i> Кафе на перекрестке (Рассказ)	267
<i>В. Николаевский.</i> Стихи.	277
<i>М. Емцев.</i> Косматые	283
<i>Ю.Вознесенская.</i> Ромашка белая (продолжение)	303

Из запасников самиздата

<i>Л. Данильцев.</i> В войну трудную для собак	338
--	-----

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

О демонстрациях 10 декабря	345
Заявление для печати ; <i>В. Гершуни.</i> Пушкинская вахта свободы	
<i>А. Найденович.</i> Арестованный Пушкин ; <i>Ю. Гримм.</i> О чердачном	
правопорядке ; <i>П. Подрабинек.</i> Просто так ; <i>В. Сорокин.</i> Пинки	
советской демократии	
"Персональное дело" С. Сорокиной.	367
Обыски и впечатления	379
<i>Г. Павловский.</i> Цена диалога ; <i>В. Сокирко.</i> Репортаж о первом	
обыске ; <i>В. Сорокин.</i> Разгул советской демократии	
Отклики на "дело о взрыве" в московском метро	397
<i>П. Прыжов.</i> За неимением рейхстага	407
ФОРТОЧКА.	424
ПРИЛОЖЕНИЕ	460
Документ № 74 Московской Группы содействия выполнению	
Хельсинкских соглашений ; <i>Г. Владимов.</i> Прогрессивной об-	
щественности мира ; Заявление редакции ж. "Поиски" (31 ян-	
варя 1979 г.) ; О преследовании журнала "Поиски"	
ПАРИЖСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ	471
К суду над "Поисками" (Вслед за КГБ... — НТС) ; Содержание	
самиздатских номеров ж. "Поиски"	

Московская редколлегия журнала "Поиски":

**Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Валерий АБРАМКИН,
Владимир ГЕРШУНИ, Юрий ГРИММ, Раиса ЛЕРТ,
Глеб ПАВЛОВСКИЙ, Виктор СОКИРКО.**

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Данный типографский выпуск "Поисков" в основе своей соответствует самиздатскому №5, вышедшему в Москве в 1979 г. Этот номер для нас особенно дорог: вопреки тому, что он был конфискован сотрудниками КГБ и Мосгорпрокуратуры, редколлегия и активисты журнала почти полностью восстановили содержание номера.

Мы и стремились воспроизвести в этом выпуске все сохранившееся, кроме того, что уже было раньше опубликовано на Западе. Так, книга "Бедность народов" Ефимова, впервые опубликованная в "Поисках" под псевдонимом А.Кузнецов, вышла затем на Западе под названием "Без буржуев", равно как известные здесь и книга Ст.Лема "Диалоги", зарисовки Л.Копелева "Солженицын на шарашке", Послание Папы Римского.

Некоторые материалы по тем или иным причинам были опубликованы в предыдущих выпусках "Поисков" /например, "Хартия-77", статьи Г.Павловского "Вместо подписи" и П.Абовина-Егидеса и П.Подрабиника "Актуальные проблемы демократического движения", повесть Ю.Вознесенской "Записки из рукава"/. На их место мы поместили продолжение повести Ю.Вознесенской "Ромашка белая" /ее начало см. в №4/, две статьи из 6-го самиздатского номера - "Поздний опыт" Р.Лерт и интервью читателям "Поисков", данное П.Абовиным-Егидесом и В.Абрамкиным, которое на суде над В.Абрамкиным фигурировало в качестве главного обвинительного документа.

Помещенные в данном выпуске материалы в рубрике "Форточка" в самиздатском варианте были опубликованы в 4-м и 5-м номерах журнала.

Ввиду всего сказанного объем настоящего выпуска получился вдвое больше предыдущих, поэтому мы его обозначаем как двойной выпуск 5-6.

Издательство.

ОГЛАВЛЕНИЕ САМИЗДАТСКОГО 5-го НОМЕРА "ПОИСКОВ"

В НОМЕРЕ

I

От редколлегии	
П. Абовин-Егидес и П. Подрабинек. Актуальные проблемы демократического движения	5
В. Сокирко. Ради России	45
М. Гефтер. Pro domo sua. Заметки о пессимизме, о самодовольстве и завтрашнем дне инакомыслия	79

II

ЭКОНОМИКА

А. Кузнецов. Бедность народов (окончание)	103
К. Буржуадемов. Послесловие к книге А. Кузнецова	177
В. Кувакин. Социальное обеспечение	185
Ст. Лем. Прикладная кибернетика (глава из книги "Диалоги")	195
Два письма	214

III

ПЕРЕКРЕСТОК

Из Рождественского послания Папы Римского Иоанна-Павла 11	216
Хартия—77	
П. Прыжов. Вместо подписи	219
М. Гефтер. Из письма американскому коллеге	238

IV

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗДЕЛ

Глеб Арсеньев. Стихи	245
М. Лиятов. Все зло от женщин	250
Кафе на перекрестке (Рассказы)	269
В. Николаевский. Стихи	278
М. Емцев. Косматые (Рассказ)	284
Ст. Лем. Профессор А. Доньяда (Пер. с польского С.Б.)	299

Воспоминания, дневники, мемуары

Л. Копелев. Солженицын на шарашке	326
---	-----

Слово узникам Архипелага

Ю. Вознесенская. Записки из рукава	349
В. Гершуни. Показания Г. Трифонова (Послесловие к "Запискам из рукава")	408

Воскрешение

В. Абрамкин. Я не стал затыкать ушей

(К подборке произведений Д. Хармса)

Д. Хармс. Произведения разных лет

Из запасников Самиздата

Л. Данильцев. В войну трудную и для собак. 423

V

КУЛЬТУРА

Г. Померанц. Толстой и Восток. 428

VI

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

О демонстрациях 10 декабря 438

Заявление для печати ; *П. Абовин-Егидес.* Облава ; *Ю. Гримм.*

О чердачном правопорядке ; *А. Найденович.* Арестованный

Пушкин ; *П. Подрабинек.* Просто так ; *В. Сорокин.* Пинки

советской демократии

История одного увольнения или "Персональное дело" Сони Сорокиной

Обыски и впечатления 481

Г. Павловский. Цена диалога ; *В. Сокирко.* Репортаж о первом

обыске ; *В. Сорокин.* Разгул советской демократии

П. Прыжов. За неимением рейхстага 481

Вокруг "дела о взрыве" в московском метро

С того берега

По страницам русской прессы. 489

VII

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ. 494

VIII

ФОРТОЧКА. 508

П р и л о ж е н и е. Обыски в редакции нашего журнала 523

★ ★ ★

Работа над номером прервана 25 января 1979 года обыском Мосгор-
прокуратуры. Дополнительный тираж выпущен 15 февраля 1979 года.

★ ★ ★

Редколлегия : *П. Абовин-Егидес, В. Абрамкин, В. Гершуни, Ю. Гримм,*
Р. Лерт, В. Сокирко, П. Прыжов

●

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

●

Материалы, получившие распространение в Самиздате или поступившие
из-за рубежа, публикуются без согласования с авторами

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Пятый номер журнала "Поиски" конфискован властями накануне выхода. Налет на квартиры сотрудников журнала, изъятие тиража пятого номера, материалов следующих номеров, личных архивов членов редколлегии, пишущих машинок и даже чистой бумаги, допросы, недвусмысленные угрозы в адрес людей, имеющих отношение к работе над "Поисками" – все это преследует явную цель: покончить с журналом, прекратить его выход.

В условиях постоянной угрозы новых обысков и конфискаций мы вынуждены выпустить дополнительный тираж пятого номера "Поисков" в неполном объеме, без ряда материалов, восстановление которых требует времени, нам неотпущенного. Остается надеяться, что с этими материалами читатель сможет ознакомиться позже.

Выражаем искреннюю признательность всем, кто, жертвуя временем и собственной безопасностью, принял участие в спасении и выпуске пятого номера "Поисков", а также всем друзьям журнала, оказавшим в трудные для нас дни моральную поддержку и реальную помощь.

Редколлегия.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Нашему замыслу соответствовало бы название, слишком длинное для журнала — ПОИСКИ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ. Нисколько не урезав замысел, мы сократили лишь название, и к участию в наших "ПОИСКАХ" приглашаем всех, кто за взаимопонимание. Всех, кто убедился, что нет ничего сейчас рискованней и неотложней этого: полного понимания, которого нельзя достичь, к которому не пробиться иначе, как совместной работой мысли, не ограничивающейся одной-единственной позицией, заведомым углом зрения, единственно возможным способом ставить вопросы и доискиваться ответов.

Сказанное, разумеется, чересчур общо. Призыв к взаимопониманию уместен в любое время и при любых обстоятельствах. Разве мыслимо такое время, когда отпадает нужда в понимании, поскольку на все вопросы уже даны окончательные, "исчерпывающие" ответы? Да и потребность во взаимности, в движении от многообразных начал к проблемам, жизненно важным для многих, если не для всех, — эта потребность, далеко не всегда и не всеми признаваясь, сегодня не покажется и новинкой. Призыв к взаимопониманию — либо общее место, либо он нуждается в разъяснении.

И тем не менее мы рискуем утверждать, что сегодня этот призыв ясен без долгих обоснований. Нам — в Советском Союзе, вероятно, это ощутимее, чем где-либо. Мы пережили с 1953 года целую полосу надежд и крушений, избытка старых и новых иллюзий. Надо полагать, это время дало многое, и не нам одним. Но теперь виднее, что оно, переломившись в 1968-м, пришло к концу. Теперь заметнее не только сделанное, но и то, что не сделано и сделано быть не могло. И это последнее не менее, если не более важно, чем первое. Глядя на собственные наши тупики, вложив пальцы в наши язвы — кто рискнет сказать с полной уверенностью в правоте: я знаю лечение, я вижу выход?! Каждая неувязка в отдельности, каждая несообразность, взятая врозь, кажутся устранимыми — было бы только желание, умение и "соответствующие люди на своих местах". . . Но идет время, и все ощутимее, заметней: пропущенные в свое время возможности — самая неподатливая реальность сегодня, как и связь между всеми диспропорциями и напастями, как и отсутствие "соответствующих", и беспо-

мощность тех, кто желает перемен, не ведая, с какого бока за них приниматься, не накликав беды хуже нынешней. Тупики наши оттого и мысленные и нравственные — разрывы между поколениями и внутри поколений, которые, похоже, не только не сглаживаются, но делаются все глубже и раздражимей. И вряд ли оттого, что яснее стали ныне ответы, предлагаемые отдельными течениями и людьми. Скорее, наоборот: ожесточенность, вражда — от застревания на чем-то первоначально-отрицающем. Но даже и тут, в этом необходимо-критическом, клеймящем смысле мы оказались неспособны пробиться вглубь, к "причинам причин", дойти до корней трагедии, образовавшей эпоху, и до природы тупиков, составляющих русскую злободневность, уклад жизни и быт: самое простое и труднее всего выносимое.

Прежде говорили: не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Сегодня это следует дополнить и уточнить, сказав: не может быть ни свободен, ни уверен в будущем народ, притягивающий собою одним — своими успехами ли, глубиной ли своего отчаянья — определять всесветное будущее. Эта истина не так проста — и не только потому, что задевает государственные престижи, национальные самолюбия, претензии первенства, богатства, силы. Она отнюдь не проста и по существу.

Взаимная уступчивость и терпимость — превосходные качества. Право оставаться собой — великое право, становящееся новой международной нормой: суверенитетом Мира, где впервые за всеми народностями, за всеми человеческими сообществами признано право на независимость в решении своих внутренних дел, как и право на равную причастность к судьбам Мира в целом. Два права — нераздельных и вместе с тем все труднее совмещающихся.

Мир миров, стремящийся стать человечеством, — вправе ли мы попустить, чтобы "правом оставаться собой" распоряжалось многополюсное насилие, всякое принуждение к единомыслию, любой владетельный запрет на идейные искания, на движение проблем, не знающих кордонов?!

Таковы самые общие основания к тому, чтобы сделать *поиски взаимопонимания* исходной позицией для совместной работы. "Только" поиски — оттого, что на пути к согласной встрече исходно разноначального не одни внешние препятствия. Поэтому мы приглашаем к дискуссии без ограничивающего регламента и с этой, сугубо предварительной заявкой, которая может стать более четкой программой лишь в процессе *поисков*.

Р. Лерт

ПОЗДНИЙ ОПЫТ

Да, очень поздний. К счастью? К сожалению?

Прожить семьдесят три года, пройти - ребенком - через бури гражданской войны, через тринадцать раз сменявшиеся в моем родном Киеве власти, через немецкую оккупацию 1918 года, через деникинский погром, через бесчинства петлюровцев, через короткое комсомольское подполье во время захвата Киева белополяками... Потом, в юности и зрелости пережить преследование и разгром внутривластных оппозиций /о преследовании и разгроме других социалистических партий я тогда не думала/, пережить массовый террор 1935-1939 годов, когда я потеряла столько близких, пережить бурный взлет антисемитизма 40-50-х годов, уже приближавшийся - вот-вот! - к своей кульминации... Пережить все это - и все, что было потом /постепенное освобождение собственной мысли: сначала "оттепель" и связанные с ней иллюзии, потом "Новый мир" Твардовского, дело Синявского-Даниэля, чтение Самиздата, оккупация Чехословакии/... И, наконец, собственные статьи, впервые написанные без "внутреннего редактора".

Это все схема, пунктир. Но все это прожито, продумано, прочувствовано.

... А вот обыска у меня до сих пор не было. До семидесяти трех лет. До 25 января 1979 года. И даже не

случалось мне ни разу попадать к моим друзьям, когда у них "шмонали" все - от стенограммы партийных съездов до любовных писем. Рассказов слышала много, читала того больше, но - должна признаться - ничто не заменяет личного опыта. Прав был Гете: теория сера по сравнению с вечно-зеленым деревом жизни...

... И как бы для того, чтобы перед концом моего жизненного пути дать подтверждение этого философско-поэтического тезиса, в моей передней прозвенел звонок..

х х х

1. Обыск впервые

... Я накинула халатик и пошла открывать. Была не ночь и не утро, примерно половина дня. Но я лежала в постели: меня знобило, я задыхалась, одолевая очередной сердечный приступ. Ждала медсестру из поликлиники: она примерно в это время приходила делать мне укол.

Открыла дверь. Моя крохотная полтора метра на полтора передняя мгновенно заполняется людьми. Входят четверо: женщина и мужчина постарше и двое совсем юных парней и девушка студенческого типа.

Я еще ничего не понимаю.

- Товарищи, - говорю я, запихивая халатик, - вы ко мне? Поговорить? Может быть, отложим разговор? Я очень плохо себя чувствую...

- Нет, нет, - возражает женщина постарше, - мы вам сейчас все объясним.

И, запирая дверь /вот тут меня что-то кольнуло/, объявляет:

- Обыск!

Ах, обыск!

От входной двери до моей тахты - четыре шага. Я поворачиваюсь, иду в комнату, сажусь на постель и говорю:

- Предъявите ордер!

Женщина протягивает ордер и одновременно каким-то даже чуть щеголеватым, вызывающим движением раскрывает предо мной свое служебное удостоверение. Читаю: "старший следователь Мосгорпрокуратуры Корнакова". Корнакова, Корнакова?... Почему такая знакомая фамилия? Ах, да, первый советский цветной фильм назывался "Груня Корна-

кова"... Неуместная эта ассоциация мелькает в мозгу, пока я отвечаю, что у меня нет "заведомо ложных клеветнических материалов", которые мне предлагается добровольно выдать.

Ритуал закончен. Я снова ложусь под одеяло, они приступают к делу. Перед этим мужчина постарше изысканно-вежливо спрашивает:

- Разрешите раздеться?

Сухо отвечаю:

- Я здесь сегодня ничего ни разрешать, ни запрещать не могу.

Снимают пальто. Попутно осведомляются:

- Вы больны, Раиса Борисовна?

- Как видите.

- К вам должен прийти врач?

- Нет, только медсестра.

Корнакова подходит к письменному столу, расчищает место и раскладывает письменные принадлежности /все пять часов она занималась исключительно канцелярской, секретарской деятельностью/. Мужчина постарше /он так и остался безмянным/ проходит к комоду и начинает рыться в белье. Двое юных /как я поняла, привезенные с собой "понятые" - какие-то ихние кагебешные студенты или курсанты/ остаются посреди комнаты в статуарных позах. Парень за все пять часов так и не произнес ни слова; девица же /видимо, отличница/ проявила больше активности.

... Звонок. Появляется пятый - тоже безмянный. Вот если бы он вошел вместе со всеми, я бы сразу догадалась. Почему? Не знаю. Какой-то явственный профессиональный отпечаток: холеная толстая морда, пустые глаза, неуловимое хамство в интонациях /хотя внешне все в нормах вежливости/.

Толстомордый начинает "шмонать" стоящие за дверью книжные полки. Это - в ногах моей постели. Лежу, смотрю. Читать не могу. Изредка отпиваю воду.

Девушке "понятой" не сидится на месте. То ли ей впрямь чуточку неловко /не привыкла еще?/, то ли просто молодая энергия не дает покоя...

- Раиса Борисовна, может быть, вам что-нибудь нужно? Может быть, вам чайник вскипятить?

- Благодарю вас, - отвечаю я ледяным тоном, из которого не выхожу в тех редких случаях, когда раскрываю рот. - Мне от вас ничего не нужно.

Молчание. Они "работают", принося все, что находят нужным "изъять", к письменному столу, где следовательно ница в поте лица трудится над составлением описи. Даже мне, неопытной, ясно, что ее роль тут ничтожна, что ордер Мосгорпрокуратуры - чистая "липа", ширма для КГБ.

... Молчание. Нарушает его первый безымянный, изысканно вежливый.

- Разрешите курить на кухне?

Тем же тоном повторяю: не могу ничего ни разрешать, ни запрещать. Они по-очереди ходят на кухню.

... Молчание. И телефон, стоящий у моей постели, обычно беспрерывно трезвонящий, почему-то молчит. Странно, они его даже не отодвигают. Техника у них, что ли, такая, что позволяет отводить звонки?

... Молчание. На этот раз нарушает его "толстомордый". На книжных полках он, кроме старых самиздатских произведений, обнаружил неизвестную толстую рукопись в двух папках. Не помню, как она называется - не читала. Что-то социологическое. Просили меня прочесть, а я все уклонялась: уж очень солидный "кирпич", а мне неохота тратить время - я не специалист...

"Толстомордый" тоже явно не специалист в социологии, но в своем деле понимает: перелистав несколько страниц, что-то учуял. С чуть заметной издевкой спрашивает:

- Диссертация?

- Возможно, - равнодушно отвечаю я.

Издевка в тоне усиливается.

- Ну и где же эту диссертацию собирались защищать?

- Понятия не имею, - следует столь же равнодушный /и вполне правдивый/ ответ.

- Как она к вам попала?

- Мало ли как! Ко мне многие обращаются с просьбами - отрецензировать, отредактировать...

- И вы все это делаете за "спасибо"?

- А вы не способны представить, что можно что-нибудь делать за "спасибо"? - осведомляюсь я.

Замолчал - и понес толстые папки к следовательнице. Около нее неуклонно растет гора.

"Изысканно любезный", покончив с моим бельевым комодиком, дергает дверцу письменного стола. Заперто. Он обращается ко мне:

- Раиса Борисовна, вы дадите нам ключи?

Дать? Не дать? Ну, допустим, не дам. Они взломают. Но и подавать им я не стану...

Не меняя позы, говорю:

- В связке ключей на входной двери находится и ключ от письменного стола.

"Любезный" находит ключ, открывает дверцу и погружается в содержимое ящиков. Вот где главный улов! Три ящика набиты до отказа, их даже трудно открывать. Он что, ищет определенное что-нибудь? Попытается разобраться? Ничего подобного. Все, что напечатано на машинке или написано от руки /а в моем литературном архиве все либо напечатано, либо написано от руки/ без разбора летит к ногам следовательницы. Груда папок около нее растет - ящики катастрофически пустеют.

Не вставая, я говорю:

- Среди этих папок есть одна, на которой написано "Мои работы". Это, действительно, мои авторские работы, подписанные моей фамилией. Я настаиваю, чтобы вы их не забирали. Согласно авторскому праву.

- Да, - отвечает "любезный" - вот эта папка, она у меня в руках. Но мы возьмем все, что найдем нужным...

- И, листая содержимое папки: - А-а... скажите, Раиса Борисовна... ваши статьи, напечатанные в "Поисках", здесь есть?

Ах, вот оно что!

- Все, что я когда-либо написала, подписано моей фамилией. В остальном разбирайтесь сами.

... Молчание. Папки громоздятся на папки. Я хочу пить. Встаю, выхожу на кухню, возвращаюсь с чашкой воды. Девушка вскидывается:

- Ну зачем вы, Раиса Борисовна? Я бы вам принес-

ла...

/Интересно, ей в самом деле в глубине души немножко стыдно? Или ее там где-то на ихних курсах учат "политесу"? И объясняют, в каких случаях "политес" применять, а в каких нет?/

Укладываюсь снова в постель. В это время "толстомордый", откопав на моих полках какие-то два листочка, несет их следовательнице. По дороге бросает мне:

- Заверить надо!

- Что - заверить? - не понимаю я.

- Ваше завещание...

Тут я выхожу из состояния замороженности.

- Мое завещание? - Я сажусь на постели. - А ну, подайте его немедленно сюда!

Пораженный моим тоном, он невольно останавливается.

- Мое завещание, - подымаю я голос, - это мой личный, интимный документ. Он распространению не подлежит. Его даже мои близкие могут прочитать только после моей смерти. Немедленно отдайте!

Он колеблется, но "любезный" делает ему какой-то неувимый знак глазами /видно, он рангом повыше/ - и "толстомордый" с неохотой отдает мне листочки. Однако не может удержаться от замечания:

- Обиделись на партию?

- Послушайте, вы... - говорю я медленно и раздельно /девица и юноша жадно слушают/. - Я в этой партии много больше лет, чем вы существуете на свете. И мои взаимоотношения с этой партией вашей компетенции не подлежат. Запомнили? Делайте вашу грязную работу - и молчите...

Теперь все молчат. "Толстомордый" продолжает "шмонать" на полках, "любезный" продолжает очищать ящики. Следовательница усердно пишет.

... Звонки. К двери просятся сразу "толстомордый" и девица. На пороге - медсестра. "Толстомордый" выпаливает:

- Кто вы такая?

Медсестра удивлена и испугана. Она уже вторую неделю ходит делать мне внутривенные сердечные вливания

и знает, что я живу одна. А тут — полная квартира людей, явно посторонних и явно недоброжелательных...

— Я... из поликлиники, — робко говорит она.

Мне жаль ее. Ну зачем ей это? Она тут причем?

— Валя, — говорю я, — может, не будем сегодня делать укол? Пропустим?

Она ничего не понимает, она инстинктивно боится, но природное добросердечие и профессиональная добросовестность берут верх над страхом.

— Как это не будем? — энергично протестует она и начинает раздеваться. — Вон вы какая бледная... И задыхаетесь! Обязательно будем!

Вмешивается "любезный":

— Пожалуйста, пожалуйста... Мы выйдем...

В этом нет необходимости, но я не возражаю. Впрочем, они очень быстро исправляют свою оплошность. Пока Валя, пробравшись между папками, отламывает головки ампул и готовит шприц, дверь беззвучно отворяется и чуть ли не цыпочках входит девица-отличница. Медовым голосом она говорит:

— Я постою у окна... Я отвернусь... Я не буду смотреть...

— Можете не отварачиваться, — говорю я, протягивая руку для укола.

Валя собирает свой чемоданчик, прощается и идет одеваться. Когда она уже готова, перед дверью вырастает "толстомордый".

— Ваши документы!

Тут медсестра не выдерживает:

— Почему я должна предъявлять вам свои документы? Кто вы такой? И что здесь происходит?

— Обыск! — значительным тоном произносит "толстомордый".

— О-обыск??!

Она поворачивается ко мне /я лежу напротив открытой двери/. На лице ее — безграничное изумление, глаза становятся совсем круглыми. Конечно, она меня совсем не знает... Но уж больно не похожа эта худенькая старушка на преступницу... О-быск?!

Мне становится смешно. И опять - жаль ее.

- Не пугайтесь, Валя, я не уголовница.

"Любезный" снова делает неуловимый знак - и "толстомордый" выпускает медсестру, так и не поглядев на ее удостоверение /ограничился только тем, что узнал номер поликлиники/.

Они возвращаются к прерванной "работе". "Толстомордый" теперь "шмонает" мой книжный шкаф. Не очень тщательно "шмонает": видно, они знают, что главная "крамола" у меня в письменном столе и на полках. Вынул два-три тома Ленина, удостоверился, что за ними стоит Маркс - и не стал дальше смотреть. Толстого, Достоевского, Чехова тоже обошел вниманием. Зато в тонких книжках стихов /а их много/ рылся долго и усердно. Во многие книжки были вложены стихи, не вошедшие в сборники и перепечатанные на машинке - это все он забрал. Забрал и сброшюрованный машинописный сборник "Образ Анны Ахматовой" /стихи, ей посвященные - большая часть их опубликована в советских изданиях/. Забрал и первый том американского издания произведений самой Ахматовой /второго не было дома/ и небольшой сборник прозы Цветаевой "Световой ливень", и "Охрannую грамоту" Пастернака, и, конечно, первую книгу "Записок" Лидии Чуковской об Анне Ахматовой. Вообще забрано все, что издано за границей, в том числе и ряд книг с авторскими надписями.

Я пытаюсь вмешаться.

- Почему вы забираете Ахматову, Цветаеву, Пастернака? Ведь все эти произведения печатались в советских изданиях.

- Разберемся, Раиса Борисовна, - следует успокоительный ответ. - Разберемся - и, что можно, вам возвратят...

Посмотрим. И посмотрим, что - "можно".

Дальше следует молчаливая консультация "толстомордого" с "любезным". Тут я не могу сдержать улыбку. Первый обнаружил в моем книжном шкафу два старых номера "Нового мира" и пошел показывать их второму. Тот махнул рукой - и "Новый мир" возвратился в книжный

шкаф. После того, как они ушли, я просмотрела оглавление этих номеров /я о них и забыла/. Журналы - за 1966 г. Напечатаны в двух номерах повесть Василия Быкова "Мертвым не больно" и рассказ А.И.Солженицына - самый, к сожалению, слабый - "Захар Калига"...

"Любезный" кончил опустошать мой письменный стол. Опустошать в точном смысле слова: в ящиках теперь просто нет *ничего*. Ничего, кроме нескольких поздравительных открыток и моей трудовой книжки.

Взгляд "любезного" падает на стоящий за моим письменным столом рюкзак.

- Это ваш рюкзак?

- Нет.

- Чей же?

- Одной моей приятельницы.

- Как фамилия этой приятельницы?

- Я не обязана сообщать вам фамилии моих друзей.

- Что в рюкзаке?

- У меня нет обыкновения заглядывать в чужие вещи

Они развязывают рюкзак - и, кроме домашних вещей, находят в нем совсем неожиданный для себя "подарок". Моя неосторожная приятельница /теперь можно назвать ее имя - что уж тут! - Мальва Ланда/ вместе со своими бумагами засунула туда же пенсионное удостоверение и сберегательную книжку, в которой была заложена пятирублевка. Пятирублевку мне торжественно вручают, бумаги "изымают", а заодно "приобщают к делу" и пенсионное удостоверение, и сберкнижку со сторублевым вкладом /деньги небольшие, но для пенсионера существенные/. Хотя, насколько я понимаю, ни пенсионную, ни сберегательную книжку нельзя считать "заведомо ложными, клеветническими" документами...

Кажется, все?

Нет, не все.

- Теперь мы, с вашего разрешения, посмотрим на кухню...

Да, "политесу" их, видимо, и впрямь обучают. Впрочем, применяют они его отнюдь не всегда /вспомним хотя бы избиения вокруг Пушкинской площади 10 декабря 1978 года и аналогичные избиения в Ленинграде/. Почему

они так вежливы со мной? Значит, "с моего разрешения"?

- А если я не разрешу?

"Любезный" улыбается.

- Мы все равно посмотрим.

- Разумеется, - говорю я. - Только зачем тогда эти ужимки?

Ответа нет, да я его и не жду. Они идут на кухню. Я не провожаю их - к чему? За ними пятью я все равно не услежу, и сил у меня нет стоять над ними. Да и нет ничего на кухне, кроме пишущей машинки.

Именно с машинкой они возвращаются в комнату.

- Вы хотите забрать машинку? - спрашиваю я.

- Да.

- Зачем? Ведь чтобы определить, печатались ли на ней "заведомо ложные, клеветнические..." и так далее, вам достаточно снять образец шрифта?

- Нет, - наставительным тоном отвечает "любезный",
- машинка останется у нас!

- До каких пор? - осведомляюсь я.

- До суда, - усмехаясь, выпаливает "толстомордый".

- Суда? - спокойно удивляюсь я. - Над кем? Надо мной?

"Любезный", досадливо морщась /то ли у них распределены роли, то ли просто разница характеров?/, поправляет:

- До окончания следствия.

Так. А теперь что? Беглый просмотр подоконников, столика около постели, заваленного книгами и лекарствами. И, наконец, обращение ко мне:

- Вам, Раиса Борисовна, придется встать. Всего на несколько минут... Посидите пока в кресле...

Встать? Не встать? Противно думать, что они будут тащить меня насильно...

Встаю и пересаживаюсь в кресло. Они сразу хватаются за стопку книг, лежащих слева от подушки /я отобрала их, чтобы лишний раз не вставать с постели/. Подбор, что и говорить, разнообразный: "Война и мир" Л.Толстого, двухтомник Эдмонда Ростана, "Алиса в стране чудес" Льюиса Кэролла, 17-й номер "Континента" и "Светлое будущее" А.Зиновьева. Последние две книги,

естественно, переходят к следовательнице, а над книгой Льюиса Кэролла, новинкой, недавно изданной в серии "Литературные памятники", "любезный" задерживается. Нет, не по служебной обязанности, из библиофильского интереса. Перелистывает, закатывает глаза, прищелкивает языком:

- Прекрасная книжка!

- Да? - невинно спрашиваю я. - Правда, жаль, что ее нельзя включить в опись?

Проглатывает - и снова начинает заниматься своим делом. Они поднимают подушки, перетряхивают одеяло. Находят мою сумочку и знакомятся с ее содержимым. Как будто никакой крамолы больше нет? Впрочем... "Любезный" перелистывает мою телефонную книжечку и задумывается... Да, задача у него нелегкая: в моей телефонной книжке сам черт ногу сломит - я и то в ней с трудом разбираюсь...

Спрашиваю, намеревается ли он забрать книжечку? Да, намеревается. Пожимаю плечами: забирайте, хотя вы в ней все равно ничего не поймете...

- А вы нам не расшифруете? - искательно заглядывает мне в глаза "любезный".

/Дурак - хоть и Кэроллом интересуется!/
-

Нет, не расшифрую. Но вы берите, не сомневайтесь! Что с того, что она вам не пригодится? Зато меня вы лишите телефонов поликлиники, аптеки, "Скорой помощи", близких людей... Что ж вы? Берите, не стесняйтесь!

Он в затруднении. Что выгоднее: наказать меня, отобрав книжку, или проявить "гуманизм" - тем более дешевый, что от противоположной акции толку явно не будет. Решает в пользу "гуманизма": телефонную книжечку мне оставляет /у всех моих коллег на обысках такие книжки отбирали/.

- Под диваном есть ящик? - спрашивает "толсто-мордый".

Ящика нет: я сплю на обычном пружинном матрасе, к которому приделаны ножки. Но я отвечаю:

- Нагнитесь и посмотрите.

Посмотрел. Нет ящика. Приставил к книжной полке

стул, влез, заглянул наверх: ничего, кроме пыли.

... Притащили мешки, веревки, сургуч. Запаковы-
вают добычу. Получается четыре мешка.

... Время уже около шести. "Толстомордый" звонит
куда-то по начальству и жизнерадостно кричит в трубку:

- Кончаем... Да, порядочно... На полгода хватит
читать! Тут еще "подарочек" от Мальвы Ланда... Да,
присылайте машину...

Все уже засургучено, зашито. Следовательница под-
носит мне протокол. Читаю. Но нельзя ни понять, ни
проверить, что они записали, а что нет. Папки, в кото-
рых много различных, с разными названиями материалов,
записаны так: "начиная со слов...", "кончая словами..."
- а что там посредине, на трехстах-четырехстах стра-
ницах - бог весть. Можно вложить туда и вынуть оттуда
что угодно. Уже потом я обнаружила исчезновение ряда
линых писем, не занесенных в протокол. Изъятые из рюк-
зака Ланды записано так: "Восемь целофановых мешков с
различными печатными и рукописными материалами, фото-
графиями, книгами..." Что теперь можно запихать в эти
мешки? Как я узнала впоследствии, в рюкзаке находился
также подарок - иконка-сувенир, в опись вообще не по-
павшая. Может быть, кто-нибудь из моих непрошенных
гостей питает слабость не только к редким книгам, но
и к миниатюрным иконам?

А это что такое? "28. Грифельная доска". В жизни
не видала грифельной доски иначе, чем в кино. Это,
оказывается, дощечка, с которой мгновенно стирается
запись. Ну ладно. А вот запись-шедевр: "68. В комнате
также обнаружено и изъято 34 папки /тридцать четыре!/
с различными рукописными и печатными текстами... "Ка-
кими текстами? Секрет следствия... Тридцать четыре
папки - и ни одного названия. Что же изъято? И как
теперь требовать возвращения непоименованных материа-
лов?

Сразу обращаю внимание на то, что в протоколе
нет даже упоминания о тех двух, кто фактически прово-

дил обыск. Фамилия следователя есть, фамилии понятых^{*}, и именами-отчествами и даже адресами есть /один живет на улице Уссурийской, другая привезена аж из подмосковного городка Железнодорожный/. А вот "любезного" и "толстомордого" нет. Испарились.

Я поднимаю глаза на следовательницу.

- Почему в протоколе нет фамилий и должностей вот этих двух граждан, производивших обыск?

- Я проводила обыск, - вызвавшим тоном говорит Корнакова. - Я *имею право* брать себе помощников...

- Прекрасно, - говорю я. - Берите себе хоть десять помощников. Но и я *имею право* знать, кто рылся в моих бумагах и моем белье, кто унес мои книги, архивы, машинку...

- Я, - повторяет Корнакова.

- Не клевете на себя. Вы всего только технический секретарь вот этих двоих...

Бесполезно. Дочитываю протокол. Вижу, что на последней странице остается место всего для двух-трех строчек. Требую добавить лист. Пишу. Первый экземпляр протокола забирает Корнакова, второй, еле поддающийся прочтению /нарочно они, что ли, употребляют такую бледную копирку?/, вручается мне.

Ну, теперь-то уж, наконец, все?

Нет. "Любезный" и юноша-понятой куда-то исчезают, но Корнакова, девица и "толстомордый" остаются. Я продолжаю сидеть в кресле, куда меня "перевели" с постели. Сил после пятичасовой процедуры совсем не осталось.

- Вы ложитесь, Раиса Борисовна, - проникновенным голосом обращается ко мне девица. - Ложитесь, вам будет легче...

^{*}Эти фамилии я, кстати сказать, через некоторое время прочла в протоколе другого обыска, произведенного у человека, никакого отношения к нашему журналу не имеющего. "Понятые"-то, оказывается, профессионалы. Любопытно, как им платят - помесечно или за визит?

- Мне будет легче, когда вы уйдете. Почему вы не уходите? Вы ведь уже кончили?

- Ждем машину, - откликается "толстомордый".

- Ну, это как будто меня уже не касается? Вытаскивайте свою добычу и ждите внизу...

- Машина скоро будет, - успокаивает "толстомордый". - Сейчас конец рабочего дня, самый разъезд...

- Какое мне до этого дело? Возьмите такси.

- Мы не поместимся в одно такси.

- Возьмите два.

- Вы оплатите? - иронически осведомляется "толстомордый".

- Разве Комитет государственной безопасности так беден? - в свою очередь осведомляюсь я. - Ведь хватило у него средств, чтобы потратить рабочий день пяти человек на одну старую больную женщину. Должны найтись средства и на то, чтобы избавить эту женщину от своего присутствия. Когда оно уже не вызывается государственной необходимостью...

... Звонок. На пороге - мой сын, пришедший с работы навестить меня. За ним виднеются фигуры вернувшихся "любезного" и понятого. К сыну бросаются с двух сторон:

- Ваши документы!

... Не буду детально описывать, как они требовали документы у него, а он - безрезультатно! - у них. Не буду вообще больше излагать подробности - в концовке их еще немало, но это уже для моих мемуаров. Хватит и написанного. Это - не "художественное исследование", а почти точная фотография.

... Они, наконец, вытаскивают мешки с награбленным /чтобы не было "заведомо ложных, клеветнических измышлений", поправляюсь - с "изъятым"/ добром - и уходят.

Все. Точка.

х х х

Но это была не точка, а всего лишь многозначительное многоточие. В тот же день я узнала, что одновременно обыски были проведены еще у трех членов ре-

дакции "Поисков" и у трех сотрудников. И что у них так же выгребали до дна все из письменных столов, и забирали пишущие машинки, и личные письма, и семейные архивы, и собственные литературные работы.

Но, в отличие от меня, их еще таскали на допросы в Мосгорпрокуратуру. И сразу после обысков, и потом, и еще, и еще. Кто знает, может быть "любезный" в последнюю минуту, когда все было уже готово и увязано, для того и отлучился, чтобы позвонить по автомату и получить указания: тащить ли меня, больную, в прокуратуру или нет?

Решили - не тащить. Почему аткой гуманизм? Только из-за моей болезни и старости?

Я думаю - не только. Известны случаи, когда и с восьмидесятилетними не стесняются. Но это все-таки столица, здесь полно корреспондентов, я - человек пишущий и, как можно было убедиться, языкастый: молчать не буду. И потом у них еще была надежда, что меня, напуганную и измученную обыском, еще можно будет отколоть от остальных, довести до "раскаяния", в крайнем случае - уговорить отойти, прекратить деятельность... Для этого надо пустить в ход иные средства, чем допрос в прокуратуре /они догадывались, что такой допрос будет безрезультатным/. Надо воззвать к моей более чем пятидесятилетней партийности - и допрашивать меня не в прокуратуре, а в партийных органах.

Так, по-моему, был задуман акт второй. Он оказался куда более растянутым и куда менее детективным, чем первый.

2. Исключение из партии - вторично и навсегда

... Я продолжала болеть. Сначала стало даже хуже: пятичасовой "шмон", несмотря на видимое спокойствие, обошелся мне недешево.

Потом полегчало.

Недели через полторы после обыска появились первые признаки того, что события начинают развиваться в предполагаемом мной направлении. Мне позвонили из Гагаринского райкома КПСС и начали проверять мои биографические данные. На вопрос, зачем это, ведь в рай-

коме есть моя учетная карточка, ответили: данные могли измениться, а секретарю райкома *для составления справки обо мне* требуются последние данные.

- Вот в проекте справки, лежащей передо мной, сказано, что вы - персональный пенсионер местного значения, а в вашей учетной карточке, что вы - обычный трудовой пенсионер...

Я ответила, что правильно в учетной карточке: я - обычный трудовой пенсионер. Награды? Наград у меня только две: медали "За доблестный труд в Отечественной войне" и "К 800-летию Москвы" /эти медали есть почти у всех людей моего возраста/. Последовали, не сказать, чтобы умные, вопросы: почему я не персональный пенсионер и почему у меня нет медали "К 60-летию Октябрьской революции" /ее вручали старым членам партии/? Я ответила: вероятно потому, что я никогда не ходатайствовала ни о назначении мне персональной пенсии, ни о вручении медали.

Разговор закончен. Ясно, что секретарь Гагаринского райкома не по собственной инициативе воспылал интересом к моей особе. *Что-то* затребовал у него биографические данные Лерт Раисы Борисовны. Будем ждать дальнейших событий...

События развивались так. Где-то в конце февраля - новый телефонный звонок. На этот раз из парткомиссии при МГК КПСС^{*}. Партследователь Иванов приглашает меня приехать для беседы.

/Вот, оказывается, какая я "шишка": сразу в горком. По уставу провинность члена КПСС полагается разбирать прежде всего в первичной парторганизации. Правда, на это уставное требование давно уже махнули рукой: например, коммунистов-"подписантов" 60-х годов еще тогда, минуя партсобрание, исключали из партии в

^{*}Парткомиссия, состоящая из старых членов партии, обычно пенсионеров, - внештатный орган, занимающийся предварительным разбором "персональных дел", рассматриваемых райкомом, горкомом и выше.

райкомах. Но то райком, а тут даже райкому хода нет: прямо в горком. Суть, конечно, не в моей персоне: время другое, да и дело больно щекотливое/.

Я не пытаюсь прикидываться удивленной, не понимаю, что к чему. Просто сообщаю товарищу Иванову, что больна - и врачи запретили мне выходить из дому. Следует серия вопросов: что со мной, где я лечусь и прочее. Отвечаю: воспаление легких и сердечная недостаточность, лечусь в районной поликлинике. Опять стандартный вопрос: "Вы персональный пенсионер?" - "Нет, не персональный". - "Почему?". Опять терпеливо объясняю: потому, что не просила. Видно, это с трудом укладывается в сознании: как можно отказаться от привилегий, которые тебе "положены"?

- Как же быть? - голос в трубке несколько растерян. - Необходимо с вами побеседовать...

- Что ж, - говорю я, - есть два выхода. Либо подождать моего выздоровления: мне сейчас все-таки лучше, чем тогда, когда ко мне ворвались непрошенные гости /так я даю понять, что знаю, в чем дело/, либо пожаловать ко мне...

- Мы подумаем, - обещает голос, и добавляет: - И позвоним.

Звонков с приглашением было еще несколько. Я понимаю: они хотят разговаривать со мной на своей территории, в официальной обстановке, а не у меня дома, где я лежу больная и где, что называется, стены помогают. Но ничего не поделаешь - и наступает день, когда они приезжают ко мне.

... Два старых человека: семидесятилетний Иванов /на три года моложе меня по возрасту и на четыре - по партийному стажу/ и Пожилова. Пожилова - пожилая, но гораздо моложе нас с Ивановым. Эта уже вполне сталинской формации и выучки и, по-моему, до пенсии /а может быть и сейчас?/ имела отношение к неназываемому ведомству. Она больше молчит и старательно записывает. Говорит, спрашивает, увещевает - Иванов.

Пересказывать всю беседу не стоит. Длилась она два часа и отличалась удивительной бессодержательностью. Бесконечное количество добротных, выдержанных

штампов, которыми снабдил меня в ходе этой беседы товарищ Иванов. И, похоже, говорил он вполне искренне. Ибо давно, добровольно и чистосердечно отрешился от каких бы то ни было поползновений /если они у него когда-нибудь были/ самостоятельно думать. Да он и не помнит, наверное, тех времен, когда в партии самостоятельно думали, о чем-то спорили, что-то друг другу и другим - вне партии - доказывали.

Но кое-что приведу. Особенно - начало беседы.

- Так вот, Раиса Борисовна, нам сообщили, что вы, старый член партии, примерно с 1976 года /эта дата значится в № нашего "дела" - Р.Л./ связались с чуждыми, враждебными нашему строю людьми, общаетесь с ними, вместе с ними подписываете клеветнические письма, и вот теперь принялись за издание антисоветского журнала...

- Кто вам это сообщил? - спрашиваю я.

- Органы, - простодушно отвечает Иванов.

- А почему вы им верите?

На лице моего собеседника - безграничное удивление.

- Но... но как же? Ведь это - *наши* органы!

- По-моему, - замечаю я, - вы одного со мной возраста. Должны помнить, как эти "наши" органы уничтожили миллионы невинных людей, в том числе и лучших людей партии. И обвинения на них возводились похлеще, чем на меня сейчас...

Пожилова молчит и записывает. Иванов пытается возражать.

- Ну что вы, Раиса Борисовна, когда это было? Партия давно покончила с культом личности и вернулась к ленинским нормам. Там и людей этих давно нет...

- Людей, может, и нет - традиции остались. И разве это подходящее название для массовых убийств: "культ личности"? Да и какой же это возврат к ленинским нормам? Горком занимается моим делом по голословному доносу органов, минуя партийную организацию... А что до "культа личности", так по мне культ одной личности не лучше культа другой...

Не понял? Или не захотел понять? По-моему, просто

не понял.

Ну, и потом пошел бесконечный поток фраз о наших достижениях, о нашей демократии, о единстве партии и народа – и так далее, и так далее. Я пытаюсь перебить этот поток вопросом: читали ли они журнал "Поиски" и, в частности, мои статьи? Нет, конечно, не читали. Так о чем говорить? Спрашиваю, почему не привлекают к ответственности тех, кто снабдил ордером Мосгорпрокуратуры секретных агентов КГБ? Тех, кто ворвался к нам на квартиры и унес наши архивы, машинки, книги? Следует успокоительный ответ: если у вас забрали то, что не должны были забирать, вам вернут.

– А самый налет вы считаете ни во что?

– ?!

В общем ни до чего не договорились. Они уходят и предупреждают, что вызовут меня на заседание парткомиссии. Действительно, мне звонят – раз, и два, и три. А я приехать не могу: сердечные приступы все сильнее. Да, по правде говоря, и не хочу: ну, о чем я буду с ними говорить?

В четвертый раз это "выкручивание рук" мне надоедает.

– Если вам так не терпится, – сказала я, – решайте без меня, я пришлю вам письменное заявление.

И послала – заказным письмом с уведомлением /заявление это, датированное знаменательным числом 5 марта, печатается в приложении к этому очерку/. Послала, получила уведомление о вручении – и успокоилась. Больше мне не звонили, и событий никаких не было – до 3 апреля.

... В этот день ко мне пришли из парторганизации получить партийные взносы. Это уже делалось раньше: я болела четвертый месяц. Только обычно приходил кто-нибудь один, а на этот раз пришли трое – три женщины. Все было обыденно: секретарь парторганизации получила с меня рубль двенадцать копеек за март 1979 года, отметила в партбилете, дала мне расписаться в ведомости. А потом вдруг сказала:

– А партбилет я вам не отдам...

Это было, скажем прямо, неожиданно. Расстаться с

партбилетом я была готова давно, но не таким способом. Я точно знала, что моя парторганизация /при жилищной конторе/ ровно ничего о моей истории не знает. И не положено ей знать: "органы" ее в известность не ставили. Исключать меня должно было бюро Московского городского комитета КПСС. Но минимум приличий полагалось соблюсти: сообщить, что я исключена из партии тогда-то и за то-то...

- Как это - не отдадите? - переспросила я.

- Так, не отдам. Партбилет вам не нужен. Вам его все равно придется сдать - ведь вы уезжаете в Израиль.

- Что-о??

- В райкоме нам сказали, что вы уезжаете в Израиль и чтобы мы забрали у вас партбилет.

Медленно закипая, я говорю:

- Скажите в райкоме, чтобы они не занимались провокациями. Скажите им, что я никуда не уезжаю. И никогда и никуда не уеду! - Я уже почти кричу. - И хоронить меня придется здесь!

- В райкоме лучше знают! - с великолепной убежденностью возражает она и отводит руку с партбилетом за спину. - Все равно, партбилет вам я не отдам...

- Отдадите! - с внезапной яростью кричу я, стремительно вскакивая с постели, подбегаю к ней, сидящей в кресле, и вытаскиваю из-за ее спины партбилет. Это длится секунду. Они не ожидали такого натиска. Они ошарашены, сбиты с толку и, кажется, начинают смутно догадываться, что тут что-то не так. Во всяком случае они теперь уговаривают меня "не волноваться", а секретарь, выманившая у меня партбилет, неожиданно заявляет: "Ну, если вы не уезжаете в Израиль, надо получить с вас партвзносы за апрель". Не выпуская из рук партбилета, я плачу еще рубль двенадцать копеек - и они уходят.

/Возможно, секретарю за это ее последнее распоряжение нагорело: ведь оказалось, что я исключена еще 21 марта. А уж за что исключена, это и для секретаря и для всей сотни членов КПСС, составляющих парторганизацию, осталось, полагаю, секретом и по сей день. Даже если их ознакомили с формулировкой исключения.

Ибо формулировка эта гласит только: "... за действия, несовместимые с высоким званием члена КПСС". А уж за какие "действия" — остается гадать/.

... Почему я так сражалась за партбилет, который готова была отдать и который через несколько дней спокойно отдала?

Это была внезапная импульсивная реакция. Меня просто захлестнула волна, если так можно выразиться, брезгливой ярости. В ту минуту, когда я вырвала партбилет из рук выкравшей его у меня женщины, я вовсе не боролась за свою партийность. И не думала о том, что сплетня о моем отъезде в Израиль призвана способствовать антисемитскому толкованию моих действий. Меня просто трясло, мутило от негодования. Ложь, которая меня давно окружала, которую я давно знала, была внезапно, грубо и прямо, как комок грязи, брошена мне в лицо.

Вот он, личный опыт!

И сейчас не понимаю, зачем понадобилась эта бессмысленная ложь. Даже если они думали, что я уезжаю. Ведь все уезжающие сдают свои партбилеты добровольно.

Наутро я позвонила в парткомиссию. Пожилова сообщила мне, что решением бюро горкома от 21 марта 1979 года я исключена из партии. С решением могу ознакомиться в Гагаринском райкоме КПСС.

— Почему мне об этом не сообщили?

— Вот теперь вы знаете.

Вопрос исчерпан. Дальше все пошло обычным канцелярским порядком. Взяв такси, я поехала в райком, нашла учетный сектор, ознакомилась с напечатанным на бланке в двух экземплярах решением, расписалась на обоих экземплярах и сдала партбилет. Молодая женщина, заведующая учетным сектором, проводившая эту процедуру, запротестовала было, когда я стала записывать формулировку решения. Перевернув бланк, она показала мне напечатанное непарелью примечание: "Запрещается выносить из помещения, снимать копии и разглашать". "Это вам запрещается", — сказала я. Она возразила: "Нет, и вам тоже", но не нашла что ответить, когда я напом-

нила, что партийная дисциплина на меня уже не распространяется. Только предупредила, что, если я собираюсь апеллировать, надо об этом написать на тех же бланках.

Нет, апеллировать я не собираюсь. Она чуть удивлена: "Вы согласны с решением?" - "Нет, не согласна, но апеллировать не буду". - "Почему же?" - "Потому, что не хочу быть членом организации, способной выносить такие - и многие другие - решения". - "Но мы ведь не знаем сути дела, - и в голосе ее чуть слышна попытка оправдаться. - Мы только сообщили вам решение". - "Вот одна из причин, по которым я не буду апеллировать: что все можно делать помимо воли и сознания людей, которые принимают в этом участие..."

Перед тем, как уйти, спрашиваю, кто сообщил моей парторганизации, что я якобы уезжаю в Израиль. Да, она уже знает о сцене, происшедшей у меня дома, она принесит свои извинения: это она сообщила. На каком основании? Видите ли, такие неопределенные формулировки исключения крайне редки и обычно применяются к тем, кто уезжает в Израиль... Вот она и думала...

Я не очень верю ей, что-то она не договаривает. То есть верю, что такие формулировки применяются по отношению к членам партии, уезжающим в Израиль /так замаскировывается их число/, но не верю, что именно она дала директиву выманить у меня партбилет: такие директивы - не в ведении учетного сектора. А без директивы секретарь парторганизации шагу не ступил бы. Указания были даны, видимо, кем-то повыше. Впрочем, я не знаю и, вероятно, уже никогда не узнаю, кто был автором этой короткометражки, которую можно бы озаглавить цитатой известной песенки: "Евреи, евреи, кругом одни евреи..."

Так более чем буднично, завершилась мое пятидесятилетрелетняя партийность.

3. Вместо послесловия или что-то вроде исповеди

В начале этого очерка я писала, что ничто не может заменить личный опыт. Это верно, но верно и то, что пережитый опыт уже не повторяется. Нельзя, как ут-

верждал еще древний философ, дважды вступить в одну и ту же реку: и ты другой, и река другая, и другие кругом берега.

... Меня уже исключали однажды из партии - сорск с лишним лет назад, в эпоху "бдительности", наступившую после убийства Кирова. Потом - восстановили. И не было для меня - тогдашней, тридцатилетней - периода в жизни более тяжелого, чем эти полгода отлученности, горя более страшного, чем ощущение недоверия ко мне моей партии. Даже личные беды /а они были велики/ блекли и меркли перед этим сознанием отчужденности, вытолкнутости, остракизма.

И вот прошло больше сорока лет. Сiju в своей обычной квартире, перед опустевшими ящиками и - думаю. Вот я иключена из партии, в которой пробыла пятьдесят три года и пять дней /с 16 марта 1926 года по 21 марта 1979 года/, из партии, в которую вступила честно и восторженно, которой отдавала весь жар души, все силы и помыслы. Ищу в себе отзвук той, прежней, более, чем сорокалетней давности, боли...

Нет, не нахожу. Нет боли. Нет, правда, и радости. Нечему соболезовать, но не с чем поздравлять. Соболезовать - чему? Я не горюю - и никаких претензий к бюро горкома КПСС у меня нет. Нарушения уставного порядка - пустяки по сравнению с тем, что мои духовные связи с *этой* партией отмерли давно: они отмирали постепенно, по мере того, как умирала и перерождалась сама партия.

Я не собираюсь, как некоторые, оправдываться в своей былой партийности: коммунистом я стала не случайно, никто меня не уговаривал и никто на меня не давил. Я вступила в партию убежденно и радостно, готовая на любые жертвы и тяготы. Но - не в *эту* партию. Той давно нет в живых, а звание члена этой партии я давно не считаю высоким. И с членством в *этой* партии мои взгляды действительно несовместимы - что правда, то правда.

Тогда почему нет радости? Почему не с чем поздравить?

Потому что - поздно. Поздно - и не по моей иници-

ативе. Решение принято и осуществлено не мною, а *ими* — тогда, когда они нашли это удобным.

Почему я не отправила свой партбилет в ЦК, как Алексей Костерин, еще в 1968 году, после оккупации Чехословакии? Ведь мне уже тогда все было ясно...

Ищу в себе ответа на этот вопрос, хочу докопаться "до самой сути". Страх? Может быть, и страх: не буду пытаться выглядеть лучше, чем я есть. Но, мне помнится, главным было что-то другое, чего я не могу назвать иным словом, чем *тоска*. Память о былой общности еще была жива, еще ныла и болела, хотя самой общности уже давно не было — так "болят" ампутированные пальцы. Общности уже не было — ни идейной, ни эмоциональной. Я знала: пусть провозгласят свободу мысли и политических объединений — и люди, сидящие со мной на партсобрании, разбегутся не меньше, чем по пяти партиям. А большинство вообще ни в какую партию не пойдет, а пойдет домой — сыты по горло. Но фантом, миф, иллюзия держали мою руку, мешали ей обрубить канат и полететь — в пустоту, в одиночество?

И чтобы уж совсем правда: я очень боялась публичного ауто-да-фе. Почти физически я заранее ощущала, как буду стоять под ливнем грязи — и заранее содрогалась /вероятно, я ошибалась: скрыли бы, как скрыли сейчас/. И, подсознательно избегая мучительной процедуры, ухватилась за советы трезвых друзей: не надо, оставаясь в партии, ты сможешь сделать больше. Вечные иллюзии трезвых, вечные оправдания нравственных уступок!

Так или иначе — я этого не сделала. Так с чем же сейчас меня поздравлять? С тем, что они решили за меня? С формальным завершением того краха всей жизни, который наступил давно?

... Река — другая, и берега — другие, и несет течение совсем не к той цели, к которой я стремилась.

х х х

Может быть, то, что я пишу, никому и не нужно? Опыт каждой жизни неповторим, моя подходит к концу, а молодые плывут уже по другой реке, у них свои проблемы, свои преграды, свои подводные камни и буруны. И

все же я смотрю на них не только с надеждой, но и со страхом. Страхом — за них. Да, они избавлены от тех шагов, которые носила большую часть жизни я, от той ограниченности и фанатизма, которые были свойственны мне и многим моим сверстникам. Но не заменяют ли они их другими? Просто — меняют минус на плюс, кумиров на кумиры? Понимание прошлого подменяют его огульным размахистым отрицанием — как в свое время делали и мы. Помнится, мы уверенно говорили: "Ну кто теперь верит в Бога? Одни старики и старушки!" И никто из нас ни Библию, ни Евангелие даже в руки не брал. Не похоже ли это на нынешнее уверенное невежество: "Ну кто теперь всерьез принимает марксизм?" А сами Маркса даже не перелистывали...

Прошло полвека — все изменилось. Что произошло — новый пророк с неба спустился? Нет, просто чаяния и надежды людей не осуществились. А чаяния были — светлыми, надежды — огромными. "За горами горя" нам виделся "солнечный край непочатый". Оказалось: никакого солнечного края, новое горе — горше горького, новый кнут — хлеще старой нагайки.

Так что же теперь — петь гимны нагайке?

И поют. И в Самиздате, и в Тамиздате все чаще появляются попытки реанимации позапрошлого. "Солнечный край" рисуется позади, в старой царской России с ее идеалом "православия, самодержавия и народности". И утверждается, что в этом воображаемом раю не было ни угнетения, ни нищеты, ни унижения человеческого достоинства, а было сплошное духовное братство и всеобщая любовь. И, значит, не было у революции никаких корней, а просто появились откуда-то демоны-большевики и дьявольским произволением изнасиловали старую добрую Россию. И вот я уже читаю отрывок из некоей поэмы — гимнапологию белой армии, которая сражалась "за Русь и власть, за честь и веру". Что знает автор об этой армии? Вряд ли что-нибудь, кроме литературных ассоциаций с "Доктором Живаго". А я своими глазами видела этих "белых ангелов", когда они в 1919 году грабили, убивали и насиловали.

Мне возразят: а противоположная сторона? Кто спо-

рит - на этой стороне было, думаю, не меньше жестокостей и зверств /об этом, кстати, и Блок написал, и Короленко, и Бабель, и даже малоизвестный советский писатель Владимир Зазубрин/. Но я помню на *этой* стороне и героизм, и самоотверженность, и благородство. Помню мальчиков и девочек, моих сверстников и чуть постарше, которые "с песней падали под ножом, на высоких кострах горели". Не за власть, не за привилегии, не за комфорт, не за наследственные имения - за освобождение человечества.

Прошло шесть десятилетий, и пора уже перестать уподобляться тем восьмилеткам, которые в двадцатых и тридцатых годах делили мир на "красных" и "белых", густо зачеркивая "белых". Сегодняшние сорока- и пятидесятилетние дяди с детской непосредственностью проделывают с историей то же самое - только зачеркивают "красных". Среди этих "зачеркивателей", руководствующихся преимущественно принципом "наоборот", - не только историки, перекрашивающие историю. Есть среди них и философы, и экономисты, проповедующие, что спасение России придет не от Христа, не от Мессии, не от Маркса и не от правозащитного движения, а от... барыги-спекулянта.

Я думаю, что это - очередной исторический бросок в противоположную сторону, в "наоборот", от постылого государственного всевластия над личностью - к идеализации всевластной "хапающей" личности. Есть броски и пострашнее - от неосуществившейся идеи братства народов к кровавой идее воинствующего национализма, бродящей сейчас по всему миру и явно поощряемой в нашей стране.

Гораздо более глубокие корни имеет нынешний поворот многих интеллигентов к религии. Я - давний и необратимый атеист, но и я думаю, что этот поворот - не только реакция на монополию государственно-обязательного атеизма и не менее государственно-обязательного "марксизма", обесмысленного казенными толкователями. Тут и тоска по утраченной духовности, и стремление к свободе и раскованности непосредственного чувства - многое тут есть...

Я не собираюсь здесь заводить спор с верующими: пусть каждый верит в то, во что верит, и любит то, что любит. Но вот среди людей как будто протестующих против духовного угнетения, против идеологической монополии, зреет, наливается соками и набирает силу течение, требующее просто заменить одну господствующую идеологию другой, монополию "государственного марксизма" — монополией "государственного православия", современный тоталитарный строй — тоталитарностью православной монархии. Если учесть, что это течение сливается и срастается с широко распространяемым и полуофициально поддерживаемым национализмом, — можно себе представить, какая новая "зияющая высота" открывается перед нами.

Пусть каждый верит в то, во что верит, и любит то, что любит. Пусть. Но вот именно — каждый. *Этих* — сторонников еще одного варианта духовных "ежовых рукавиц" — я в союзники не возьму. Как и тех, от кого ушла.

... Эти страницы — не попытка завязать диспут, дать рецепт или, упаси боже, создать новую "теорию". Это — проверка собственной души, расчет с прошлым, стремление понять настоящее.

... Изменила ли я идеалам моей юности? Нет! — пусть обвиняют меня в этом все партследователи и партруководители, вместе взятые, давно эти идеалы предавшие и продавшие. Я и сейчас не знаю ничего светлее и прекраснее этих неосуществленных /может быть, они и не могли осуществиться? не знаю/ идеалов. Я и сейчас считаю, что межнациональное братство благороднее национальной отчужденности, ограниченности — не говоря уже о ненависти. Что человек не должен быть объектом ничьей эксплуатации. Что демократические права и свободы должны стать уделом всех людей. Это все — идеи социалистические, коммунистические. Я от них не отказывалась, не отказываюсь и не откажусь.

От чего я отказалась — это от монополии на истину, от нетерпимости, от уверенности в собственной непогрешимости. От "единомыслия" и "единогласия", погубивших — в этом я убеждена — те самые идеи, во имя которых я пятьдесят три года назад вступила в партию.

"Единомыслия" и "единогласия", давно уже выродившихся в насилие, фарс, насмешку и ложь. Теперь я считаю главным - оставаясь собой, пробиться к другим, к их головам, к их мыслям. Не анафемы провозглашать и не гимны петь, не снабжать прошлое ни ангельскими нимбами, ни дьявольскими рогами, а попытаться понять его, чтобы пробиться к будущему. Попытаться понять: что произошло? Что произошло с людьми и с их извечной мечтой о "светлом будущем", которое теперь упоминается не иначе, как иронических кавычках?

Но ведь человеку всегда было свойственно - свойственно и сейчас! - надеяться на светлое будущее без кавычек. Надеяться - и по мере сил приближать его. Хотя бы искать путей такого приближения.

Как искать? Единственный, хотя и трудный в наших условиях способ поисков - это мысль и слово. Движение мысли, выраженное в слове. Закостенелось, законсервированность, остановленность мышления - вот что губительно. Система, в которой мы живем, настолько замкнуто-тупа, настолько лишена всякого свежего дуновения, проблеска, что встречную мысль нужно разыскивать чуть ли не ощупью, даже встретиться двум мыслям подчас трудно. И мы нащупываем, ищем, срываемся, сходимся, расходимся, теряем нить, хватаемся за другую... Нам мешают, не дают додумать, договорить, понять друг друга. К нам врываются с обыском, хватают наши статьи и письма, вызывают на допросы, угрожают... Но движение высвобожденной, раскованной мысли неостановимо.

Так начался в шестидесятых годах и мой путь, который закономерно привел меня ныне к обыску и к исключению из партии. Он начался с высвобождения собственной мысли из-под гнета "единомыслия" и со встреч с другими, по-разному мыслящими людьми. Естественно, что на этом пути я встретила и теми, общение с кем инкриминируется сегодня как преступление партследователями и просто следователями - с правозащитниками, диссидентами, назовите, как хотите.

Я глубоко уважаю этих людей за бесстрашие и самоотверженность, с которыми они борются за права человека, не употребляя никакого оружия, кроме мысли и слова

ва. Я радуюсь тому, что сблизилась с некоторыми из них и что моя мысль и мое слово /и моя подпись/ иногда включаются в их мирный арсенал.

Но я знаю: у меня и здесь вряд ли найдется много единомышленников. По-разному мы оцениваем прошлое, различно прогнозируем будущее. И я знаю: если партследователь требовал, чтобы я покалась в измене коммунизму, то найдутся и такие, что потребуют от меня раскаяния в верности ему.

Покаяний не будет — ни здесь, ни там. Я ничему не изменила и никому не собираюсь присягать. Отречения — ни от моего прошлого, ни от моих сегодняшних друзей — от меня никто не дожждется.

Да, пересматривать мне есть что, есть чего стыдиться. Но есть и чем гордиться. Отказываясь содействовать насильникам, я одновременно отказываюсь признать их наследниками и продолжателями славных поколений русских революционеров. Тех, кто самоотверженно, бесстрашно и бескорыстно защищал права человека *тогда* и протягивает из прошлого руки сегодняшним правозащитникам. Я продолжаю чтить "немодные" социалистические идеи — ныне окровавленные и разорванные на лозунговые тряпки "толстомордыми" из "органов", райкомов /и повыше/, пытающимися прикрыть ими свою идейную наготу.

С тем меня и возьмите.

Демократическим ли социализмом, либеральной ли демократией назовем вы или я то общество, к которому мы стремимся, но в этом обществе мысль, слово, личность должны быть свободны. И ни у кого не будет кляпа во рту, и ни у кого государство не станет воровать его дневники, статьи и письма, и никто не пойдет в лагерь за разномыслие с властью или за помощь ближним. Эта цель у нас общая.

И пусть каждый делает что может.

Я могу немного: мало осталось времени и мало сил. И я не берусь ответить на многие жгучие вопросы, на главный из них: почему произошло то, что произошло, и могло ли быть иначе? Пусть ищут ответ ученые. Я — не теоретик, не философ, не историк. Просто старый человек, много повидавший, много думавший и кое-что поняв-

ший. Может быть, поздно, но все-таки понявший. И моя более чем семидесятилетняя жизнь совпадает с более чем шестидесятилетней историей моей страны, которую я наблюдала и в которой участвовала. Я - одна из тех, кому есть, что сказать, и который *может* сказать, как это была на самом деле. И постараться сказать "правду, одну только правду, ничего кроме правды!"

Может быть это и есть мой главный долг?

х х х

Приложение

В парткомиссию при МГК КПСС
Члена КПСС с 1926 года,
ЛЕРТ Р.Б. /партбилет №09333150/

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я не могу явиться на ваш вызов прежде всего потому, что я серьезно больна. Но если бы даже не было этого существенного обстоятельства, вы сами освободили меня от морального обязательства явиться на ваш суд. Освободили тем, что возбудили мое "персональное дело", как сообщил мне тов.Иванов, по "данным органов КГБ", т.е. по секретному, необоснованному и непроверенному доносу. При этом, само собой, нарушаются все этические, юридические и уставные нормы: обвинители - тайные, неизвестные; обвинение не сформулировано; первичная организация устранена от разбора дела и т.д.

Но суть, в конце концов, не в этом. В моем малом "персональном деле" хорошо просматривается общая ситуация: в партии и в стране успешно восстановлены сталинские нормы "презумпции виновности". В ведении органов КГБ - тайных, неподконтрольных и ненаказуемых - снова, как при Сталине, оказываются судьбы людей и решение идеологических вопросов. И они, эти органы, решают их своими тайными полицейскими методами.

Все это значительно шире и глубже, чем мой малый случай. Но в моем случае действуют те же законы беззакония. Возбуждая мое "персональное дело", парткомис-

38

сия способствует узаконению бесправия. Вместо того, чтобы призвать к ответу тех членов КПСС, которые незаконно снабдили ордером Мосгорпрокуратуры ворвавшихся ко мне на квартиру 25 января этого года тайных агентов КГБ, - вы призываете к ответу меня. Вместо того, чтобы потребовать объяснений от этих агентов, которые, скрыв свои имена, рылись в моем белье и в моих письмах, унесли с собой весь мой личный и литературный архив, мои книги и мою пишущую машинку, - вместо этого вы требуете объяснений и оправданий от меня.

В чем?

Тов. Иванов не сумел сформулировать обвинение. Из его сбивчивых объяснений я поняла, что мне инкриминируется общение с людьми, которые по тем или иным причинам не устраивают КГБ. Но, вступая в 1926 году в партию, я не передоверяла свой разум, душу и совесть этим органам - даже тем, каковы они были тогда и как бы они тогда не назывались. А с тех пор я /как и многие из вас/ пережила тридцатые годы, когда эти "органы" уничтожили цвет партии. И если десятилетия сталинизма не вытравили у меня стремление самостоятельно размышлять над тем, что происходит в партии и в стране, то теперь, к концу жизни, этого уже не вытравить никакими угрозами.

Не со вчерашнего дня и не с 1976 года, а гораздо раньше я думаю и пишу о том, что тревожит меня, и пытаюсь, путем обмена мыслями с другими, искать выход из бед и болей, переживаемых нашей страной. Излагать все эти мысли в коротком заявлении невозможно, но если вы хотите составить о них представление, вам следовало бы запросить у соответствующего ведомства изъятые им у меня мои статьи. Они, кстати, все подписаны моей фамилией - и многие из них в свое время были адресованы партийным органам и органам печати, пока я не потеряла надежду на способность работающих там людей прислушиваться к тем мнениям и соображениям, которые не совпадают с газетными передовицами. Это, впрочем, участь не только моя, человека вполне рядового: наши власти безрассудно и упрямо отказались вступить в диалог с такими достойными людьми, как академик А.Д.Сахаров, Ю.Ф.Орлов и многие другие. Вместо диалога с инакомыс-

лящими, к ним применяются жесточайшие репрессии, вместо споров и дискуссий — клевета и обливание грязью.

И я позволю себе высказать здесь мое глубочайшее убеждение человека, посвятившего всю свою сознательную жизнь /с 16 лет/ делу создания коммунистического общества: не деятельность Хельсинкской группы, не выступления академика А.Д.Сахарова, даже не выступления или статьи действительных идейных противников социализма — не это все следует считать антисоветскими, антикоммунистическими акциями. Наибольший вред идеалам социализма и коммунизма — и внутри страны, и на международной арене — наносит репрессивная политика наших властей. В этом смысле наиболее последовательным антисоветчиком и антикоммунистом был Сталин, а сегодняшняя практика наследует сталинскую политику.

Разделяя взгляды западных компартий, осуждающих репрессивные меры, к которым прибегают наши власти для подавления мысли, я считаю, что не может быть социализма там, где люди не могут свободно обсуждать любые политические, идейные, философские, религиозные, экономические и другие проблемы. И не только *обсуждать*, но и *осуждать* /если они считают необходимым/ деятельность своего правительства, партии, любого, самого высокопоставленного деятеля, любую, самую признанную и распространенную доктрину.

Без свободы мысли, слова и совести нет социализма — и нет выхода. Идеологическая монополия, вооруженная бичом полицейских репрессий, физически хлещет прежде всего по инакомыслящим, но идейно она разрушает именно тех, кто этим бичом орудует. Если на 62-м году после Октябрьской революции власть, называющая себя социалистической, партия, называющая себя коммунистической, противопоставляют чужой мысли полицейские меры подавления, — я не могу объяснить это иначе, чем нравственным и интеллектуальным бессилием тех, у кого нет других аргументов, кроме репрессий.

Я считаю, что подлинные социалисты, подлинные коммунисты должны обладать другими аргументами. Должны уметь выслушивать мыслящих людей разных взглядов, прислушиваться к чужим мнениям, искать истину в диало-

гах, спорах, дискуссиях, ведущихся в нормальных условиях и на равных правах. И свое участие в журнале "Поиски" /не антисоветском и не антикоммунистическом, но свободном и бесцензурном/ я рассматриваю как слабую, начальную попытку завязать на этом крохотном рукописном пятачке тот доброжелательный диалог, который, я считаю, нужен нашей стране.

Р. Лерт

5 марта 1979 г.

П. Абовин-Егидес

ПАНПЕРСОНАЛИЗМ КАК ФИЛОСОФИЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ

В м е с т о п р е д и с л о в и я

Эта статья является конспектом книги, в которой я стараюсь изложить определенный итог моей философско-социологической эволюции. Ввиду этого я вынужден ссылаться на некоторые свои предыдущие публикации, хотя это, видимо, не очень скромно.

Если меня будут снова судить, как в 1970-м году, за мои мысли /а ничего другого, кроме распространения мыслей, диссиденты не делают/, то изложение этой статьи будет моим последним словом на суде. Никакого другого участия в судебном процессе, кроме провозглашения последнего слова, я думаю, принимать не стоит, так как на процесс не допускаются друзья, свидетели защиты и представители демократической печати, что свидетельствует о закрытости "суда", а закрытый "суд" - не суд, а расправа. Хочу в связи с этим заранее предупредить моих друзей и читателей: если мой будущий следователь предъявит вам какие-либо листки, якобы написанные мною в ходе проводимого следствия, но противоречащие изложенным здесь мыслям или - более того - "свидетельствую-

щие" о том, что я в ходе следствия якобы отказался от своих нынешних взглядов, как это, мол, сделал Г.Снегирев, то не верьте: это может либо означать подделку почерка, либо быть результатом инъекций таких доз химикатов, которые способны подавить психику человека настолько, что его рукой можно водить как угодно.

Взгляды человека, конечно, могут меняться, претерпевать ощутимые сдвиги, но лишь по его собственной воле, а не под давлением силы или страха быть приговоренным к лишению свободы. Определенные концептуальные сдвиги произошли и у меня. Но должен при этом подчеркнуть, что оценка -характеристика- нашей действительности и в данной статье такая, какой она была в рукописи моей книги "Единственный выход", написанной мною в 68-69 годах, за которую меня и судили в 70-м и которая из-за ареста так и не успела увидеть свет и погребена в сейфах КГБ. Отсюда, кстати, следует, что, к сожалению, неправ был великий писатель, утверждая, будто рукописи не горят: хотя основные мысли той книги в моей голове не сгорели, но нюансы, конечно, уже не восстановить, - а ведь если для конспективной статьи важен ход мыслей, то для книги не менее важны именно нюансы. Восстанавливать книгу я не стал: у меня шла, как я уже сказал, эволюция - философская и социологическая. И лишь теперь пришло время подвести ее итоги.

Поскольку наш журнал рассчитан не на узких специалистов, а на широкую публику, то я пытаюсь делать выкладки свои доступным языком. Да, я и в принципе против птичьего "философского" языка, назначение которого - прикрывать простые мысли головомолным изложением их, что выдается за... "философскую культуру". Но отказ от головомолного языка не означает отказа от терминов латинского или древнегреческого происхождения: они необходимы тогда, когда без них невозможно создать адекватный категориальный /философско-понятийный, научно-понятийный/ аппарат, и их пугаться не следует: начинать надо с постижения их этимологического смысла.

К вопросу предначала / Метафилософское введение /

Следуя методу восхождения от абстрактного к конкретному, необходимо, как мне представляется, прежде всего вникнуть в предельную абстракцию — метафизику, т.е. теорию построения философской системы — и двигаться в логической последовательности /по крайней мере, стремиться к ней/ в сторону выхода к жизни, к действительности, к проблеме преодоления ее пороков, поскольку именно в этом — критерий действенности философии.

Беда выдающей себя за последнее слово философской культуры неомарксистской философии деятельности — которая, критикуя то западный капитализм, то наше дореволюционное прошлое и тщательно ~~обходя~~ наше настоящее, современное, лишь живописует лучезарное будущее — как раз в том и состоит, что она не дает выхода в живую жизнь и тем самым на поверку оказывается апологетической, т.е. философией деятельности ~~оборачивается бездеятельной философией бездеятельности.~~

Причем даже и наиболее абстрактное — метафизику — необходимо выводить из опыта самой философии, из ее "практики" путем анализа исторической наличности, анализа построения имевших место в истории философии систем. Этот анализ показывает, что ряд оригинальных философских систем строится по принципу, который можно бы назвать мысленным *сечением* мира по какой-либо исходной условной плоскости, служащей для демиурга системы точкой отсчета. Конструируя систему, он логически выводит соотношение полученных таким образом начал и сходимости /следствия/ из этого соотношения.

Так, Аристотель мысленно рассекает мир на возможность и действительность, — и в этой плоскости рассматривает материю, энтелехию, содержание, форму, форму форм и т.д.; в свете этого сечения опровергает он "идеи" Платона, обвиняя его в удвоении мира, которое можно преодолеть лишь тем, что идеи из трансцензуса /потусторонности/ возвращаются в мир вещей в виде форм. Кант рассекает действительность в плоскости "явление — сущность" /вещь — вещь-в-себе/, и на этом строит всю свою систему трансцендентальности, свою гносеологию,

решает через нее сложную проблему соотношения науки и религии, теоретического /чистого/ и практического разума /морали/. Шопенгауэр по существу делит весь мир на безволие и волю к жизни, а Ницше сужает последнее до воли к власти. Но ни воля к жизни, ни воля к власти не характеризуют ни человека в отличие от нечеловека, ни какого-либо качественного уровня человека: воля к жизни — слишком широкий параметр, воля к власти — слишком узкий. Делят, как известно, бесконечную действительность также на бытие и сознание, материю и дух, природу и человека.

Имеются — далее — мировоззренческие системы, которые можно бы назвать центрическими: геоцентризм, гелиоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм. Причем: если первые три — моноцентрические, то последняя — полицентрическая. К тому же и центровой принцип является по сути дела скрытым принципом сечения: ведь раз есть центр, то противостоит ему периферия, — иначе чего же центром он является?.

Философски постичь действительность иным способом невозможно: *всеобщее* как предмет философии может быть каким-то образом осмыслено лишь как *соотношение* каких-либо самых основных компонентов, которых самое меньшее может быть два. Высвечивается же это всеобщее, это соотношение лишь как *отношение* человека к миру: всеобщее как предмет философии — это не мир /в смысле космоса/ сам по себе, а *отношение* человека к миру, которое социально-исторически обусловлено. Человек не стоит лицом к лицу с миром, не находится с ним один-на-один, как Робинзон: между человеком и миром как бы стоит *социальность*. Это отнюдь не означает, что существует некий Социум как самостоятельная Субстанция, как Среда, противостоящая людям, а означает лишь, что человек смотрит на мир *через призму* социальности данной эпохи. Поэтому в каждую эпоху мир ему видится по-иному.

★ ★ ★

ПАНПЕРСОНАЛИСТСКИЙ ЛИБЕРТИЗМ

Есть достаточное основание, чтобы сечение мира, действительности проводить по водоразделу "*несвобода-свобода*", другой ипостасью чего является срез "*безличность-личность*": такое видение -членение- мира соответствует современной эпохе. Мне представляется, что человек в течение всей своей предыдущей истории - со всем своим сознанием, со своей духовностью - и в его современном экзистенциальном статусе, т.е. то, что традиционно именуется "*homo sapiens*", ближе к объективному миру, к природе, к несвободе, к миру необходимости, чем к статусу свободного духа, чем к критически мыслящему человеку /с культурой мышления такого уровня, который освобождал бы его из плена конформизма/, чем к миру Свободы в ее тотальном охвате. Так как даже современный человек несвободен от самоотчуждения, от инверсионности своего сознания, т.е. от перевертывания субъект-объектных отношений, от того, чтобы кто-то манипулировал его сознанием, от сетей какой бы то ни было идеологии и социальной психологии, то он - при всей сложности своего духа - причастен в разной мере к миру необходимости, миру рабства, миру несвободы.

В свете сказанного рельефно прорисовывается неадекватность упомянутой "философии деятельности" /в нашей стране ее разрабатывает школа Леонтьева-Ильенкова/ назревшим проблемам современности: человек может заниматься деятельностью, будучи тем не менее неличностью, несвободным, рабом - и в социальном, и тем более в духовном смысле. Он может при этом быть преобразователем действительности даже творческим, даже виртуозным /а совокупный человек - универсальный ее преобразователь / может быть академиком, даже гением в своей сфере деятельности, но в целом может при этом оставаться духовным рабом, например, Шостакович, Колмогоров, Ландау, Мокрушевский, все же он / поэтом даже такой ирреальной сферы, как "субъект / деятель / объект" еще недостаточен для выделения человека из лона несвободы, необходимости, природности, - не в смысле искусственного отрыва человека от природы, а в смысле вынуждения его поведения от принципов несвободы, манипулируемых, конформизма, от принципов, которые сродни принципам отношений между предметами в природе.

Вся история человечества является лишь постепенным приобщением человека к миру Свободы, к миру личности /*Personalität, personnalité*/, поскольку *личность есть реальное воплощение свободы*. Если же в первобытном обществе человек был полностью регламен-

тирован, опутан сетью "табу", то уже в древних азиатских обществах он был в бытовом плане в определенной мере свободен, хотя оставался несвободным в политическом, юридическом, экономическом, культурологическом планах. В эллинском обществе значительная часть людей /демос, граждане/ стала свободной и в политическом, и в экономическом отношениях. И лишь в современном буржуазном обществе *все* люди свободны в политическом отношении, но зато большинство несвободно в экономическом отношении, если под экономической свободой понимать не просто возможность участвовать в конкурентной борьбе, что имеют обычно в виду, а возможность производителей участвовать в принятии *решений* в делах производства, на котором они же работают, что обычно упускают из виду: *наемные* работники такого права лишены. Что же касается нашего общества, то оно оказалось *шагом назад* по сравнению с капиталистическим: наши люди не имеют ни политических, ни юридических, ни экономических, ни культурологических свобод, — в отличие от первобытного общества тут есть лишь свободы бытовые, — т.е. каждый человек может решать, что купить в магазине, *если* там есть продукты и если у него есть деньги; может решать, куда ему поехать в отпуск, *хотя* не может решать, где ему жить, если захочет покинуть село или переехать из провинции в столицу; может решать, к кому пойти или поехать в гости, *если* друзья или родственники его не живут за границей; может решать, кого ему пригласить к себе в гости, *если* это, конечно же, не диссиденты или иностранцы, иначе он может пострадать; может решать, пропить ли зарплату или купить на часть ее собачку или книги, *если* последние, конечно же, не входят в черный список; может решать, куда пойти учиться после школы, *если* имеет средства для оплаты репетитора; может по своему решению выбрать себе жену или мужа — без вмешательства директивных органов, *хотя* совсем еще недавно в брачные отношения вмешивались парткомы...

Но почти *все* люди во *всем* мире несвободны еще в духовном отношении: они, как сказано уже, рабы самоотчуждения, конформизма, их сознанием легко манипули-

ругую политическую софистику, они ходят в шорах ввинченной в их сознание идеологической установки, им свойственен профессиональный кретинизм, как выразился Маркс, они обречены на репродуктивный труд, который отупляет и изнуряет дух /творческим же трудом на планете занимается мизерное меньшинство/, они барахтаются в сетях вещиизма, моды, рекламы, опутавших их психику с помощью индустрии средств массовой информации. Больше того, у абсолютного большинства людей либо мозаичное, лоскутное мышление, либо авторитарное, либо директивностное, у них весьма низка или даже отсутствует культура мышления, низка и культура чувств.

Развертывание свободы человека связано со становлением и развитием личности. Личность является как бы инобытием свободы. Свобода существует реально в виде личности. *Тотальная или универсальная личность* /панперсонализм, - как можно назвать это одним словом/ является возведением антропоцентризма до всеохватного либертизма. Это станет понятным при сопоставлении сущности человека и сущности личности.

х х х

К а т е г о р и я л и ч н о с т н о с т и

В нашей литературе - да и в мировой - много пишут о соотношении понятий *человек и личность*, - однако, полагаю, приемлемого решения не находят.

Прежде всего, о сущности человека. Если франклиновско-энгельсовское определение человека связано с производством орудий труда, а фихтевско-марксово - с предметной деятельностью^х /эти определения восполняют друг друга и по существу тождественны/, то мне это представляется недостаточным. В наше время можно представить себе и робота, производящего орудия труда, занимающегося предметной деятельностью и на ее основе

^хМаркс определял человека и как совокупность общественных отношений. Но это скорее определение не сущности всеисторического человека, а определение генезиса специфических отличий человека одной исторической эпохи от человека другой исторической эпохи.

совершающего логические операции, т.е. "мыслящего". Человек же главным образом отличается *моральностью*, которая в глубоком смысле включает в себя и все аксиатически-эстетическое отношение к действительности. Поэтому человека можно определить как *исторически сложившегося целеполагающего универсального /в потенции/ предметного деятеля* - субъекта, обладающего самосознанием /в смысле: знающего самого себя/, которое венчается *моральностью*. Можно определить человека философски сложнее - как существо трансцендирующее, выходящее постоянно в запредельность и в потенции - в бесконечность. Но если мы не вводим в это определение атрибут моральности, то мы и тут получим что угодно - даже сциентистского гения, но только не человека^х.

Однако, при всей сложности сущности человека, даже если налицо все компоненты, делающие человека человеком, т.е. равным своему понятию, самим собой, то и этого всего еще недостаточно, чтобы быть личностью, чтобы стать ею.

Что же такое личность? В моей статье "Личность как социологическая категория"^{хх} приводится ряд, на мой взгляд, несостоятельных определений личности, поскольку в них понятия "личность" не несет смысловой нагрузки.

Так, одни утверждают: личность - это социальный человек, или человек, взятый в социальном плане, словно просто человек существует вне социального плана, не есть социальное существо. Другие полагают, что личность

^х Как видим, гениальность в какой-либо сфере деятельности недостаточна не только, чтобы быть личностью, свободным человеком, но даже просто человеком. Поэтому неправы, как думается, например, те философы, которые полагают, что задача подлинной педагогики - формировать гения: задача на деле скромнее - формировать тотальную личность - подлинно свободную от всяческого самоотчуждения, умеющую противостоять любым попыткам манипулировать ее сознанием, свободно-критически относящуюся к действительности, владеющую культурой мышления и чувств. Остальное, как говорится, "приложится".

^{хх} См. кн. "Человек в социалистическом и буржуазном обществе", М. 1966 г. Симпозиум. Доклады и сообщения. Ин-т философии, АН СССР и кн. "Личность при социализме" М. 1968 г. /Отв. ред. Ф.В. Константинов. Ин-т философии/.

это - индивидуум^х. Но, во-первых, каждый предмет отличается чем-то от другого предмета даже в пределах одного и того же вида /это уже подчеркивал, как известно, создатель концепции монадологии Лейбниц/, но от этого он не становится личностью. Во-вторых, при таком подходе понятие "личность" не несет смысловой нагрузки по сравнению с понятием "индивид", "индивидуальность". В-третьих, при этом понимании все люди *всегда*, начиная с первобытных людей, были личностями, ибо даже последние чем-то отличались друг от друга, т.е. были индивидами, индивидуальностями, - и тем не менее личностями последние не были, ибо было регламентировано все их поведение, т.е. у них было "лицо" биологически-психологическое, но не было *лица социального*, а личность - понятие социальное. Вот что не учитывают вышеприведенные определения. Иные, протестуя против подобного расширительного, всеохватывающего понимания личности, сужают его до того, что объявляют личностью только высокосознательного, высокоидейного человека, видящего смысл жизни в служении Всеобщему. Но тогда подавляющее большинство людей в любой стране и при любом до сих пор существовавшем и существующем строе - неличности. Аналогично высокомерным, снобистски-пренебрежительным является и зачисление в личности только творческих людей, создающих в своей голове новые системы, новые конструкции из обломков старых. /Такова по сути позиция талантливого ростовского философа М.Петрова/. Ну, а что же тогда все "простые смертные" личностями вообще быть не могут?

^х Так примерно понимается личность и в психологии. В ней имеют хождение термины "человеческий индивид", "человеческая индивидуальность", "человеческая личность" или даже "личность человека" /словно может быть нечеловеческая личность или личность нечеловека/ как по сути идентичные. I.e. тут имеется в виду, что каждый человек имеет свои особенности, что вообще-то верно, но сущность личности ведь совсем в другом. Таким образом, в современной психологии /да и в современной педагогике/ понятие "личность" не несет - повторяю - смысловой нагрузки по сравнению с понятиями "индивид", "индивидуальность".

Распространенной является и такая позиция: каждая наука – социология, психология, этика, педагогика да и медицина – по-своему понимает "личность": есть-де личность в социальном плане, в психологическом, в этическом и т.д. Это хоть и заманчиво, но тем не менее неверно: то, что под личностью понимают психология, педагогика, медицина, – это всего лишь, как отмечено выше, индивидуальность, индивидуум, характерологические особенности личности. Характерологические особенности – подчеркиваю снова – имеет каждый человек; а личность является не каждый – и не потому, что он родился нетворческим человеком и не может, неспособен-де быть личностью, а потому, что *социальные условия* в определенном обществе не дают ему осуществить себя, состояться, утвердиться как личности, стать ею, быть ею^х.

Отсюда: в психологии, как и в педагогике, понятие "личность" просто не может быть специфичным по сравнению с понятием "индивид", "индивидуальность". Постигание категории "личность" не соответствует предмету этих наук по определению. Эти науки по сути своей должны исследовать в данном случае другое: какие изменения происходят в психике человека, *когда* он становится личностью в социальном плане. А вот как раз этого-то психология и не исследует: не анализирует, каковы отличия психики – мышления, эмоциональной сферы – *безличностного человека* /например, в нашем обществе/ от психики *личностного человека* /в том виде, каким он является в современном западном обществе или каким был в перикловском обществе/, а также не экстраполирует в будущее, в то, какие изменения произойдут в психике человека, когда он станет полной универсальной личностью.

В каком же плане понятие "личность" может нести смысловую нагрузку? Как видно из сказанного, только

^х Этот тезис не умаляет роли свободы воли. Но для того, чтобы свобода воли поднималась до личности, нужны условия определенного социального строя.

в социально-историческом, социологическом. Какую же именно? Иначе говоря, что же такое *личностность*?

Личностность — это определенное отношение между человеком как членом общества и самим обществом, определенный принцип отношения между ними, возникший как результат предыдущего прогресса общества и как *необходимость* для дальнейшего прогресса его. Таким образом, неточным является положение: "все люди — личности", как и вовсе неверным — "лишь некоторые люди могут быть личностями": все люди *могут* быть личностями, но лишь при определенном социальном строе *становятся* ими. Категория "личность" обозначает тот же субстанционально существующий предмет, что и категория "человек", но уже поднявшийся до определенного — а именно: личностного — отношения с обществом. Отсюда: неверно говорить об отношении личности и общества: *личностность*, как только что подчеркивалось, сама есть *отношение* между человеком и обществом, членом которого он является.

Речь, стало быть, идет о *социальной значимости* факта исторического превращения человека в личность на определенном уровне *исторического* развития, без чего понятие "личностность" не было бы социологической категорией.

Какое же собственно отношение между человеком и обществом делает первого личностью? Это — отношение определенной относительной самостоятельности, независимости, это — определенная мера самоопределения. *Личностность* — как дефинировалось в указанной выше моей статье — и есть *мера автономии, самоопределения, самоуправления* человека в обществе, мера *простора* — экономического, политического, бытового — *между человеком и обществом*, между человеком и другими людьми, простора, *необходимого и достаточного для развертывания внутренних потенций человека*, потребность в котором /развертывании/ для самого общества возникает на определенном историческом уровне. Личностный простор, личностная автономия — определенная *свобода* не *от* общества, а *в* обществе. Этим личностность — а соответственно и панперсонализм, о чем речь ниже — отличается от индивидуализма, который означает абсолютную "свобо-

ду" от общества, что ведет к развалу общества и, стало быть, к распаду самого человека как человека.

В дальнейшем я пришел к уточнению, конкретизации этого определения: реальным выражением личности является право и реальная возможность принимать *решения*. Только при этом является человек личностью: только в том он автономен, самоопределяем, самоуправляем, в чем имеет возможность принимать решение или абсолютно равноправно с другими участвовать в принятии решения коллективом, обществом, что означает реальное право на выбор, на самовыражение, на самоутверждение. Если действительного права решать нет, то возможность выбора становится формальной, а возможность самовыражения, самоутверждения загоняется вглубь и может быть осуществлена лишь явочным порядком, партизанским, "революционным", на что способны немногие.

Выше говорилось, что история человечества есть история развертывания свободы, — но она есть и история нарастания уровня личности. Наибольший уже достигнутый в этом — уровень современного западного буржуазного общества, но и оно далеко от полной, всесторонней личности, от осуществления панперсоналистичности.

Близким к современному западному уровню был уровень личности в перикловских Афинах. При всем социальном имущественном расслоении в них демоса каждый гражданин, как уже отмечалось, являлся личностью и в бытовом, и в политическом, и в экономическом отношениях, — в отличие от массы современных людей на Западе, которые, будучи непричастны к собственности, являются экономически несвободными, поскольку они становятся наемными работниками у собственников. Античный же даже пролетарий наемным, эксплуатируемым не был. Зато эксплуатируемым был раб. В современном западном обществе нет рабов, однако, лишенные собственности массы людей, повторяю, являются наемными и, таким образом, в экономическом отношении личностями не являются.

Иначе говоря, личность в экономическом плане определяется *причастностью к собственности*: экономически личностью, т.е. экономически свободным является тот, кто причастен к собственности — индивидуальной

или общественной, точнее говоря, кто принимает по поводу нее *решения*, кто имеет в ней решающий голос. Этого, как замечено выше, лишены наемные люди в капиталистическом обществе и все люди — кроме разве что Политбюро — у нас. Экономической личности, экономической свободы нет для большинства людей на Западе, ибо они не причастны к собственности, нет ее для всех в тоталитаристских странах, ибо они также не причастны к собственности: государственная собственность — не их собственность, ибо они в ней не имеют *решающего* голоса.

В своем огромном большинстве люди во всем мире в течение всей истории не являлись личностями и в том — духовном — отношении, что давали и до сих пор дают возможность обвести их "вокруг пальца" политикам, как в древности эту возможность давали эллины демагогам.

Вот почему мы и подчеркиваем, что человек до сих пор ближе к миру необходимости, к законам природы, чем к миру свободы, к принципам личностного духа.

х х х

К а т е г о р и я с в о б о д ы

Итак, личностность связана с правом решать, — но право решать и есть человеческая свобода. Поэтому личностность и свобода — две ипостаси одного и того же феномена.

Энгельс вслед за Гегелем, а Гегель вслед за Спинозой определяли свободу как осознанную необходимость. Но это определение логически несостоятельно: оно принимает *условие* свободы за самое свободу. В самом деле, если человек находится, например, в нашей тюрьме и познал неизбежность сидеть в ней до конца срока, поскольку нет возможности в наших сверхдраконовских условиях устроить побег, познал даже, что для того, чтобы людей не сажали за мысль — к тому же на длительные сроки при жутких условиях содержания заключенных — необходимо изменить политический режим в стране, то от

всего этого познания он еще не становится свободным^х. Точно так же: свободным в отношении космических сил гравитации человек стал не тогда, когда постиг закон всемирного тяготения, а когда появилась реальная, практическая, техническая возможность *преодолеть* эти силы, т.е. когда появились космические ракеты.

Отсюда в статье "К проблеме тождества бытия и мышления" /см. журнал "Философские науки", 1968, № 4^{хх}/ я счел правомерным определить свободу как реальную возможность ПРЕОДОЛЕТЬ необходимость. Познание же необходимости – лишь предварительное необходимое *условие* этого, условие достижения свободы, но не сущность ее, не сама свобода. Условием не следует подменять сущность, что часто имеет место в тех или иных концепциях.

Теперь же я пришел к заключению, что преодоление необходимости связано и с возможностью человека *решать*, что возможность решать и возможность преодолеть необходимость взаимопроникают: одно без другого невозможно. Свобода человека – это, с одной стороны, реальная возможность преодолеть необходимость, а с другой стороны, реальное право решать. Человек свободен в той сфере и в той мере, в какой он имеет реальное право и возможность самостоятельно решать или принимать непосредственное участие в общем решении. Точно в той же мере человек, как уже подчеркивалось, является и личностью.

Подлинная возможность решать – не просто принимать решения, а именно действительно решать – в широком

^х Сотрудник "Архива Самиздата", в котором была переопубликована данная статья, сделал в этом месте сноску: "Ср.: "Не могу не сослаться по поводу каламбурного определения "свободы" как "осознанной необходимости". Получается, что если сижу в тюрьме, то я не свободен только до тех пор, пока я не "осознал", что не смогу выйти..." А.С. Волыпин // "Свободный философский трактат", 1959, А.С. № 234: 111. Я рад совпадению моей мысли с давней мыслью Волыпина, но огорчен, что до приезда на Запад не знал об его трактате /примечание автора к публикации его статьи в данном, 5-м выпуске "Поисков"/.

^{хх} Это была моя, если мне не изменяет память, последняя публикация в официальной печати. Уже она принесла мне кучу неприятностей: меня обвинили в том, что я "замалчиваю на самих классиков". Публикуя статью, редколлегия сделала внизу примечание, что публикует ее в порядке дискуссии, хотя не согласна с ее основными положениями. Случай в нашей печати – весьма редкий.

плане включает в себя возможность преодолеть необходимость. Стало быть, реальная возможность действительно решать зависит от достигнутого технического уровня и овладения техникой, от политического строя и фактического режима власти, от экономического уклада.

х х х

П а р а м е т р ы о б р а з а ж и з н и

Уровнем свободы — следовательно, личности — определяется *образ жизни* людей.

Образ жизни в современном западном мире характеризуется сочетанием политической личной свободы для всех с экономической свободой лишь для немногих при отсутствии последней у огромных масс наемных работников, что выражается в симбиозе демократии, бюрократии и капитализма. Указанное сочетание приводит, с одной стороны, к техническому прогрессу и материальному изобилию, с другой стороны, к плюрализму социально-культурологических движений и сексуальной эмансипации, а с третьей стороны, к вещизму, культу денег, коррупции, что — при низкой культуре мышления масс — обуславливает господство потребительской ценностной ориентации, "массовой" культуры, мизерных духовных запросов "толпы". При этом каждому дозволено доказывать народу все, что он считает верным, выступать за отмену данного социального строя, политического режима, за свержение правительства конституционными мерами, что является величайшим завоеванием человеческого духа, человеческого общежития.

Услыхав о том, что на Западе люди гордятся своим образом жизни, Брежнев бросил фразу о превосходстве *советского* образа жизни — и стая официальных философов, социологов, идеологов ринулась в поиски его сущности и особенностей. Посыпались, как из рога изобилия, диссертации, статьи, книги. Включились в эту кампанию и довольно грамотный философ В.Толстых, и способный молодой философ А.Ципко, когда-то уважаемый мною либерал. И что же? Результат плачевный: "советский" образ жизни оказался построенным "на песке": у нас, мол, лучший

образ жизни, ибо налицо-де высшая форма... собственности - общественная. Но, во-первых, это - иллюзия: как мы видели, у нас нет общественной собственности: она - государственная, распоряжаются ею органы власти, а не сами производители; во-вторых, не формой собственности определяются образ жизни: форма собственности определяет лишь *условие* определенного образа жизни, а не сам образ жизни: последний определяется такими параметрами, как *мера свободы, уровень личности*.

В условиях нашей страны образ жизни как раз и характеризуется *отсутствием личностной автономии*, т.е. человеческой свободы во *всех* сферах социальной жизни - политической, экономической, культурологической, духовной, за исключением бытовой, т.е. отсутствием права решать, - и не только решать, но *даже обсуждать*, поскольку передача, высказывание вслух своих мнений о внутренней и внешней политике нашего правительства, их критика, в том числе, например, высказывание мнения о том, что наш образ жизни определяется безличностностью, *нонперсонализмом*, квалифицируется нашим режимом как антигосударственная деятельность и влечет за собой репрессалии.

Феноменологически же подобный образ жизни выражается в цинизме, лицемерии на бесконечных собраниях, надевании на себя маски, как только человек выходит из дома, как только появляется в общественных местах, в раболепии, в значительных элементах крепостничества и даже рабства, в душевном раздвоении. Обязательными внешними атрибутами "советского" образа жизни являются очереди, изнуряющие и оупляющие человека, с извечным характерным вопросом "что дают?" вместо "что продают?"; давка на транспорте, где человек перестает ощущать себя человеком, уподобляясь скоту в стаде или селедкам в бочке.

Всем обрисованным выше обуславливается такое конкретное содержание параметров образа жизни, как *иерархия ценностей, их шкала, ценностные ориентации* "советских людей: раз единственной сферой, где человек самостоятелен, являются быт, семья^x, то уют, гнездо, декоративные собачки, секс становятся во главе шкалы цен-

ностей, в вершине иерархии их. Отсюда, стало быть, буржуазность шкалы ценностей у членов нашего общества, бездуховность, филистерство здесь более глубокие /в том числе даже у той части интеллигенции, которая тщится о чем-то думать, но цепко держится за вкусный кусок, ставя его фактически превыше всего/, чем в западном обществе. Участие же в "общественных" делах - на субботниках, на собраниях, на "выборах" - у "советских" людей происходит автоматически, как при отбывании неизбежной повинности; они относятся к этому, как к "отправлению естественных надобностей" - неприятных, но неизбежных для жизни.

Как неизбежное "естественное" бремя "советский" человек принимает принуждение его бесплатно работать в виде "шефства" на селе во время уборочной кампании, что является формой рабского труда^{хх}. Так же, как свыше посланное неизбежное зло, принимается и крепостническая система паспортной прописки, система закрытых городов и пр. - как обязательная "естественная" плата за маленькие радости у себя дома, тонущие в море невзгод, в бесконечной бытовой озабоченности, которыми и жив человек у нас. Хотя и плохие это "спутники" жизни, но иначе и быть, мол, не может: "не нами заведено - не нами будет и отменено". Поскольку нет ни политической, ни свободной экономической, ни подлинно духовной жизни у нашего "массового" человека, ему остается весь смысл жизни видеть по существу только в такой иерархии ценностей, в вершине которой стоит древний девиз "хлеба и зрелищ"...

* * *

^х Правда, и в сфере быта и семейных отношений у нас немало регламентационных оков, да и сама семья может по-работать человека.

^{хх} Даже официальный работник "Правды" Ю. Черниченко назвал это *сарафимом*, т.е. рабским, трудом в своем очерке "про картошку", помещенном в журнале "Наш современник", № 6, 1978.

ТИПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Образ жизни составляет феноменологическое содержание социальной системы, является как бы живым ее воплощением, ее инобытием. В чем же сущность социальной системы?

Обычно выделяют два типа систем: механические и органические. При этом социум, т.е. общество одни относят к механическим системам, другие /например, Спенсер, Ленин, Т.Парсонс - хотя каждый по-своему/ - к органическим, к организмам^х. Сторонники этой второй точки зрения обычно возмущаются причислением общества к механическим системам, в которых человек рассматривается не как субъект, а как объект, как вещь. При этом они не замечают, что, полагая общество моноцентрическим организмом, а людей органами его, лишь несущими те или иные ролевые функции, сами тоже по существу игнорируют человека как субъекта, рассматривая его лишь как объект.

В действительности следует, думается, полагать - и это принципиально важно - наличие трех типов систем: механических, органических и социальных. Социум является системой не просто ролевых деталей-органов, лишенных субъективности и потому слепо подчиняющихся центру управления, как это имеет место в органической системе, а системой особых отношений между целеполагающими существами, т.е. *субъектами*, носителями универсальной - в потенции - предметной деятельности, обладающими *самосознанием* и, стало быть, чувством личного достоинства. То есть общество является системой, в которой *каждый* член является одновременно сам по себе

^х Если Г.Спенсер свою концепцию устройства социальной жизни строил на прямой аналогии общества с организмом, то В.И.Ленин назвал общество организмом лишь мимоходом, желая подчеркнуть этим, что общество - не хаотический конгломерат особей /индивидуумов/, а система, имеющая стройную структуру. Это само по себе верно, однако, специфика социальной системы при этом остается нераскрытой.

воплощением Всеобщего, Микрокосмом, центром, *морально равнозначным всем остальным*.

Если члены-детали в механической системе - например, рычаг, гайка, трансмиссия - или члены-органы в органической системе - например, рука, сердце, почка, нервные ткани - отличаются друг от друга своей структурой и если они вне системы тут же перестают быть собой /так, рука вне организма - это уже не рука/, то члены общества - люди - самостоятельные монады, структурно похожие друг на друга, и социум как система образуется такими функциональными, ролевыми различиями между ними, которые вытекают не из их структуры, а могут изменяться в зависимости от рангово-имущественного положения, от их сложнейших иерархических отношений между собой.

Такой подход к социуму как системе общественных отношений между *структурно и морально равнозначными субъектами* связан с определением сущности человека как исторически сложившегося целеполагающего универсального предметного деятеля, обладающего самосознанием, которое венчается, как сказано выше, *моральностью*. Универсальной предметной деятельностью, целеполаганием, субъектностью, моральностью, самосознанием человек отличается от животного - от инстинктивности, *нецелеполагания*, однокачественной, *неуниверсальной* деятельности, например, пчелы, от зоологической насильственности, т.е. *неморальности*. Но эти качества человека могут быть присущи самому индивидууму в результате становления личности, а могут быть переданы от человека-индивидуума совокупному человеку-коллективу, в котором акция индивидуума регламентирована.

В зависимости от этого в истории человечества можно выделить *два основных типа социумов*, социальных систем - *личностный и безличностный*.

В обществах безличностного типа каждый отдельный человек обладает качествами субъекта не сам по себе, а опосредованно - через коллектив. Тогда субъектом социальной деятельности является не личность, а коллектив как совокупный субъект, - и право решать принадлежит здесь не человеку, а коллективу в целом *или* тем,

кто олицетворяет коллектив, сообщество, кто узурпировал власть в нем, например, монарху, олигархии.

Отсюда — кстати — следует, как я полагаю, различать категории "субъект" и "личность", что обычно не различают в социологии и психологии: субъект, деятель — это еще не личность, т.е. еще не человек, участвующий в решениях. Деятель может быть либо решающим, либо исполняющим чужие решения. Последний — не объект, но и не личность. Личностью по отношению к исполнителю является либо совокупный субъект, либо диктатор, монарх, олигархия. Так, раб — тоже деятель, преобразователь природы, а не объект преобразования, но он ведь не личность. Таким образом, следует различать не только объект и субъект, но и различать в самом субъекте исполнителя и распорядителя.

В личностных обществах субъект-исполнитель и субъект-распорядитель сливаются в одном лице. В безличностных же они разъяты.

В личностном обществе — двучленная структура деятельности: объект-субъект / =личность: решающий субъект и исполняющий субъект слиты/. В безличностном обществе — трехчленная структура: субъект-распорядитель / =личность/ — субъект-исполнитель — объект. Причем подавляющая масса этого общества — субъекты-исполнители, т.е. субъекты-неличности, безличные субъекты. Субъекты-исполнители по отношению к субъектам-распорядителям находятся все в той же роли объектов.

Подобная трехчленная структура в классическом виде имела место в азиатских и феодальных обществах, где личностями были лишь деспоты, олигархи, феодалы. В первобытном же, родо-племенном обществе эту функцию субъекта-регулятора выполнял коллектив, каждый же индивид был лишь субъектом-производителем, исполнителем^х.

^х Отсюда: триада Маркса /первобытный коммунизм — все последующие за ним формации — современный социализм как отрицание отрицания/ несостоятельна: первобытный коммунизм стоит в ряду безличностных обществ, а социализм — в ряду личностных.

А в нашем квазисоциалистическом обществе роль субъекта-регулятора замещает неуловимая *матрица*: даже руководители в Кремле не являются личностями. Тем более неличностями являются и те, кто включены в номенклатуру — причем тайно, скрыто от народа. Номенклатура — это, как отмечалось мною в статье "Страна-сфинкс"^х, — отнюдь не класс /как полагает М.Джилас/, определяемый наличием в частных руках капитала, передаваемого по наследству, не сословие или каста, определяемые составом лиц, привилегии которых зафиксированы юридически или историческим обычаем, и которые также передаются по наследству, а это — рамки особой, невидимой, как иудейский Бог, "матрицы", как бы впитывающей в себя, словно губка, функционеров управленческого аппарата, обладающих нужными ей — "матрице" — *безличностными* чертами: умением не иметь самостоятельного мышления или отказываться от него, способностью соглашаться, угождать, а также "разрабатывать", комментировать указания вышестоящих и давать жесткие команды нижестоящим, жестко и жестоко выколачивать выполнение этих команд.

"Матрица" автоматически отбрасывает "брак" — "выплевывает" из себя тех, кто вдруг проявил малейшую строптивость, проблеск собственной мысли, т.е. личности. Иначе говоря, *не состав лиц определяет ее рамки* /как у сословия или касты/, а *рамки определяют состав лиц*. Это и есть матрицизм — особая, небывалая в истории система /она имеет нечто общее с масонской ложей, с мафией, но отлична и от них/, определяющая специфику режима власти. Эта система, источником которой является монопартийность, сформировалась при Сталине, несколько забуксовала при Хрущеве, но окончательно выкристаллизовалась при Брежневском 15-летьи.

^х См. "Поиски", самиздатский № 1-2. В типографских выпусках журнала эта статья еще не опубликована /Примеч. изд-ва/.

Из изложенного следует, что - в отличие от насаждаемых представлений - ни в отношении первобытного общества, ни тем более в отношении нашего общества невозможно говорить о наличии какой-либо демократии: это - либо коллективократия, либо матрицекратия. Демократия же /как она впервые сложилась в древней Элладе/ не есть власть коллектива - тем более, матрицы - над личностями и тем более не власть отдельных личностей над коллективом, над массой индивидов, а власть *всех* личностей, их самоуправление: демократия - это власть личностей в коллективе, в социуме, *каждая* личность причастна к власти, - вот суть, смысл демократии. Каждый гражданин выступает тут как *политическая личность*, т.е. имеет действительное право и реальную возможность *решать* политические дела.

Это имеет место и в современном буржуазном обществе. Но в экономическом плане субъект разъят и здесь: тут произошло *разъятие* производителя и средств производства, а отсюда и распад, разъятие ремесленника-личности на производителя, лишенного собственности, и собственника, переставшего быть производителем, из-за чего произошел распад единой личности на производителя-исполнителя /неличность/ и собственника-организатора-распорядителя /личность/. В дальнейшем выделился и исполнитель-инженер, исполнитель-тенический руководитель, который, однако, *не* решает: решает собственник капитала /сложней обстоит дело с современным менеджером/.

Поэтому в экономическом смысле и в буржуазном обществе большинство, т.е. все наемные работники - не субъекты-личности, а субъекты-исполнители. Но в этом обществе специфическим является то, что субъекты-исполнители в производственном плане суть субъекты-личности в политическом плане, поскольку тут налицо политическая демократия: от их решения конституционно-демократическим способом в конечном счете зависит, оставаться ли им лишь экономическими исполнителями *или* стать причастными к экономическим решениям, т.е. они имеют реальную возможность *решать*, какой экономи-

ческий строй ввести, - и если они *выбирают* строй, где они не являются экономическими личностями, т.е. капиталистический, то это зависит, с одной стороны, от того, *что* большинство населения на сегодняшний день считает выгодным, удобным для себя, а с другой стороны, от уровня их культуры мышления, культуры духа, их ценностных ориентаций, иерархии ценностей: пока люди *сами* не осознали преимущества преодоления своего экономически безличностного статуса, никто не вправе им *навязывать* другой, универсально-личностный статус, тянуть их на веревке в рай: можно только доказывать им, пропагандировать, агитировать. Словом, это общество *в целом живет* на *личностной основе*, хотя личностность и здесь ограниченная, неполная. Но выше этого уровня человечество еще нигде не поднималось.

В обществах в целом неличностных - низкий творческий потолок, выше которого они подняться не в состоянии. Так, хоть и считается, что Китай в древности достиг высокой культуры, цивилизации, но он, как и все азиатские и феодальные, т.е. безличностные общества, не поднялся и не мог подняться выше плуга, выше рукоделия /хоть и придумал бумагу, компас, порох/, на чем и *остановился, как бы замер*. Таким образом, безличностное общество - это тупиковое общество. Матричная форма его, которой характеризуется "советское" общество, хоть и использует технический прогресс, но, во-первых, трансплантирует его, как правило, из личностного буржуазного общества Запада /а не само творит его: вся огромная сеть наших НИИ дает весьма мизерный КПД и лишь частные инновации, - в то время как фундаментальная наука и техника идет с *творческого* Запада/, т.е. по существу паразитирует на его технологическом потенциале, а, во-вторых, использует технику варварски, бесхозяйственно, губя в значительной мере и ее, и материальные ресурсы. Посмотрите хотя бы киноплёнки "Фитиль" и упомянутый очерк Ю.Черниченко "Про картошку"...

Практически беспределен творческий "потолок" лишь в личностном обществе, которое - хотя и в ограниченном пока виде - имеет место лишь в оазисе, называемом "Запад", берущем свое начало с античной Эллады. Вопреки

мнению упомянутого выше философа М.Петрова, будто *нормальным* обществом является общество азиатского типа /которое он метко назвал "ремонтным", "медицинским", так как медицина не создает новое, а лишь ремонтирует наличное, т.е. является консервативным, традиционалистским обществом/, а не европейская ветвь, которая составляет исключение, начавшееся с древнегреческого "чуда", - я полагаю такой подход сомнительным: все зависит от того, *что* считает нормальным - типичное *или* сущностное? Я, например, под термином "нормальный" имею в виду не "*типичный*", не то, что олицетворяет собой большинство, а то, что адекватно выражает *сущность* данного предмета. Так, термин "нормальный человек" может означать "типичный, средний, массовый человек" и может означать - тот, кто выражает собой сущность человека как человека". В этом, втором смысле, творческий, многосторонне развитый человек, высоконравственный, критически мыслящий, не является отклонением от нормального человека, аномалией, "отщепенцем" от нормы, как это обычно пониают и трактуют, а как раз самым нормальным человеком.

Типичное и нормальное - это не одно и то же: *нормальное* - это, по моему определению, *то, что исчерпывает сущность предмета*. Если же какие-либо атрибуты, стороны сущности не развиваются в типичных предметах, в большинстве их атрофируются, то это не значит, что эти предметы нормальны. Отсюда: нормальным следует считать личностное, а не безличностное общество, ибо именно первое исчерпывает сущность человеческого общества, общества, дающего возможность каждому индивиду развернуть свои человеческие потенции.

Что касается современного западного общества, то его потолок, как это отмечено выше, пока ограничен: хотя это общество уже персоналистское, но еще не *пан*-персоналистское: здесь уже нет политического *принуждения*, но зато еще есть экономическое *вынуждение*, ибо нет у массы наемных права решать в сфере экономической жизни, в ней решает капитал. От такого персоналистского общества существенно отличается панперсоналистское, которое в историческом процессе пока еще не

реализовалось.

Изложенное показывает, что всякие европоцентрические схемы, выдающие частное /европейский исторический путь/ за всеобщее /общечеловеческий путь/, несостоятельны.

Из всего до сих пор сказанного следует лишь, что *безличностный* тип социума выступал в истории в формах:

- первобытно-общинной /при тотальной регламентации человеческого индивида/,

- азиатской /с деспотом и его бюрократическим аппаратом наверху/,

- феодальной,

- олигархической,

- и, наконец, матричной, бытующей в современных этэлитаристских /см. об этом ниже/ обществах, таких как СССР, Китай, Куба, Вьетнам, Камбоджа, ряд стран Восточной Европы. К этому же идут Эфиопия, Афганистан, Ангола.

Вопреки утверждениям А.Зиновьева, будто эта последняя форма есть не только социализм, а даже коммунизм^х, она никакого отношения ни к тому, ни к другому не имеет. Тезис Зиновьева о том, что раз это общество существует по своим каким-то законам, т.е. является системой, то это значит, мол, что оно нормальное, здоровое общество, так же "верен", как то, что раковая ткань - *для себя* тоже здоровая, нормальная, поскольку тоже является системой и тоже существует по определенным законам. Социализмом называет наше безличностное матричное общество и Р.Медведев, но если Зиновьев, полагая, что оно нормальное, здоровое для себя, считает его вообще-то плохим, тормозящим развертывание творческих потенций человека, не дающим состояться ему как личности, то Медведев, полагая его, наоборот, хорошим, считает, что оно не очень здоровое для себя и нуждается в некотором симптоматическом лечении.

Личностный же тип социума выступал в истории пока лишь

- в античной форме,

^хСм. А.Зиновьев "Зияющие высоты" и "Светлое будущее".

- в форме средневековых городов-коммун, к которым можно причислить и Псково-Новгородское общество,
- в современной капиталистической форме.

Все эти три формы представляют *ограниченную* личностность: античная форма ограничена тем, что личностями являются только граждане, в то время как огромная масса рабов — неличности во всех отношениях, в том числе и в бытовом; буржуазная форма ограничена тем, что *наемные* работники не могут, как уже подчеркивалось, принимать решения о делах производства, на котором они же работают; этого ограничения еще не было в средневековом городе /при простом товарном хозяйстве/, но из-за наличия частной собственности он не мог не прийти к капиталистическому обществу.

Полная же гармоничная личностность /т.е. *панперсонализм*/, означающая, что, во-первых, *все* люди являются личностями, во-вторых, *во всех* отношениях, еще нигде в истории не была осуществлена. Это такая же незаполненная "клетка-ячейка" в сети возможных социальных систем, как пустые клетки в периодической системе Менделеева, постепенно заполняемые, или как долго пустующее место неизвестной планеты, предсказанной Коперником на основании открытой им гелиоцентрической системы. Из того, что панперсоналистская система не стала пока фактом и опытным путем не может быть верифицирована ее реальность, не следует, что она невозможна, неистинна, как пустые "клетки" в системах Коперника и Менделеева не свидетельствовали о несостоятельности самих систем: наоборот, эти системы служили стимулом для поисков...

х х х

От этэлитаристского социума к универсальному
самоуправлению

Панперсонализм как самоуправленческий образ жизни есть преодоление ограниченного персонализма: последний допускает в экономической сфере фактическое ущемление личности одних со стороны других, что обуславливает определенную деформацию личности в остальных сферах социальной жизни. Панперсонализм отрицает какое-либо

господство человека над человеком — политическое, экономическое, психологическое.

При этом панперсонализм предполагает, что поскольку каждый человек станет в будущем личностью *во всех* отношениях, станет полностью свободным, *раскованным* от каких бы то ни было социальных и духовных пут^х, *самоуправляющимся*, то в потенции он и есть Бог, так как им уже никто не управляет, — он должен воплощать сам в себе Бога, т.е. все те качества, которые религия узревает в трансцендентном Боге: великодушие, благородство, высокую нравственность, творчество, промысел, мудрость, провидение, "всезнание", т.е. постижение действительности как она есть, а не в перевернутом виде; он должен владеть высокой культурой мышления, быть свободным от конформизма, манипулируемости его сознанием, т.е. быть "всевидящим", "всесильным".

Представители творческой интеллигенции, стремясь быть персонами-личностями, вместе с тем зачастую по-снобистски, презрительно относятся к остальному человеческому племени: мол, тупой, нетворческий человек должен быть мусорщиком, а творческий, умелый — капиталистом. Но тут явная логическая передержка: из того, что не каждый-индивидуальный творец нового, не следует, что он не должен быть *личностью*, не должен иметь право *решать* дела, касающиеся всего общества, в котором он живет, в том числе, следовательно, и его лично, тем более не следует, что он должен быть наемным, эксплуатируемым. Если человек родился нетворческим, то это не его вина, а его беда, — и это не значит, что он менее чувствителен к унижениям и оскорблениям, что он в нравственном отношении ниже и менее достоин быть личностью во всех отношениях, чем человек, который имеет творческие способности в какой-то узкой сфере и который может быть в нравственном отношении гораздо ниже.

Вывести *всех* людей, *каждого* человека из состояния самоотчужденного сознания, создать всем людям *равные* возможности *осуществлять* свои *неравные* потенции, соз-

^х Исходя из предыдущего, совершенно очевидно, что свобода от пут не означает произвола, а предполагает также подлинно добровольное выполнение общественных норм, принятых решением самих членов общества.

дать всем людям реальные возможности развертывания своих сущностных сил, своих способностей, право выбирать, право решать, право *решающего* - а не просто совещательного - голоса во всех сферах социальной жизни, право на полное самовыражение, самоутверждение - в этом *смысл панперсонализма*. Именно это расширительное содержание вкладывал Маркс в термин "коммунизм", называя его "реальным гуманизмом". Можно спорить о том, соответствует ли этому содержанию сам термин, поскольку "коммунизм" этимологически происходит от слова "общее", которое неадекватно выражает изложенное содержание, - но кому может не понравиться само содержание, вкладываемое в него? Оно, думается, соответствует чаяниям любого подлинного гуманиста, любого гуманного человека, любого человека доброй воли.

Панперсонализм - *самоцель* общества, основанного на самоуправленческо-гуманистических началах. Совершенно очевидно, что не может быть панперсоналистского образа жизни, если кто-либо *узурпировал* политическую власть или эксплуатирует кого-либо экономически, *лишает* его права решать в сфере производства или в какой-либо иной. Поэтому *условием*, кондицией панперсоналистского образа жизни является система, исключающая эксплуатацию чуждого труда - физического или интеллектуального, т.е. исключающая не только внеэкономическое *принуждение* - рабство, крепостничество, но и экономическое *вынуждение* - наемный труд, который имеет место при капитализме, и, если можно так выразиться, "приемный" труд, который имеет место в нашем обществе: в последнем человек не просто нанимается, ибо тут фактически не действуют экономические законы "купли-продажи", а *принимается* на работу государственной администрацией, которая платит не *заработную* плату, а назначенную по политическим расчетам, в том числе по соображениям экономической *политики*. Эксплуатация чужого труда отсутствует тогда, когда *производитель* соединен со *средствами производства*, т.е. когда производитель-исполнитель является *одновременно* и собственником-организатором-распорядителем.

Это, видимо, возможно в двух случаях - в простом

товарном обществе, т.е. при индивидуальной собственности *без* наемного труда, и при коллективной, общественной собственности, которая может быть либо кооперативной, либо общенародной, что и является основой социализма. Однако товарное общество, основанное на индивидуальной собственности, не может в своем развитии не привести к усиленному имущественному расслоению, к разорению огромного большинства товаропроизводителей, а отсюда и к возникновению наемного труда, эксплуатации. Даже демократия, ограничивающая уровень этого расслоения, не может в таких условиях преградить путь к наемному труду, стало быть, к эксплуатации, к лишению масс людей статуса *личности* в экономическом плане, — а отсюда и ко всем порокам капиталистического общества, в том числе к моральным болезням общества^х.

Стало быть, как раз общественная собственность — следовательно, социализм — может стать *условием*, необходимым для реализации панперсонализма.

Социализм — это *личный* коллективизм или коллективистическая личность, а в нашей стране ныне-безличный "коллективизм" или "коллективистическая" безличность, т.е. матричный "коллективизм". Вот это последнее, собственно говоря, имеют в виду и И. Шафаревич, и А. Федосеев, выдавая за социализм то, что им не является.

Необходимым *средством* для становления подлинного социализма, т.е. всестороннего самоуправления, является полная, неурезанная демократия. Демократия является той *основой*, на которой может быть воздвигнут социализм как *условие* для осуществления панперсонализма. Политическая демократия как основа /средство/, самоуправленческий социализм как условие, панперсонализм /универсальная личность/ как цель — вот платформа, которая, мне думается, может объединить всех людей доброй воли, ибо она *никому* не несет зла. Либерти, панперсонализм, самоуправление — это по сути ипостаси одного и того же.

^х Вот на что — словно намеренно — закрывает глаза, например, А. Федосеев в своей антисоциалистической статье "Почему вы не должны быть социалистами", помещенной в "Континенте" № 15.

САМОУПРАВЛЕНИЕ является естественным^х состоянием нормального общества, общества, полностью соответствующего своему понятию /а не превращенной форме его/, т.е. ассоциации, состоящей из людей-личностей, а не из людей-роботов. Только самоуправление соответствует сущности личности, поскольку последняя, как существо нравственное, имеет развитое чувство собственного достоинства.

Самоуправление означает, что никто не может стоять *над* личностью: она *суверен* самой себя. Личность можно убеждать, но нельзя ей что-либо навязывать. Она может ошибиться — она же сама и исправит свою ошибку, и *никто вместо нее*. То же касается и *народа* как совокупной личности: никто не вправе силой навязывать ему свою волю, поскольку он состоит из суверенных существ. Как субстанция является *causa sui* — причина самой себя, так и народ-личность — а не народ-робот — является господином над самим собой — и *никто над ним*: ни царь, ни имам, ни Политбюро.

Нравственно равнозначные субъекты, входящие в самоуправляющийся социум как *полицентрическую* систему, для успешного ее функционирования и развития, *сами* добровольно создают *моноцентрическое* управление. Оно призвано не давить полицентризму, субъективность, самобытность, свободу каждой личности, а служить им. Моноцентризм — самоцель лишь органической системы; в личностной же социальной системе он — лишь средство полицентризма, т.е. условие всемерного развития всех потенций каждого человека как микрокосма.

Если же моноцентрическое управление ставит себя над полицентризмом, глушит его, то это уже — не подлинная демократия: последняя может быть лишь *личностной*! Казарменная "демократия", растворяющая личность, превращающая ее в орган, носитель роли, функции, в винтик системы — это уже не демократия, а диктатура, тирания, деспотия, основой которой является нивелиров-

^х Под словом "естественный" понимается здесь не "природный, не "от природы данный"; а "соответствующий сущности данного предмета".

ка, деперсонализация, узурпация прав личности^х.

Следует иметь в виду то историческое обстоятельство, что первым в истории классом, который за каждым членом общества признал достоинство личности, провозгласил принцип построения общественной жизни на основе признания личной свободы каждого, без чего нет и не может быть демократии, равной своему понятию, была буржуазия.

Но буржуазия весьма противоречивый класс: хотя она и стоит на позициях политической демократии, однако экономическая демократия претит ей, ибо буржуазия опирается на частную собственность как на основу экономических отношений. Поэтому наемные работники на капиталистических предприятиях, естественно, как сказано уже, отчуждены от управления производством, на котором работают, лишены права решать вопросы производства. Вступая на территорию производства, работники *перестают быть личностями*, свободными в экономическом отношении субъектами, снова превращаясь в экономические объекты. Впрочем, и за пределами производства над

^х Не могу при этом согласиться с точкой зрения, высказанной, например, А. Амадьриком, будто основой демократии является *индивидуализм*. Основой демократии является *личностность*. Личностность — это, как мы видели, мера автономии человека в условиях его *работы об устройстве* своего общества и о других личностях; индивидуализм же — это *противопоставление* человека обществу, ведущее в своем логическом завершении к распаду и общества, и личности.

Сторонники индивидуализма опасаются принципа принятия решений по большинству голосов. Но ведь этот принцип не связан при подлинной демократии с умалением интересов меньшинства, с принесением последнего в жертву большинству: *всякое* жертвоприношение антигуманно, античеловечно, т.е. античеловечно, претит человеческой сущности, а посему и антисоциально, если речь идет не о превращенной форме социума. /С точки зрения подлинной нравственности несомненно, что никто не имеет права приносить в жертву кого-либо, кроме себя самого. Следует различать строго *самопожертвование* и *жертвоприношение*. Нравственный человек во имя добродетели готов и на самопожертвование, когда этого требуют обстоятельства, псевдолюди и псевдореволюционеры приносят в жертву других, — апогея в этом достиг Сталин. Что безнравственно, подло, низко устраивать благополучие даже массы людей на принесении в жертву хотя бы одного человека, прекрасно показал Дарренматт в своем «Визите дамы». /Принцип принятия решений по большинству голосов — не суть демократии, вопреки привычному представлению многих, а лишь *условие* ее существования, *conditio sine qua non*. Суть же демократии — в обеспечении свободы *каждой* личности, ее суверенитета, ее самовыражения, ее самоопределения.

человеком господствует система частной собственности, рождающая, как уже говорилось, психологию "вещизма", психологию раболепия перед вещью и символом. Господство вещи и символа над человеком и человеческими отношениями, инверсия субъект-объектных отношений, потребительская иерархия ценностей, в которых ценности материальные, примитивно-зрелищные, сексуальные господствуют над духовно-творческими и эτικο-эстетическими, - все это и есть то, что именуется *буржуазностью*, буржуазным, мещанским образом - стилем - жизни. Человек оказывается односторонним, частичным, фрагментарным, развивается по принципу *флюса*.

Сознанием такого человека легко манипулировать, оно конформно, оно - в плену всевозможных шаблонов, стереотипов, штампов, алгоритмов, имеющих хождение в "массовой культуре" и распространяемых с помощью средств массовой информации. Лишь единицы в этих условиях вырываются из плена самоотчуждения и духовно "делают самих себя".

Буржуазия мечется между своей демократичностью и своей же алчностью. Близорукая алчность - или алчная близорукость - бизнесменов, идущих на экономические сделки даже с дьяволом, может привести к тому, что демократический мир будет поглощен или сменен тоталитаристским миром.

Провозглашая превосходство общественных форм собственности на средства производства над капиталистическими, социалисты исходят из того, что скопление огромных сумм капитала в частных руках деформирует и самое демократию. Пусть даже эти средства в основном снова пускаются в производственный оборот; пусть изъятие капитала из этого оборота строго регламентируется законом, как, например, в США; пусть капиталист тратит на себя и свою семью даже не больше, чем менеджер или высший номенклатурщик в странах, где провозглашен "социализм" и где частной собственности уже нет; пусть сейчас в развитых странах нет уже тех ужасов эксплуатации, о которых писал Энгельс в книге "Положение рабочего класса в Англии", - тем не менее концентрация капиталов в частных руках неизбежно приводит к кор-

рупции, к подкупу бюрократии и даже политических деятелей, т.е. избранных народом лиц, к росту нравственных болезней общества, преступности, безработицы, инфляции и пр., к ущербу, ограничению демократии. Стало быть, актуальной альтернативой этому может быть следующее: *полное разворачивание всех потенций личностной демократии, возможное в условиях общественной собственности, подлинного социализма.*

С другой стороны, *подлинный социализм* и одна из его основ - общественная собственность - *невозможны вне действительной личностной демократии.* Собственность является общественной, народной, является общенациональным достоянием лишь тогда и там, когда и где *каждый* член общества имеет реальное право открыто высказывать *любое* свое мнение по поводу управления и использования этой собственности; и не только высказывать мнение, но - как выше уже подчеркивалось - и РЕШАТЬ, как ее использовать и распределять. Без этого национализированная собственность легко превращается в этэлитаристскую форму собственности, в собственность государственного аппарата, т.е. без подобной демократии возможен не социализм, а лишь *этэлитаризм.* /Этэлитаризм, о чем уже было упомянуто выше, означает - *этактический элитаризм,* т.е. строй, в котором народным достоянием бесконтрольно распоряжается государственный-этактический-номенклатурный слой, политическая элита, адекватная требованиям матрицы. Совершенно очевидно, что этэлитаризм, как и матрицизм - названия условные, как впрочем и все названия/.

Стало быть, при социализме политическая демократия - не просто политическая надстройка, как твердят марксистские учебники, не привесок, которой можно отбросить, а *основа,* без которой общественная собственность как существенная для социализма перестает быть сама собой. Отсюда: не подлинная демократия и социализм исключают друг друга, как тшятся утверждать иные, а исключают друг друга как раз социализм и *диктатура.* Так называемые диалектические построения Ленина о том, что демократия есть тоже форма диктатуры, что без дик-

татуры, выходит, вообще невозможен социум, есть чисто софические спекуляции. Демократия - это суверенитет народа и личности, и не дай Бог, если здесь начинается игра на диалектической "подвижности граней".

Итак, демократия и личностность входят в самую *сущность* социализма, который тождественен универсальному, всестороннему самоуправлению. Именно поэтому выражения "демократический социализм", "гуманный социализм", "социализм с человеческим лицом" /вернее: нутром/ *неточны*, тавтологичны: негуманного, нечеловечного, недемократического социализма нет и быть не может. Мало ли что можно наименовать "социализмом"^x, но без демократии это будет олигархизм, этэлитаризм, матрицизм, политаризм, госкапитализм, госфеодализм или какой-либо симбиоз, - все что угодно, только не социализм. Словосочетания "демократический социализм", "демократический коммунизм" употребляют лишь для того, чтобы подчеркнуть свою позицию, отделить понятие подлинного социализма от того, что за социализм выдается. Впрочем, таких тавтологических сочетаний, употребляемых с такой же целью, в любом языке немало /ср. выражения "народная демократия", "предметная деятельность", "гуманный, т.е. человеческий человек", "живая жизнь" и др./.

^x Так, И. Шафаревич придумал назвать социализмом любое общество, где нет частной собственности на землю, где имеется общность жен /?!!/ и где обязательно уничтожается религия /см. ст. "Социализм" в со. изд. под гл.б. и кн. "Социализм как явление истории"/. На этом основании он зачислил в социалистические и древние государства Двуречья и Египта, государство инков и т.д. Обходя комический навет, насчет "общности жен", следует признать, что у этих государств есть кое-что общее с современным этэлитаризмом. Но при чем тут социализм как он понимается современной социологической наукой и, в частности, Марксом? Софистика всегда была удобным орудием полемики, но она никогда не была свидетельством глубокомыслия и научности.

В наше время социалистами объявляли себя и Гитлер, и Насер, и Сукарно, и Сталин, и Мао, и Брежнев, хотя каждый по-своему, но никакого отношения к социализму никто из них не имел. О том, как расширительно толкуется разными течениями и авторами слово "социализм" - благо, это слово имеет, как уже отмечалось выше, тот же корень, что и слово "социум", т.е. "общество" вообще - показали в свое время еще Маркс и Энгельс в том самом "Манифесте Коммунистической партии", который за чем-то искажается Шафаревичем.

Отсюда совершенно очевидно, что не выдерживают критики поверхностные суждения, будто соединение социализма /т.е.самоуправления/ и демократии - это некий кентавр, будто социализм и нравственность несовместимы: авторы этих рассуждений по сути дела имеют в виду другое - несовместимость с демократией, с нравственностью этэлитаризма, *того что выдается за "реальный социализм"*. Но при чем тут социализм подлинный, действительный?

Социализм вовсе не есть любой нечастнособственнический уклад или любая государственная форма собственности: этим последним могут соответствовать разные формы деспотии. Так, все земли в Древнем Египте были собственностью фараона как главы государства, а все прочие люди, не являясь собственниками, лишь пользовались ею. Это - крайняя форма абсолютизма, это, если так можно выразиться, "фараонизм", но, конечно, никакой не социализм. И если вся земля и средства производства символично считаются собственностью общества, народа, а на деле этой собственностью по своему усмотрению распоряжаются 10-15-20 олигархов, например, членов Политбюро, то это тоже никакой не социализм, а олигархизм.

Определить сущность предмета, в том числе и социализма, значит найти его основное "противоречие": основное "противоречие" это то, что делает данный предмет данным предметом, т.е. самим собой. Причем это противоречие не обязательно должно быть между двумя данными - сторонами, компонентами, моментами, как считают некоторые "спецы" от "диалектики": оно может быть и между тремя и большим числом данных. Поэтому термин "противоречие", "контраверза" лучше бы заменить термином "поливерза", - и тогда точнее будет говорить не о диалектике, а о *полилектике*.

В чем же действительно заключается основная поливерза социализма как общественно-экономической системы, призванной проложить дорогу панперсонализму? Внимательный логический анализ показывает, что речь здесь идет о соотношении между тремя структурными компонентами: между характером труда, принципом распределения и

формой собственности. *Непосредственному общественному* характеру труда здесь противостоит, с одной стороны, распределение по *личному* трудовому вкладу, а с другой — *опосредственность* общественной собственности. Иными словами: каждый член общества, коллектива принимает в труде *непосредственное* участие, т.е. он трудится сам, а к общественной собственности он имеет лишь *опосредованное* отношение, ибо распоряжаться ею он уполномочивает представительные органы, т.е. распоряжается *через* них, — и если у них появляется чрезмерная власть — тем более опирающаяся на вооруженную силу, то они могут фактически узурпировать эту собственность у членов коллектива, у народа, у нации. Опосредованность общественной собственности выражается и в другом — *в различной мере причастия* к ней каждого работника: кто получает больше благ в соответствии с личным трудовым вкладом, тот фактически и больше причастен к общественной собственности, больше пользуется ею; т.е. причастие к общественной собственности *опосредуется* уровнем — количественным и качественным — личного трудового вклада. Поэтому при социализме общественная собственность еще *неполная*, весьма "ранимая", причастие к ней неравное, и, стало быть, малейшие возможности ущемить демократию могут привести к деформации общественной собственности и, наконец, к ее узурпации меньшинством.

Следовательно, основная поливерза социализма — это, с одной стороны, противоречие между непосредственно **ОБЩЕСТВЕННЫМ** характером труда и распределением по **ЛИЧНОМУ** трудовому вкладу, а с другой стороны, — противоречие между **НЕПОСРЕДСТВЕННО** общественным характером труда и **ОПОСРЕДОВАННОЙ** формой общественной собственности.

А отсюда вытекают весьма значимые последствия: если собственность будет опосредована государством, то она может легко оказаться иллюзорной, обернувшись на деле по существу собственностью партгосаппарата, — и тогда он ею начинает распоряжаться по собственному усмотрению, как фараон — египетскими землями, с той лишь разницей, что фараон одновременно и номинальный, и фактический хозяин земли, а госаппарат — только фактический.

Чтобы этого не произошло, чтобы общественная собственность при всей ее опосредованности оставалась самой собой, чтобы каждый член общества чувствовал себя ее *хозяином*, чувствовал, что общественная собственность — это *его* собственность /а лишь это и есть то "чувство хозяина", о котором у нас много пишут, не понимая либо не желая понять, что это такое/, т.е. чтобы социализм был социализмом, необходимо, с одной стороны, чтобы общественная собственность все больше принимала подлинно самоуправленческую форму, а не оставалась *государственной* собственностью, чтобы государство все меньше распоряжалось экономикой, чтобы экономика была, наконец, отделена от государства, которое выполняло бы лишь собственно политические, охранительные функции, а, с другой стороны, нужны такие *демократические* установления, которые давали бы обществу, народу *гарантии* от возможности кому-либо узурпировать у народа право распоряжаться его собственностью, гарантии от превращения представительных органов народа в органы, стоящие *над* народом, господствующие над ним. Такие гарантии может дать только *полная* демократия. Следовательно, там, где ее нет, там, как уже упоминалось выше, не может быть и речи о наличии социализма.

III

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ

Типичное возражение против подлинного социализма, против самоуправленческого общества выглядит так: может быть, это было бы и неплохо, но несбыточно, утопично, неосуществимо потому, что нигде не осуществлено, т.е. не является фактом, а посему не может быть верифицировано опытным путем. Наука же имеет предметом *лишь* то, что сопряжено с возможностью верификации опытным путем...

Стоп. Почему "лишь"? Но тогда невозможна какая-либо футурология, т.е. *наука* о будущем, тогда прогнозирование не может быть научным? Тогда *псевдонаучны* и все работы о *постиндустриальном*, *супериндустриальном* обществе, поскольку его пока нигде нет. А если научны,

то, следовательно, кроме опытной верификации, есть и другие параметры научности, - в данном случае *экстраполяция*. Она как раз и есть основной метод футурологии. Экстраполяция есть мысленный выход в запредельность - в будущее не на основе опыта, фактов самого будущего, что невозможно по определению, а на основе фактов, опыта прошлого и настоящего.

То же можно сказать о перспективе подлинного социализма как условия осуществления панперсонализма. Исторический опыт и опыт современности показывает, что человечество будет - *по необходимости* /поскольку сама свобода для человека как человека - необходимость/ - искать оптимального выхода в самоуправленческом способе производства.

Когда универсальное самоуправление будет налицо, тогда социализм не только станет равным своему понятию, но обретет возможность быстрого развития, в процессе которого постепенно разрешится его основная поливерза, и возникнет возможность полностью снять ее. Это и есть начало развитого панперсонализма, который по сути дела не предполагает уже социально-экономической формации, связанной с наличием определенных противоречий между различными компонентами системы. Панперсонализм исчерпывает собой линию развития социального равенства, *линию* превращения одной социально-экономической формации в другую, более высокую.

X В ж. "Континент" №1 3. Шаховская критикует принцип равенства, провозглашенный Французской революцией 1789г. Оспаривается ею этот принцип на том основании, что люди неравны от природы, генетически. Но такой способ спора аналогичен Гогольской шутке: "Иван Никифорович любил дыни, а у Ивана Ивановича, *наоборот*, шаровары были такие широкие..." Ведь Французская революция под девизом "egalite" имела в виду *правовое* равенство, равенство всех перед законом, т.е. то, без чего нет демократии, нет правового государства. Теперь же идет речь о *социальном* равенстве, т.е. о преодолении социального расслоения, о преодолении неравенства в *возможностях* удовлетворять свои потребности, которые всегда будут *неравными*, различными. Кстати, Маркс всегда подчеркивал, что ликвидация *неравенства в воз-*
можностях ни в коем случае не означает уравнивания потребностей, нивелировки личностей, усреднения человека, *наоборот*, означает предоставление каждому возможности всемерно развивать свои способности, - это не значит, что у всех они будут одинаковые. Можно ли представить себе цель более благородную, стремление более возвышенное? Что же вас, господа, в этой цели не устраивает? Только уж не приписывайте мне того, что я не говорю.

Человечество при панперсонализме переходит на качественно иную *орбиту развития* - *нравственную*. Нравственность в отличие от морали предполагает не внешний регулятор - норму, а внутренний - совесть, что исключает нужду в государстве и его атрибутах, - поэтому государственность исчезает. Это эра "анархии". Но анархии не в смысле беспорядка, произвола, а как раз наоборот - *анархии демократической*, т.е. демократической безгосударственности /или безгосударственной демократии/.

Понятие "демократическая безгосударственность", несомненно, вызовет недоумение как у нигилистов, так и у "ортодоксов". Всякое понятие можно сужать и расширять. Рассмотрение демократии лишь как одной из форм государственного управления - как это имеет место у Ленина в "Государстве и революции" вслед за Энгельсом - есть сужение понятия. Если же под демократией понимать общий принцип принятия решений по большинству голосов, при сохранении права каждого убеждать других пересмотреть решение, при учете интересов и прав меньшинства и отдельной личности, что характерно при самоуправлении, то такой принцип годен для организации не только политической сферы жизни людей, но и экономической и прочих сфер, и не только для эры государственности, но и для эры безгосударственности /= "анархии"/, т.е. эры развитого панперсонализма.

Здесь будут свои поливерзы, но не социально-экономические, а связанные с универсальным творчеством, достойным Человека. Все это сопряжено с Революцией в культуре мышления и чувств, с массовой Логико-этической революцией, революцией Духа, с нравственно-эстетическо-педагогической переориентацией человечества.

Из сказанного очевидно, что самоуправление - как ипостась панперсонализма - не принесет ущерба никому, в том числе и буржуазии. Хотя она при этом и лишится права на наемный труд и перестанет, следовательно, быть бжуазией, зато, как и все, приобретет возможность заниматься подлинной творческой деятельностью, начиная с менеджмента, возможность из частичного человека, каким он является в современном обществе, где царит про-

фессиональный кретинизм, стать действительным человеком-личностью во всех отношениях. Когда пробьет час, и народ сам проголосует за самоуправленческую революцию, то и мыслящая буржуазия такую - гуманную, панперсоналистскую - революцию, может принять как должное^х. Это не значит, что такой социализм наступит без борьбы, но борьба эта будет не дикая, варварская, кровопролитная, не "диалектическая", т.е. не в форме войны или "уничтожения своей противоположности", не в виде насильственного навязывания, а чисто человеческая, нравственно выдержанная, происходящая в рамках общечеловеческой морали^{хх}.

Уже в современных условиях подлинный социализм, основанный на полной демократии, может осуществить преодоление как всех форм отчуждения, так и самоотчуждения человеческого сознания, манипулируемости им, конформизма, деперсонализации человека. Разумеется, это не мгновенное действие, а *процесс*, но именно самоуправленческий социализм, лишенный пороков как капиталистически-частнособственнической, так и тоталитаристски-этатической системы, может положить начало этому процессу.

Дальнейшее развитие подлинного социализма приведет не только к разворачиванию всех потенциальных сил человека, всех человеческих способностей, к *замене труда как репродуктивной деятельности деятельностью творческой*, но и к замене *социума* - как общества, построенного на внешних нормах и запретах - *свободной*

^хГоворя "как должное", мы, конечно, не имеем в виду "с радостью" или "с распростертыми объятиями", но "с пониманием". И если лишь при такой ситуации, т.е. когда народ действительно демократическим путем высказался за введение социализма, какая-то часть буржуазии все же попытается прибегнуть к вооруженной силе, чтобы его насильственно свергнуть, вполне оправданным нравственно будет подавление этого выступления силой же, поскольку *такое* выступление будет означать *насильственное* покушение на принципы демократии, на конституционность, - применение силы против насилия не есть насилие в этическом смысле, как уже отмечалось нами.

^{хх}Человечество устало от борьбы как войны, от борьбы в виде *уничтожения* противоположности, уничтожения не только физического, но даже экономического или пусть "только" психологического, от "диалектики", начала которой приписывают Гераклиту Эфесскому.

ассоциацией духовно зрелых, критически мыслящих, саморефлектирующих личностей, руководствующихся внутренней, т.е. *наивысшей* нравственностью.

Дело не в том, как точнее назвать такое социальное состояние – панперсонализмом, реальным гуманизмом или как-либо иначе: дело в том глубинном содержании, которое в это вкладывается.

Ну, а каковы другие перспективы развития человеческого общества? Сейчас в футурологии на Западе в ходу такие определения как "постиндустриальное", "супериндустриальное" общество. Но человеческой сути такого общества авторы этих концепций не раскрывают. Не имеют ли они в виду, что это будущее окажется по существу тем же сегодняшним индустриальным обществом с его машинной цивилизацией и сопутствующими ей пороками, только в более грандиозных масштабах? Но такое механическое умножение благ и пороков ничего качественно не изменит в человеке и человеческих отношениях. Если же они имеют в виду, что это будет *качественно иное*, новое общество с новыми целями в том плане, как мы его обрисовали, то нам не о чем спорить. Другое дело – каково условие достижения цели: мы полагаем, что такое общество невозможно построить на основе частно-капиталистической собственности, даже модифицированной, ибо частная собственность при наемном труде как раз и порождает господство вещей и отношений над человеком. Об этом говорит многовековой исторический опыт. Еще более трагичную ситуацию с более кошмарными духовно-нравственными недугами вызывает общество, построенное на монополистической государственной собственности, перерастающей в собственность госаппарата.

Вывести человечество из подобного состояния может, как уже подчеркивалось, общественная собственность в оптимальном сочетании с индивидуальной, т.е. самоуправленческий социализм. Но из этого не следует, что *только* социализм может осуществить те цели, о которых шла речь выше /утверждать так – значит быть нетерпимым, догматиком, фанатиком, считать, что только в твоих руках вся истина, да и значит утверждать одномерность вместо плюрализма/, хотя следует, что социализм есть *только* осуществление этих целей.

Однако - повторяем - благороднейшие цели панперсонализма, выше которых мы не знаем, возможно, могут быть осуществлены и с помощью других условий, на другой базе. Нам пока эти другие условия неизвестны. Будущее человечество может их открыть. В этом будущем плюрализме социальных систем социализм - *один из* возможных путей - и пока единственный известный нам путь - осуществления цели.

Изложенное приводит, между прочим, и к выводу о несостоятельности *концепции конвергенции* между такими обществами, как капиталистическое и наше, этэлитаристское: конвергировать-то нечему. И то, и другое общества являются разновидностями антидуховной, машинной цивилизации, оба они обуславливают наличие самоотчужденных, частичных, легко манипулируемых людей. Но в одном обществе это происходит потому, что наличная там демократия деформируется частной собственностью, а в другом - потому, что отсутствие в нем демократии трансформирует общественную собственность и не дает возможности осуществить подлинный социализм. При этом приходится признать, что общество, в котором наличествует демократия, имеет преимущества - хотя бы уже те, что его члены имеют возможность критиковать свое собственное общество. Стало быть, не конвергировать друг в друга должны эти общества, а оба подняться до панперсонализма, для осуществления которого и нужен подлинный, т.е. самоуправленческий социализм.

Не будем предрешать все заранее: история не просто естественно-необходимый процесс, имплицитно заданный, который нам предстоит лишь научно разгадать, как частично верно полагал Маркс /он нащупал истину, но примитивизировал ее/: она движется к оптимуму и *ощупью*, т.е. путем сочетания, с одной стороны, научности, а, с другой стороны, *проб и ошибок* - через *выбор*, через *свободу воли*. Но не предрешать - не значит не прогнозировать: идти *ощупью* - не значит идти вслепую, а значит - экстраполировать. Поэтому нужна теоретическая ясность перспективы, нужны теоретические разработки, но они не должны превращаться в *однобокие, моноидеологические, диктаторские, навязанные народу программы*, которые становятся знаменем фанатиков, ожесточающихся друг против друга.

Мы отдаем себе отчет в том, как трудно сейчас выступать в защиту идей социализма, доверие к которому в мире значительно подорвано ужасами сталинского геноцида /жертвой которого уже пали десятки миллионов людей и который выступает ныне в новой, замаскированной форме/; подавлением в зародыше попытки чехов явить миру подлинный социализм; практикой политической диктатуры даже в Югославии, парализующей там определенный опыт экономической демократии, репрессирующей марксистов из "Праксиса" и таких мыслящих интеллигентов, как социалист Мих.Михайлов; казарменностью, культом личности фюрера и преследованием инакомыслящих.

И все же истина на стороне социализма, будущее принадлежит ему. Возможно, не только ему: возможно, как замечено выше, возникнут и иные оптимальные системы, - но во всяком случае - и ему, и уж ясно, что ни одной из существующих ныне социально-экономических систем. По крайней мере, экстраполяция в будущее всего наличного исторического опыта никаких иных возможностей для осуществления панперсоналистской цели, цели *раскрепощения человека как человека*, кроме социализма, видимо, не открывает. Кто утверждает это, руководствуется не бездумным фанатизмом, а объективным историческим анализом действительности.

Сегодня ахиллесова пята социализма заключается в том, что историческая практика, как уже признавалось выше, не дала еще его образцов, и теория не прошла еще таким образом проверки историческим опытом. Неверно однако утверждать и обратное: будто историей, исторической практикой доказана несостоятельность социалистических идей. Начнем с того, что даже превращенная форма социализма - этэлитаризм /который так же похож на социализм, как пародия Котляровского на поэму Виргилия, хотя обе они носят одно и то же название "Энеида"/ - дала все же некоторые положительные результаты как в росте производительных сил и благосостояния народа, так и в духовно-нравственном плане: народы получили здесь заряд устойчивого нравственного отвращения к эксплуатации, что обязательно еще скажется в недалеком будущем. Эти положительные явления причудливо сочетают-

ся с неизбежными при отсутствии демократии кошмарными отрицательными результатами — такими как невиданные репрессии, варварское хозяйничание, стагнация сельского хозяйства, подавление творческих начал в науке, нравственные недуги, общественная пассивность, которые сводят почти на-нет положительные черты, — но они все же существуют — и они необратимы. Следует также учесть, что в некоторых восточно-европейских странах — к примеру, в Польше^х, Венгрии — имеются определенные демократические завоевания, частично являющиеся результатом нашей "оттепели", оказавшейся у нас столь кратковременной, но в большой степени происшедшие под влиянием "Пражской весны", не прошедшей, таким образом, бесследно, — вопреки утверждениям, например, Пахмана. Определенные элементы социализма в виде частичного рабочего самоуправления имеются в Югославии, но их глушит политическая диктатура. Нельзя отрицать также, что и в Западной Европе имеются элементы социализма в виде национализации отдельных отраслей промышленности, в виде поисков путей к участию рабочих в распределении прибылей, и что именно этим элементам принадлежит будущее. Можно отметить и кибуцы в Израиле, через которые, несомненно, проходит путь этой страны к социализму.

Кроме того, верное в общем марксово положение "практика — критерий истины", которым в последнее время столь усиленно и вполне в духе примитивных школьных учебников оперируют Солженицын и Шафаревич, нельзя понимать столь вульгарно и в то же время столь абстрактно. Практика — какая? Общественно-историческая? Но какой промежуток времени требуется, чтобы установить, истинны ли та иная идея, концепция, положение? И что есть историческое время — только ли прошлое или также и будущее?

^х Эта статья была написана в 1978 г. — задолго до появления польской "Солидарности", трагическая история которой еще больше подтвердила, как руководство "Советской" империи растоптало идею социализма, предало рабочий класс /Примеч. автора к данному изданию/.

Мы вот видим теперь политическую демократию на Западе — пока что наивысшее достижение организации общества людей. Но ведь эта современная демократия — при всей ее ограниченности, при всех ее пороках, связанных с буржуазностью образа жизни Запада и бросающихся в глаза не только социалистам, но даже Эжену Ионеско, тому же А.И.Солженицыну и княгине Шаховской, обеспечивающая человеку свободу мысли — есть результат сложного и *долголетнего* пути, *начатого* эпохой Кромвеля в Англии, Великой революцией 1789 года во Франции, освободительной войной 1775-1783 годов в США. Этот путь окроплен кровью не только королей и аристократов, но и кровью солдат, рабочих и крестьян европейских стран, кровью индейцев — аборигенов американского континента. Помнят ли теперь эту кровь люди, пользующиеся благами современной демократии?

В связи с вышесказанным легко понять и то, как легкомысленно утверждать, будто "практика опровергла истинность доктрины социализма". Представим себе, что в эпоху Реставрации, наступившей после Термидора и последовавшей за ним диктатуры Бонапарта, кого-либо во Франции спросили бы: "Оправдала ли практика демократические идеи революции 1789 года?" Всего вероятнее, что ответ гласил бы: "Нет, не оправдала", — хотя более вдумчивый и более образованный француз мог бы добавить: "Впрочем, ничто в истории не проходит даром". Но через 100 лет после Великой французской революции — и тем более теперь — никто, очевидно, не сказал бы и не скажет, что практика доказала неистинность демократических идей этой революции.

Тем более неуместно на нынешнем уровне исторического опыта торопиться утверждать, что практика *нашего* термидора, практика сталинской диктатуры доказала неистинность идеи социализма. История становления социализма не окончилась — она *лишь начинается*. И не слишком умна кощунственная острова: "Что же, вы хотите еще 60 миллионов жертв? Мало вам?" Нет, для установления социализма жертвоприношения не нужны, и те миллионы жертв были принесены не на алтарь социализма, а на

алтарь диктатуры, *отменившей социализм*^х.

Следовательно, одинаково неправы и те, кто утверждает: "Наша практика доказала истинность марксизма", и те, кто возражает: "Наоборот, наша практика доказала неистинность марксизма". При всей кажущейся противоположности этих утверждений они исходят из одного и того же допущения: что вот *это* и есть социализм, как его представляет себе социологическая наука. Между тем, практики социализма, которой можно было бы проверить его теорию, у нас еще нет: есть практика злокачественного этэлитаризма, от которой еще только нужно избавляться и нанова начинать идти к социализму. И путь этот лежит через демократию, а не через диктатуру, репрессии и жертвоприношения.

Противники социализма противопоставляют социалистическим идеям христианство, забывая, что многовековой путь церкви, как уже упоминалось выше, тоже обильно полит кровью, что *практика* христианской церкви включала в себя и насилие, преследование инакомыслящих, массовые расправы с иноверцами, лицемерие и ханжество, прислуживание власти имущим. Забывают даже то, что "христиане" христиан казнили так же, как "коммунисты" — коммунистов. Ибо в своем отношении к христианству противники социализма отделяют *практику* церкви, извращавшую и искажавшую христианское учение, от христианских *идей*. Почему же они отказываются понимать, что и практику государственного аппарата, извратившего и искажившего идеи социализма, следует отделять от самих этих идей? Ведь в своей *нравственной основе идеи христианства и идеи социализма совпадают*, а идеи капитализма являются нравственным антиподом христианства^{хх}. И неверно, что социалистов заботит лишь материальное

^х Чудовищным кошмаром является и "концепция" Г. Шиманова, по которой десятки миллионов жертв гуглаговского Архипелага принесены на алтарь превращения Москвы в 3-й Рим по воле... Бога, в результате его промысла.

^{хх} Ведь не социалистов изгонял из храма Иисус Христос, а торговцев...

благосостояние народов, как им приписывают их недоброжелатели: оно — *не цель*, а лишь одно из *средств* достижения самой высокой духовности.

Неверно также, что народы нашей страны — при всей тернистости пройденного ими пути, при всех ужасающих жертвах, вырванных у них бюрократической тиранией — можно повернуть назад к капитализму или еще дальше в глубь веков, к эпохе Нила Сорского и Сергия Радонежского — по идее Солженицына. Историю вычеркнуть нельзя, и пройденный путь необратим.

х х х

П о с т у л а т н е н а с и л и я

Итак, резюмируем: панперсонализм как *самоцель*, самоуправление /социализм/ как *условие* и демократия как *средство*, как основа — таковы начала платформы, которая, как думается, может оказаться приемлемой для всех людей доброй воли, а, следовательно, для большинства нашего народа. Но этим не исчерпывается вся теоретическая проблематика подобной платформы: остается сложнейший вопрос о *стратегии*, т.е. о путях достижения как социализма, так и самой демократии, иначе говоря, вопрос о *средстве достижения средства*. Здесь и встает прежде всего вопрос о нравственной правомерности вооруженной революции.

Исходным пунктом тут является постулат *ненасилия*, что отличает человека как существо моральное от животного /см. определение человека, данное в начале статьи/. Между тем вся история человечества изобилует насилиями, т.е. животными, нечеловеческими отношениями между людьми, иначе говоря отношениями, когда люди ведут себя как *нелюди*, как несостоявшиеся люди. Так, для всей добуржуазной истории характерна *узурпация* отдельными группами суверенитета народа и личности, унижение их достоинства, чем и вызвано было знаменитое изречение Руссо: "Человек рожден свободным, между тем всюду он в оковах". Если под человеком понимать его родовую сущность, а под рождением — его историческое, а не

биологическое становление, то выражение "человек рожден свободным" - в той или иной степени, форме, в том или ином смысле - вполне правомерно, как верно и то, что во времена Руссо он был повсюду в оковах, как в значительной мере он в оковах и поныне.

Это-то и превращает подлинно-нравственного человека в революционера. Если одни люди узурпируют власть в социуме, лишая других людей права решающего голоса, возникает моральное право на революцию, совершаемую с применением силы. Такая революция по существу не насилие, а феномен самообороны. Применение силы в самообороне не есть насилие по отношению к человеку, т.е. не есть уход от нравственности: бандит, узурпатор теряет человеческую сущность, превращается в зверя, перестает быть моральным существом - и с ним невозможно поступать иначе, чем с хищником. Другое дело, что надо искать причины - и в первую очередь социальные - такого превращения и искать лекарства, действующие на самое причину болезни. И если люди, моральные существа, имеющие человеческое достоинство, не хотят жить на коленях перед насильниками-узурпаторами, не хотят быть рабами и поднимаются на борьбу - они тем самым становятся подлинными людьми. Стало быть, тот, кто кощунственно пытается высмеять революционеров - этих распрямляющих спину подлинных людей, становящихся личностями, - тот фактически способствует увековечению рабства, безличностности. Подлинны революционеры идут не на жертвоприношение /что является вершиной безнравственности/, а на самопожертвование /что является вершиной нравственности/: они приносят в жертву не других, как это делал Авраам со своим сыном^х или Сталин и его присные с народом, а самих себя, - только так решается вели-

^х Напрасно Кьеркегор в книге "Страх и трепет" пытался возбелечить Авраама: ведь он этим противопоставляет любовь к Богу и нравственность, отвращение к насилию, убийству, особенно сыноубийству: подлинный Бог не может требовать безнравственных поступков, ибо Бог есть не что иное как сама нравственность, которая в человеке. Если человек признает Бога в себе, а не над собой и над миром, то для него нет проблемы Аврамова поступка, для него невозможно противоречие между любовью к нравственности и любовью к Богу, ибо это одно и то же.

чайшая проблема слезинки и гармонии, поставленная Достоевским.

Те, кто доводит критику безнравственного принципа насилия до отрицания *любой* революции, до утверждения, что именно революционеры есть исчадие ада, виновники всякого насилия, те переворачивают историю вверх ногами и незаметно - или заметно - для себя способствуют сохранению того самого насилия, против которого ратуют. Ведь в истории все происходило и происходит как раз наоборот: насилие возникло *до* появления революционеров, становление революционеров и появление революционных организаций - *следствие* насилия, а не причина его.

Революционерами становились лучшие люди народа, наиболее нравственные и мужественные, не способные спокойно смотреть на насилие, угнетение, издевательство над народом со стороны "сильных мира сего". Они рекрутировались из таких, как Чацкий, которому "прислуживаться тошно", из таких, как противник насилия, высоконравственный Алеша Карамазов, у которого - в ответ на описание травли ребенка псами - непроизвольно вырвалось: "*Расстрелять!*", да и из тех солдат, которых поехал пороть после бала галантный толстовский полковник, после этого, вероятно, "усердно" молившийся христианскому Богу, о чем Толстой как-то забыл добавить. Подлинны революционеры - это соль земли, это истинная духовная "элита" человечества, - если бы не было так противно самое слово "элита"! Без них все замерло бы на земле, застыло бы в гниющем смраде. И тот же Солженицын не нашел бы, где издать свой "Архипелаг ГУЛаг", - так бы и истлели они - и "Архипелаг", и его автор, если бы не ряд *революций*, которыми Запад завоевал свою современную демократию.

Революция, направленная против зверств действительного насилия, повторяю, не есть нарушение нравственного постулата ненасилия: наоборот, как раз рабское повиновение, рабье ненасилие способствует насилию, оно - его пособник, питающий его источник. Поэтому именно рабье ненасилие безнравственно. Питательной средой всех бед, всякого зла являются именно сторонники безропотного рабского послушания, развязывающие руки на-

сильникам, иллюзорно полагающие, что их можно унять коленопреклонением и молитвами, обращенными к Богу.

Однако из сказанного не следует, что этически правомерна *любая* революция. Как раз наоборот: научно обоснованной, нравственно оправданной является вовсе не любая, а *только демократическая* революция, поскольку она возвращает народу узурпированную у него власть и, стало быть, с этической точки зрения не является насилием /подчеркиваю снова и снова: не всякое применение силы есть насилие в этическом плане/. Вот этого "только" не уяснил себе Маркс: у него не было четкого отношения к вопросу о том, *какая* именно революция правомерна с этической точки зрения, — отсюда его принципиально неверный тезис, будто революция вообще есть "повивальная бабка" истории, *закон* превращения одной социально-экономической формации в другую, т.е. чуть ли не нормальный феномен. *Закономерной*, как я стараюсь показать, является *лишь* демократическая революция.

Демократической можно считать только такую революцию, в результате которой все основные вопросы социальной жизни решаются либо референдумом, либо действительно представительными органами. Референдумом должен быть решен и кардинальный вопрос — вопрос о том, какой социально-экономический строй хочет установить *народ*: капиталистический, социалистический или какой-либо иной.

Те партии, которые убеждены в том, что социализм является высшей формой общественной жизни по сравнению с капитализмом, что он соответствует человеческой сущности, позволяет преодолеть пороки капиталистического общества и способен удовлетворять всесторонние потребности народа, — эти партии в условиях демократического общества имеют моральное право и основание настойчиво бороться за социализм *только путем убеждения народа* в преимуществах социализма, путем пропаганды и призыва голосовать за социализм, за избрание их представителей в демократический парламент, который может предложить народу социалистическое переустройство общества.

Ссылки же на то, что народ темне, не знает своих классовых интересов и поэтому нечего-де ждать, пока он

прозреет, а надо тащить его на веревке в рай, *несостоятельными* ни в научном, ни в нравственном отношении. Совершаемая таким образом "социалистическая" революция не может быть ни чем иным, как насилием со стороны меньшинства, со стороны партии, *использующей* революцию большинства, являющуюся по своим первоначальным требованиям не социалистической, а демократической. Такой переворот ставит народ перед совершившимся фактом.

Если же большинство народа или действительно свободно избранный им парламент — а не одна партия, сумевшая опереться на часть армии или даже на всю армию — *голосует* за социализм, то именно это и есть подлинная социалистическая революция, поскольку речь идет о радикальном изменении социально-экономической структуры общества, изменении, опирающемся на радикальное изменение сознания народа и выраженную им волю. Но это совершенно новый тип революции, конституционный, подлинно человеческий, гуманный, нравственный, а не вооруженно-насильственное навязывание большинству народа чужей-то воли, пусть даже с благими целями.

Что же касается преодоления этэлитаризма и превращения декларированного "реального социализма" в подлинный, демократический социализм, то *в современных условиях* можно, видимо, обойтись без новой демократической революции, использующей вооруженную силу : сейчас может оказаться достаточным *интенсивного* — но именно интенсивного — *давления* на правительство со стороны *демократического движения*, все более поддерживаемого "снизу" рабочим классом, трудящимися, интеллигенцией внутри страны — и мировой прогрессивной общественностью, требующих актуализации формально принятой — но не действующей — конституции, что может вызвать раскол "верхов".

В качестве итога должно сказать, что для социалистов *цель и средства неразделимы* : благородная цель в отношениях между моральными существами — т.е. людьми — может быть достигнута *лишь* благородными средствами.

О т н о ш е н и е к м а р к с и з м у

Из всего предыдущего следует, что надо бы начать с совершенно *нового подхода* к марксизму. Если одни полагают, что его нужно целиком принять как он выглядит сегодня, другие — целиком отбросить, третьи — модифицировать, обновить, реформировать, четвертые — реставрировать, восстановить в первоизданном виде, особенно делая акцент на ранних работах, на теории отчуждения и самоотчуждения, неизвестной ранее коммунистам-ленинцам, что и требуют неомарксисты, — то мне представляется, что, во-первых, следует *отбросить* всякие *именные* идеологические "измы", в том числе и марксизм, как продукты *донаучного*, авторитарного мышления; во-вторых, как в сфере, допустим, физических знаний нет архимедизма, ньютонизма, эйнштейнизма и т.д., а есть общечеловеческая наука физика, в которую отдельные ученые вносят свой вклад, так и в социологию как общечеловеческую науку вносили или вносят свой вклад Геродот, Плутарх, Монтескье, Конт, Спенсер, Ключевский, Маркс, Ростоу, Парсонс и др., не отменяя друг друга, а преодолевая, показывая, что предыдущее — не абсолютная истина, а лишь относительная или даже частная. Как нелепо говорить о буржуазной физике или марксистской, так нелепо говорить о буржуазной или марксистской социологии, этике, эстетике, если иметь в виду науку, а не идеологию. Маркс как ученый сделал некоторые важные открытия в социологии и политэкономии и высказал ряд догадок, которые он сам либо абсолютизировал, либо примитивизировал, либо преодолевал. Вот эту примитивизацию и абсолютизацию и — тем более — дальнейшую канонизацию следует отбросить, оставив лишь подлинно научное содержание, так сказать, рациональные зерна.

Устоявшееся со времен Ленина мнение о том, что марксизм — это всеобъемлющая, цельная, монолитная система, состоящая из трех органически связанных между собой логически последовательных частей — философии, политэкономии, научного коммунизма, что из них неопро-

вержимо вытекают положения о социалистической революции и диктатуре пролетариата, — не выдерживает прежде всего как раз логической критики :

1/ Маркс, как известно, не создал особой философской системы. То, что сейчас называется "диалектическим материализмом", "материалистической диалектикой" — это случайный конгломерат нескольких произвольно выхваченных парных категорий, причем отношения некоторых из них — например, "количество" и "качество" — возведены в ранг законов, а отношения других этого не удостоены, — например, "сущность" и "явление", "форма" и "содержание" и пр. К тому же *вертикальное* соотношение между самими парными категориями не прослеживается, здесь налицо разрыв, и, стало быть, системности нет. Не анализируются, например, соотношения между категориями "нечто", "качество", "сущность", "содержание" и т.д.

Заслуга Маркса в философии совсем в другом : он отказался от *гносеологической робинзонады*, т.е. от непосредственно контактной пары "я — мир", поставив между ними *социальность*. Эта его гениальная догадка вела к *социологизации гносеологии*, что означает : человек /индивидуум/ не непосредственно стоит лицом-к-лицу с миром, а воспринимает его через посредство социальности. Вместо "я — мир" получается "я — социум — мир". Но тогда это становится несовместимым с банальным пониманием *объективной* истины, ибо человек при этом видит мир не просто как он есть сам по себе, а как он ему открывается через призму *данной* социальности, *данной* социально-экономической *эпохи*. Однако Маркс перед этим остановился... Мне представляется, что отсюда вытекает новая гносеология — гносеология *версионализма*, как я ее условно назвал бы. /Но это следует изложить особо — в отдельной статье./

Весьма глубоки мысли Маркса по уже упомянутой проблеме отчуждения и самоотчуждения. Но все это, повторяю, к сожалению, не собрано в одну логически стройную систему.

2/ Не имея здесь возможности вдаваться в подробности марксовской политэкономии, в которой он сделал ряд

кардинальных открытий, но заодно высказал и ряд спорных положений и ряд не выдерживающих испытание временем, следует лишь подчеркнуть, что из нее логически не вытекает то, что Ленин - а вслед за ним и все современное коммунистическое движение, за исключением двух-трех еврокоммунистических партий - считал *главным* в марксизме, т.е. концепция вооруженной социалистической революции и диктатуры пролетариата. Из выкладок "Капитала" следует лишь, что, поскольку капитализм разъедается внутренними противоречиями, то он с необходимостью *сменится* новой социально-экономической формацией - социализмом. Но из этого не следует, *каким* путем это произойдет или должно произойти. Вывод Маркса из основного, первого тома "Капитала", гласящий "Бьет час капиталистической собственности", не означает, что этот час пробьет через революцию, через вооруженное восстание, физическое насилие. К этому Маркс пришел совсем другим путем - путем анализа конкретных революций своего времени /главным образом, революций 1848 и 1871 г.г./, что было совершенно недостаточно для создания теории пути перехода от капитализма к социализму и тем более общей теории перехода от одной формации к другой. Положение о необходимости насильственной революции и диктатуры пролетариата не следует тем более из философской концепции "скачка" как перехода от одного качества в другое, на что ссылаются в учебниках: "скачок" касается лишь констатации *результата*, а не того, каким путем он достигается - культурным, джентльменским, нравственным /ненасильственным/, голосованием или же диким, зоологическим, насильственным, вооруженным, кровопролитием.

3/ В связи со сказанным проливается свет и на теорию научного социализма. Обычно марксов научный социализм противопоставляют утопическому в том смысле, что второй уповал на возможность либо убедить буржуазию в том, что социализм - благо, либо строить социалистические предприятия в недрах самого капитализма, а Маркс показал, что это несбыточно, что переход от капитализма к социализму может произойти, мол, только путем такой, "повивальной бабки", какой является воо-

руженная революция, и путем диктатуры пролетариата. Кстати, диктатуру пролетариата Маркс представлял себе весьма туманно, полагая, что она должна быть формой самой широкой демократии, не вникая в то, совместима ли вообще демократия с какими-либо ограничениями ее, тем более с диктатурой, не вникая в то, во что это может в конечном счете вылиться, - и в этом его *порочность*.

В действительности же научность марксовой теории социализма состоит в другом - в обосновании того, что капитализм - не вечная формация, не "норма" для человечества, а такой же преходящий строй, образ жизни, как и другие, который - в силу своих внутренних противоречий - *неминуемо* /а не в силу просто моральных пожеланий/ сменится более высокой формацией - социалистической. Я здесь не касаюсь вопроса о том, насколько верна или неверна сама концепция Маркса об общественно-экономических формациях, о структуре формации, о соотношении ее основных компонентов, о том, что Маркс оказался неправым, выдавая смену европейских формаций за глобальную, что он под конец сам это почувствовал /см., например, письмо Вере Засулич об азиатском способе производства/, - обо всем этом я частично говорил выше, излагая свое понимание типов социальных систем. В данном же случае я подчеркиваю лишь конкретный вопрос - о неизбежности смены капитализма социализмом, что и является предметом социализма как научной теории.

Сказанное, мне думается, высвечивает и то, что официально выдаваемое за *главное* в марксизме, т.е. *"учение" о социалистической революции и диктатуре пролетариата*, логически не вытекает ни из одной части марксизма, а ведь именно это "главное" - т.е. вопросы стратегии - и канонизировано, превращено в идеологию, суеверие, религию.

В связи с этим прорисовывается и суть ленинизма, и отношение к нему. Суть ленинизма заключается не в том, какие дополнения Ленин внес в три составные части марксизма /который, как уже видно, цельной системы собой не представляет/, а в том, что он внес в сферу

стратегии /т.е. в теорию революции/, которая, как мы видели, как раз в составные части не вписывается и из них не вытекает. Когда говорят, что ленинизм есть соединение марксизма либо с народничеством, либо с нечаевщиной, с бакунизмом, с бланкизмом, что ленинизм есть применение марксизма к условиям крестьянской страны или ленинизм есть применение марксизма к эпохе пролетарских революций и диктатуры пролетариата, то при всех внешне даже противоположных подходах все эти позиции имеют то общее, что они рассматривают - незаметно для себя - ленинизм как *стратегическую* теорию, а иллюзорно полагают, что ленинизм есть качественное развитие марксизма в его основных составных частях.

То, что характеризует ленинизм как ленинизм, т.е. то, что Ленин дал нового по сравнению с Марксом - это как раз стратегическая теория - теория социалистической революции /включающая и проблему диктатуры пролетариата/. Но именно она не выдерживает критики: то, что в ней верно, то не оригинально, а то, что оригинально, то неверно. В самом деле, вот ее основные компоненты:

1/ Концепция революционной ситуации. Как и Маркс, Ленин начинает с того, что революция не может происходить тогда, когда этого хотят заговорщики, она может произойти, когда есть недовольство масс, когда они пришли в движение. Но тут же он незаметно отходит от Маркса: если последний считает, что социалистическая революция должна произойти не только, когда есть недовольство, движение большинства, масс, а лишь тогда, когда большинство хочет введения нового, социалистического строя, то Ленин ставит вопрос *совсем* иначе: брожение, недовольство, движение масс, большинства есть лишь та *ситуация*, которую революционное *меньшинство* использует, чтобы обманным путем захватить власть в свои руки, а затем навязать большинству "социализм". Но это - уже антидемократизм, антиморальность, насилие.

2/ Концепция перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую

к у ю . Это выдается за развитие идеи Маркса о перманентной революции. Но если у Маркса это означало, что в ходе демократической революции левые силы *убеждают народ, большинство* идти дальше к социализму /хотя у Маркса нет последовательного решения этого вопроса/, то Ленин, вводя откровенно антиэтическое понятие "перегруппировка сил", имеет в виду, что каждая новая группировка сил, в которых влияние получают все более и более "левые", силой ниспровергает своих вчерашних союзников, поднимаясь к власти на их плечах, минуя волю народа, большинства.

3/ Захватив власть, революционное *меньшинство* устанавливает свою *диктатуру*, разгоняя при этом демократическое учредительное собрание, а затем, держа в руках "командные высоты", постепенно "убеждает" народ идти к социализму.

Ну, а если он, народ, в преимуществах социализма не убедится, то дадут ли ему сделать то, что *он* хочет? От этого неотвязного вопроса Ленин уходит, убегает: он бьется здесь в противоречиях до конца дней своих...

4/ Но зато за него без колебаний отвечает Сталин: тогда *навяжем* народу, крестьянству социализм силой. И используем для этого ленинское определение нравственности: *нравственно все то, что служит делу социализма, коммунизма*. А что служит делу социализма, определяем мы, олигархи: если мы решили, что для построения социализма надо уничтожить крестьянство и пропустить через гулаговскую мясорубку десятки миллионов жертв, то это... нравственно.

В этой формуле, как в фокусе, выражена вся этическая несостоятельность ленинизма /хотя сам Ленин субъективно хотел народу добра/: ведь по сути все как раз наоборот и формулу надо перевернуть - *делу социализма служит все то, что нравственно*. А раз так, то вся ленинская теория революции - во всех ее пунктах - рушится: она противоречит нравственной сущности человека, противоречит личностному началу.

Именно эта нравственная несостоятельность ленинизма как стратегии делает его несовместимым с благородным делом социализма. И именно эта несовместимость

привела к современному кризису мирового коммунистического движения. От *формального* большинства - если иметь в виду количество коммунистических *партий* во главе с КПСС - откололось *фактическое* большинство - если иметь в виду количество *членов* пратий: КПК и Албанская партия труда, СКЮ и КПР, еврокоммунистические партии.

Характерная особенность этого кризиса в том, что хотя он и общий, но *гнилостный*, "вялотекущий". Так, конфликт между двумя самыми огромными партиями - КПК и КПСС - сводится не к критике порочности самих основ, принципов ленинизма, а к взаимным обвинениям в отходе от них, что обусловлено вовсе не заботой о чистоте ленинизма /и тем более марксизма/, а великодержавными вожделениями, а это и является свидетельством *д е г р а д а ц и* всего движения.

Замахнулись на "основы" ленинизма лишь еврокоммунистические партии, однако как бы стыдливо, не выдерживая логической последовательности, не выстраивая все в строгую систему основополагающих принципов - то ли из-за тактических соображений, то ли из-за отсутствия теоретической разработанности проблемы. Так, еврокоммунистические партии членораздельно заявили, что отказываются от принципа диктатуры пролетариата. Но если так, то они должны бы были: а/ показать, что ленинизм порочен, утверждая, что диктатура пролетариата - главное в марксизме; б/ подвергнуть критике установку Октябрьской революции на диктатуру пролетариата. Однако они этого не делают, и остается неясным, считают ли они диктатуру пролетариата в принципе порочным способом введения социализма или непригодной лишь в современных условиях для Западной Европы. Если принимается последнее, тогда получается, что для одних условий они полагают состоятельными демократический, конституционный путь строительства социализма, а для других - допускают насильственный, антидемократический путь. Почему? На каком основании? Исходя из каких основополагающих принципов?

Далее. Еврокоммунистические партии выступают ныне ясно за исторический компромисс, за борьбу в конституционных рамках, за демократический путь борьбы за со-

циализм. Но если так, то надо дать принципиальную оценку ленинской теории социалистической революции. Нужно четко разработать проблему соотношения демократической и социалистической революции, т.е. ответить на вопрос: правомерна ли социалистическая революция, если уже до этого совершилась демократическая? Если да, то этим признается правомерность революции *меньшинства* против демократических устоев. Если нет, то несостоятельна *вся* ленинская теория революционной ситуации и перерастания демократической революции в социалистическую, о чем нужно сказать ясно и недвусмысленно. Между тем позиция еврокоммунистических партий в этом отношении непоследовательна: они заявляют, что стоят за демократический, конституционный, парламентский путь к социализму, *но* не отказываются в *определенных условиях* и от насильственного, вооруженного этапа революции. В каких именно "определенных условиях", - не поясняется: одно дело, когда имеется в виду, что если сложится определенная революционная ситуация, реальная возможность победить, то можно это сделать, *минуя* демократию, в *обход* ее /как это и сделали большевики в Октябрьскую революцию, *обойдя* и разогнав Учредительное собрание/, а другое дело, когда имеется в виду, что если какая-либо часть населения выступает с оружием в руках против демократически введенного *большинством* народа социализма, то лишь в этом случае правомерно применение вооруженной силы против насильников.

И, наконец, еврокоммунистические партии часто критикуют руководство КПСС за репрессии против инакомыслия, за антидемократические акции. Но из руководителей этих партий пока лишь только Каррильо заявил, что все это - не просто *нарушения* якобы существующей в Советском Союзе демократии, а результат ее *полного отсутствия*. Однако и он не доводит свои выводы до логического конца: еврокоммунисты стоят на той четкой позиции, что социализма нет и не может быть *без* демократии, - но раз так, то признание того, что у нас нет демократии, неминуемо должно вести к квалификации нашего общества как *несоциалистического*. Но так прямо и

Каррильо не говорит, а ведет речь о деформированном социализме, плохом социализме, ущербном, но при этом полагает, что у нас все же налицо какая-то разновидность социализма. Ближе всего к отрицанию социалистического характера нашего общества подошел Клаудин — бывший член Политбюро ИКП, исключенный из партии — в своей книге "Еврокоммунизм и социализм".

Стало быть, нужна большая теоретическая работа. И дело здесь не в терминологическом споре, не в самих терминах, а в том, *какое содержание* в них вкладывается. Нужно ясное определение исходных принципов. Так, я пытаюсь показать, что если исходить из того, что человек — существо моральное, т.е. регулирующее свои отношения с другими моральными же существами *ненасильственными* способами, что ведет — далее — к *личности* как принципу отношений между нормальным обществом и его членами, то на этом фундаменте выстраивается решение всей цепи проблем о *соотношении* демократической революции и социалистической, об отношении к диктатуре, о социализме, о переходе от капитализма и этэлитаризма к социализму, об отношении к марксизму и ленинизму.

Еврокоммунистические партии, видимо, опасаются, что если будут поставлены ими все точки над "i", то соотрется принципиальное различие между ними и социалистическими партиями, поскольку те и другие будут *за* демократический социализм, *за* демократический путь к демократическому социализму, *против* насильственной, вооруженной социалистической революции /которая в условиях демократии может быть лишь революцией меньшинства/, что будет означать отказ от ленинизма, из-под руки которого современные компартии и выросли. Ну, и что? Ведь не предадут же они этим свою цель — построение социализма; наоборот, тот как раз предаст дело социализма, кто не делает этого. Отличие же между компартиями и соцпартиями может быть не в принципах, а по вопросам о темпах, глубине и очередности структурных нововведений. Не сливаются же в одну партию, например, демократическая и республиканская партии в США на том лишь основании, что обе они — буржуазные, что стоят за один и тот же строй.

К сожалению, еврокоммунистические партии не объявили своей логически последовательной принципиальной платформы. Спор идет как бы на полутонах, намеках, шипками. Больше того, руководство КПСС дает понять еврокоммунистическим партиям: мы не будем называть вас ревизионистами, ренегатами, отступниками и прочими страшными именами, промолчим беспринципно, что вы отошли от ленинизма и от того, что Ленин называл главным в марксизме - от диктатуры пролетариата, что вы стали на позиции Мильерана, которого заклеил Ленин, а вы за это не будете раскрывать миру нашу *главную тайну* - что у нас нет никакого социализма, что мы выдаем за него совсем другое, на чем держится наша личная власть и привилегии. Иначе говоря, между КПСС и еврокоммунистическими партиями установилась, можно сказать, некая молчаливая уния, что в наше время стало модным феноменом. Это опять-таки - свидетельство в р о ж д е н и я движения. Все, словно по команде, забыли, что тот же Ленин утверждал, что правильной политикой может быть лишь *принципиальная* политика.

Еврокоммунистические партии могли бы выйти из тупика, лишь если сказав "а", сказали бы "б". Но это они вряд ли смогут: слишком глубоко погрязли они в своих противоречиях...

* * *

О т н о ш е н и е к р а з л и ч н ы м т е ч е н и я м д и с с и д е н т с к о г о д в и ж е н и я

Не в менее сложном положении и движение инакомыслящих, точнее: свободомыслящих или даже просто мыслящих в тоталитаристских странах. Как революционеры в прошлом, так и современные диссиденты - это люди, которые уже в недрах безличностного общества *явочным* порядком становятся личностями, бросая вызов колоссальному Левиафану, призывая к этому всех других, борясь за всеобщую личностность. В этом их величие при всех тех или иных личных недостатках каждого в отдельности. Но основная беда нынешнего этапа диссидентского движения заключается в том, что, вырвавшись духовно из пле-

на тоталитаризма, в котором томились десятилетиями, мы порой начинаем низводить личностность либо до групповщины, либо до крайнего индивидуализма, либо до замены старых кумиров новыми.

Личностность ведь не означает отказа от объединения усилий, — наоборот, лишь в этом объединении, единении только и может сохраниться и самоутвердиться личность. У нас же сейчас — особенно в нашей стране, в отличие от Чехословакии, Польши — различные течения стараются не объединяться с другими: так, с легкой руки "Континента" были "отлучены" все те, кто не стоит за "абсолютный антисоциализм", за "абсолютный идеализм", за "абсолютную религиозность".

Здесь нет возможности анализировать платформы различных оппозиционных течений в нашей стране /это рассматривается в другой статье/. Я хочу здесь лишь подчеркнуть свое твердое убеждение в том, что только объединение всех течений, принимающих позицию *универсального правозащитного демократического движения*, т.е. включающего не только защиту политических, религиозных, национальных прав и свобод, но и социальных, экономических, культурных, бытовых, что в условиях современности равно всесторонней защите прав *личности*, независимо от их идеологических разногласий, может привести, наконец, к серьезным сдвигам в жизни нашего общества, которые откроют ему путь к панперсонализму.

Совсем недавно обозреватель "Немецкой волны", рассказывая о выходе журнала "Русское возрождение", в котором редактор его князь Оболенский мечтает вернуть нам... царя, заметил: беда советского диссидентского движения в том, что оно не вырабатывает платформы, которая устраивала бы *большинство* народа.

Вот мне и представляется, что демократия как основа и *универсальное самоуправление* как условие осуществления *панперсоналистического* образа жизни больше всего отвечают чаяниям нашего народа, устраивают его. В самом деле, кого же не устраивает подобная платформа? Давайте обсудим.

В м е с т о з а к л ю ч е н и я

Из контекста статьи, думается, совершенно ясно, что я не выдаю свое понимание действительности за непреложную истину. Тем не менее следует это в конце еще раз подчеркнуть.

Подчеркнуть здесь необходимо и то, что в борьбе за панперсонализм как цель, за социализм как условие, основанное на демократии как средстве, нужен широкий единый фронт всех сторонников просвещенного, гуманного, личностного социума. На этой широкой и в то же время принципиальной платформе, как мыслится, возможно искреннее, честное, глубокое сотрудничество сторонников самоуправления и с теми демократами, которые социалистический путь отрицают. Во-первых, демократия *сама решает*, каким путем должна идти страна: *никто не вправе ничего навязывать народу*, — его можно только убеждать. Во-вторых, при наличии демократии социализму ничего не угрожает. Народ наш от идеи социализма никогда уже не откажется. Да и объективно не будет возможности отказаться: не позволят масштабы хозяйства, технико-экономические условия.

Но если даже допустить невероятное, т.е. что народ в условиях демократии отказался бы от социализма, то силой удерживать его даже в рай никто не вправе. Тем более, что рай, увы, вообще невозможен: как капитализм, так и социализм — даже подлинный, самоуправленческий — имеют и свои положительные, и свои отрицательные черты, ибо ничего абсолютно положительного не существует, поскольку, как говорится, даже на солнце имеются пятна, — дело лишь в том, чтобы определить все более оптимальный вариант социально-экономического и политического устройства, все более приближающийся к чаяниям человечества, все более адекватный сущности человека. Я бы так сказал: демократический капитализм лучше любой диктатуры, а демократический социализм лучше любого капитализма.

Народы сами учатся на своих и чужих ошибках, сами суверенно избирают свой путь. И до тех пор, пока народы не отказываются от капитализма, долг панперсоналистов-социалистов-самоуправленцев заключается лишь в том чтобы, находясь в оппозиции, открыто, настойчиво, убедительно доказывать народам, что они, на наш взгляд, заблуждаются, не идя по социалистическому пути — по пути подлинного гуманизма, по пути самоуправления, к которому рано или поздно — как мы полагаем — все же придет человечество, если... если не "выберет" самоубийственный путь третьей мировой войны...

Москва, 1978 г.

**ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
журнала "ПОИСКИ"
ПРОДОЛЖАЮТСЯ
ЗАЩИТИМ**

Владимира ГЕРШУНИ !

17 июня 1982 года в Москве вновь арестован, а в феврале 1983 г. осужден — уже не в первый раз — Владимир Гершуни — старейший участник правозащитного движения, один из редакторов ж. "Поиски". Сейчас В. Гершуни — 53 года, треть своей жизни он провел в лагерях и психушках. Первый раз его репрессировали, когда ему было 19 лет.

Отличительные черты Владимира Гершуни — честность, безграничная любовь к своему народу, ненависть к душителям свободы. Гершуни вновь брошен в страшные застенки психиатрической тюрьмы, несмотря на его полное психическое здоровье, подтвержденное экспертизой известного английского психиатра проф. Г. Лоубена.

Полицейские в белых халатах опять, нарушая все нормы медицинской этики и всякую человечность, по приказу КГБ расправляются с инакомыслием особо изощренным методом. Это вопиющее нарушение всех норм человечности и правопорядка требует незамедлительного вмешательства всех людей доброй воли.

Требуйте от кремлевских властей прекращения беззакония и освобождения узника совести Владимира Гершуни !

Издательство "Поиски"

РАДИ РОССИИ

С жадной радостью - и болью - прочитал я "Вестник РХД" № 125. С радостью - потому что слышу свободные и сильные голоса своих современников, живо заинтересованных в судьбах моей страны. С болью - потому что критика этих людей направлена в основном против диссидентов иных, чем РХД, направлений /и значит, против меня тоже/. Я, конечно, не претендую на полную и всестороннюю оценку этого выдающегося сборника, значение которого сравнимо лишь со сборником "Из-под глыб". Буду говорить лишь о самом больном и важном, на мой взгляд.

По смыслу большинства статей Вестника-125, по реакции некоторых христиан-диссидентов, которых я так уважаю, получается, что я и мои единомышленники являемся главными противниками России и главными виновниками ее бед /и прошлых, и будущих/. Единственный их совет к нам - изменить убеждения /"найти Бога"/ или, по крайней мере, - замолчать /я уже получил недавно дружеский совет "перестать писать..."/.

Тяжкие обвинения, заносчивый совет...

Если бы они шли от властимущих, было бы понятнее и легче: можно усомниться в их искренности и потому пренебречь самозащитой и оправданием. Но со своими объясниться необходимо.

С п о р и л и с у д ?

И.Р.Шафаревич в полемической статье "Арьергардные бои марксизма /о работах Р.А.Медведева/" повторяет известное, вполне оправдавшееся предположение Л.Толстого о том, что характер подготавливаемой некоторыми социалистами революции легко предсказать по тону их сегодняшних споров и выступлений.

"Как действовали бы близкие ко взглядам Р.А.Медведеву левые круги Запада /например, так называемые "евро-коммунисты"/, если бы власть оказалась в их руках? Как они на деле отнеслись бы к инакомыслию и оппозиции? Вопрос этот, быть может, будет проверен экспериментально, если власть к ним в руки попадет, однако жизнь показала, что такой эксперимент может дорого обойтись. Безопаснее попробовать извлечь какую-то информацию из модели, которая находится перед нами, - понять, как чуждые и несимпатичные автору точки зрения воспринимаются, например, в работах Р.А.Медведева..."

Что же отмечает И.Р.Шафаревич в характере выступлений Р.А.Медведева, как самое существенное?

"Прежде всего бросается в глаза, что любое мнение, отличное от того, которого придерживается сам автор, встречается предельно враждебно и подозрительно. Так, говоря о течении "западников", автор пишет: "Есть среди "западников" и крайние группы, которые доходят до апологии капитализма, открыто восхищаются его достижениями". /"Социализм и демократия". Подчеркнуто мною - И.Ш./ Очевидно, такая точка зрения представляется ему какими-то Геркулесовыми столбами, до которых доходят только отчаянные люди. Ее надо бы скрывать, как тайный порок, а они, пренебрегая приличиями, высказывают ее открыто!

Издатели журнала "Вече" характеризуются как "группа воинствующих религиозных националистов" /там же - И.Ш./ Интересно, что это значит - воинствующие? Считает ли, например, Р.А.Медведев себя воинствующим марксистом?..

...На каждое критическое возражение у Медведева звучит рефреном лишь: "Научная полемика здесь невозможна".

Отсюда И.Р.Шафаревич делает вывод:

"Перенесите эти взгляды из литературной деятельности в реальную политику, и вы получите ту самую гражданскую войну, террор и диктатуру, которых - как думает Р.А.Медведев, - Запад может избежать, следуя по пути марксизма. Вместо литературных судов, где взгляды противников не разбираются, а только обличают-

ся, - вы получите реальные суды, где подсудимые не имеют права голоса, а защитники их обвиняют. Вместо обвинения оппонентов в подлоге и жульничестве - их ликвидация как шпионов и диверсантов. А намек: "разум парализован" реализуется как заключение в "психушку". Пока же есть возможность развивать эти взгляды только в теории. В таком положении были когда-то и основоположники марксизма".

Таким образом, по одному лишь тону и способу выражений Р.А.Медведева, И.Р.Шафаревич решается делать далеко идущие историко-политические прогнозы.

Однако его коллеги по Вестнику-125 устроили над либералами суд не менее пристрастный, чем Медведев над своими противниками. В этом легко убедиться по статьям Дубровского, Борисова, Михайлова, наполненным обвинениями в некомпетентности, недобросовестности, полубразованности, эгоизме, мании судить русское прошлое, чуждости России и т.п.

Притом нельзя сказать, что все такие обвинения спровоцированы, что они вызваны раздражением и запальчивостью предыдущего спора. Нет, полемика направлена главным образом в адрес участников сборника "Самосознание", в целом устранившегося от спора почвенничеством; именно либералы оказываются главными подсудимыми.

Попытки либералов "Самосознания" найти взаимопонимание наталкиваются на негодующий отказ - как иначе можно понять брезгливую иронию Борисова, когда он, обнаружив одобрение его слов в "Самосознании", открещивается "от чести считаться единомышленниками Б.Шрагина и его соавторов". Серьезная статья Е.Барабанова, в которой "наводятся мосты" между верующими и неверующими диссидентами, где прямо и доброжелательно обсуждаются разногласия между либералами и православными почвенниками /причем, с позиций последних/, - эта статья во всем "Вестнике-125" удостаивается лишь насмешки в скобках, что у Е.Барабанова "даже авторы сборника /"Самосознание"/ оказались почти христианскими святыми" - мол, какой тут еще разговор?

Если "Самосознание" устремлено к диалогу, то "Вестник-125" - сыплет обвинениями. Взаимоотношение

сторон в "Вестнике-125" стало отношением прокурора и обвиняемых. "Литературный суд" налицо.

Следуя совету И.Р.Шафаревича "извлечь какую-то информацию из модели, которая находится перед нами", впору и нам с вами призадуматься над ближайшим будущим России, в котором православному почвенничеству будет принадлежать весьма значительная /если не ведущая/ роль. Вторая социалистическая революция в нашей стране практически исключена, а вот ренессанс государственного православия, кажется, неизбежен. И как тогда авторы "Вестника-125" справятся с соблазнами власти и силы?

Сегодня именно православие наиболее мощная идейная сила в стране - вторая после официального марксизма и первая - в оппозиционной среде. Это сознают и сами почвенники, напоминая, что если под правозащитными протестами подписываются лишь десятки людей, то под просьбами об открытии церквей - подписей тысячи. Влияние православного почвенничества все растет. К нему принадлежат такие авторитеты, как А.И.Солженицын и И.Р.Шафаревич, самые читаемые у нас оппозиционные журналы - "Вестник РХД" и, отчасти, "Континент".

И если мне, либералу по убеждениям, будущее торжество православных почвенников весьма возможным, то как же не призадуматься над их обращением с "чуждыми и несимпатичными" точками зрения уже сегодня?..

Впрочем, остается надежда, что пристрастный суд над либералами еще может превратиться в благожелательный спор о России. К этому, во всяком случае, призывает сама редакция Вестника РХД:

"Спор должен быть "о России", а не против нее. Цель его - нахождение путей для будущего. И в итоге спор "о России" должен стать спором "за Россию".

Именно так: не полемика только, не суд оппонентов, а спор "о России и за Россию" должен быть главной и основной темой. Но разве не такова позиция либералов, не склонных к обвинениям? И потому, настаивая на непредвзятости как необходимом условии диалога, я надеюсь извлечь для себя немалую пользу и из аргументов авторов "Вестника-125". Но прежде всего необходимо вы-

нести вон скамью подсудимых...

Легковесность обвинений

А. Обвинение в непрофессионализме и полуобразованности

И.Дубровский в статье "Новая интеллигенция о московском царстве" выбрал следующую цитату М.Меерсона-Аксенова /сб. "Самосознание"/:

"Далеко не одно насилие строило новое общество: за идеей колхозов стоит бессознательно привычное для крестьянства многовековое существование в общине... За псевдо-демократией - крепостничество, отсутствие конституции и правовых традиций, за обоготворением техники - трансформированный магизм и суеверие крестьянского православия. За верой во всемирную освободительную миссию коммунизма - сохранение в народной психологии раскольничьей веры в Москву-Третий Рим, столицу православного мира"

и на протяжении трех страниц пытается последовательно опровергнуть ее часть за частью. Посмотрим, как он это делает:

"Между общиной и колхозом нет ничего общего /кроме "самого общего момента не индивидуального, а коллективного отношения к земле и государственным повинностям"/. Не в пример колхозам, в общине, мол, было местное самоуправление, был простор хозяйственной инициативе. И только насильственное уничтожение общин в коллективизацию создало чужеродные колхозы. Эти соображения завершаются безапелляционным выводом: "Как видим, сопоставление Меерсона-Аксенова совершенно произвольно и безответственно, и опирается не на исторические факты, а на неясные представления, вынесенные из журнальной полемики прошлого века".

Однако, крестьянская община в России, хотя и существовала издревле, но изменялась во времени и не равна сама себе в различные эпохи. Говоря о послереволюционном крестьянстве, нам незачем говорить об общине Московской Руси, ибо реальностью могла быть лишь традиция общины, существовавшей в России при крепостном праве /почти 300 лет, считая от запрета Юрьева дня/. Известно, что в эти годы община между крестья-

нами заводилась самими помещиками или чиновниками /в случае государственных крестьян/ исключительно для удобства управления и взимания податей. Орган самоуправления, община была одновременно главным органом государственной и крепостнической эксплуатации. Т.е. ее роль и положение в эпоху барщинного хозяйства мало чем отличалось по главной сути от введенных в коллективизацию колхозов /конечно, не отрицая и важных различий/. И разве между крепостнической общиной и сталинским колхозом нет преемственности? Правда, часть эксплуататорских функций общины была устранена после реформы 1861 года и особенно после столыпинской реформы. Является почти общепризнанным, что в ходе этих реформ происходил процесс разрушения общины и превращение крестьян в единоличников. Революция прервала этот процесс и повернула вспять, подготовила условия для нового закабаления с помощью новой общинной формы. В 1929 году происходила коллективизация единоличников, а не общинников. Я допускаю, что у Дубровского есть основания для противоположного экстравагантного взгляда, но их надо высказывать и обосновывать, а этого не было сделано.

Далее. "Конституция здесь вообще не причем, - заявляет Дубровский, - правовым государство может быть и без конституции, право может и не фиксироваться письменно, как в Московской Руси, а "юридический быт Московской и Петербургской России" никак не связан с нынешним "кодифицированным беззаконием". Однако, вслед за тем он добавляет, что "послепетровское право" /т.е. юридический быт - ?/ было в принципе реформаторским, антитрадиционным и ориентированным на заимствования западно-европейских форм", т.е. произвольно без народного согласия, ломало правовые традиции Московской Руси, являясь "кодифицированным беззаконием". Думается, что аналогичное сходство с "беззаконием" являл и период Ивана Грозного.

Выведение Меерсоном-Аксеновым нашего сегодняшнего технического суеверия из языческих суеверий наших прямых предков-крестьян, ранее считавшихся православными, - кажется Дубровскому совершенно недопустимым /хо-

тя, что же странного в преемственности двух видов суеверия?/. Наверное, Дубровский оскорбился выражением "суеверие крестьянского православия", действительно, неудачным /думаю, что авторская мысль не исказилась бы после замены этих слов на "суеверие русских крестьян"/. Но вместо спокойной поправки, Дубровский начинает опровергать все подряд, вплоть до отрицания суеверий и языческих пережитков в среде русских крестьян до революции.

Мысль о связи между старинной верой в Москву-Третий Рим, и "миссией коммунизма" Дубровскому кажется просто смехотворной - без пояснений. Хотя известно, что эта мысль принадлежит христианину /Н.Бердяеву/... Все подобные "опровержения" легковесны и поверхностны, и вызывают лишь желание во что бы то ни стало "разоблачить либералов" и "осудить их".

Конечно, в работах либералов могут быть ошибки, преувеличения, неверные и поверхностные положения. И критика их всем очень полезна. Но безнадежно надеяться, что с либеральными убеждениями можно расправиться с помощью подобной "ловли блох". Ответить на либеральную концепцию в честном споре с либеральной и социалистической. Только в поисках альтернативы для России и следует побеждать.

Когда В.Борисов в статье "В поисках пропавшей истории", возражая Г.Померанцу, дает подробный разбор истории написания и хождения в Московской Руси повести "О воеводе Дракуле", переходя затем к важнейшим вопросам тиранства и самодержавия в России - я ему благодарен, захваченный главным - мыслью об истоках и перспективах "тиранства" в моей стране.

Но когда тот же В.Борисов выскикивает в "Снах земли" Г.Померанца неудачную, а может, и недостоверную фразу: "татарские и византийские недоделки" /ведь самиздатские тексты весьма неточны/ и истолковывает ее в каком-то фашистском смысле /что невозможно представить применительно к Г.Померанцу/, да еще и посвящает этому целый раздел, то ничего, кроме негодования, подобный "Шемякин суд" у меня вызвать не может. И еще - недоумение: зачем В.Борисову такое унижение? Зачет те-

шить беса?

Б. Обвинение в субъективности исторического подхода

Как известно, историцизм, т.е. опора на анализ исторических тенденций при рассмотрении возможных перспектив развития, отличает многих либералов, в том числе и авторов сборника "Самосознание".

Но почвенники подвергают осуждению либералов прежде всего за их опору на историю. Наиболее резким нападкам подверглась статья Шрагина "Тоска по истории", особенно один из ее тезисов: "История есть лишь там, где она осуществляется народами свободно, вот в таком конкретном смысле у нас нет истории..."

Велик соблазн - укоротив эту мысль до тезиса: "У нас нет истории", его и опровергать, оставив главное у Шрагина /"У нас нет народа, творящего свою историю сознательно и свободно"/ без всякого обсуждения и нелегкого опровержения. Такая критика не способствует, а напротив, затрудняет *общий* спор о России, о нас самих, о том, какими нам быть: изучать ли прошлое или конструировать будущее? Шрагиновская "тоска по историцизму" на деле противостоит именно революционному волюнтаризму и должна быть близка почвенникам. Ведь и вправду: именно свободным народам свойственен широкий интерес к своей истории, как к сокровищнице опыта и уроков на будущее. И, наоборот, когда каждый человек может свободно участвовать в осуществлении политической жизни страны, он будет интересоваться историей, и, вопреки Аристотелю, станет не только "животным политическим", но в особом смысле - и "историческим". Таковы, например, англичане. Круговерть же революций и реакций свойственна как раз народам, пренебрегающим уроками истории.

Но как же авторы "Вестника-125" понимают этот историцизм либералов?

Дубровский: *"Подход Копелева к истории..., свойственный, вообще говоря, всем авторам сборника - принимать во внимание лишь то отношение к историческим фактам и ту их оценку, которая складывается сегодня и полностью игнорирует взгляды и оценки современников*

описываемых событий... при таком подходе... все исторические факты удобно располагаются в той системе понятий и категорий, которая сложилась у имьярека в результате его частного опыта исторического существования... Любой ряд явлений может быть понят как последовательное развитие, подводящее к сегодняшнему наблюдателю и ставящего его в положение полновластного оценщика... Однако, эта единая перспектива искажает предметы до неузнаваемости и ничего не дает для их понимания...

"Воля писателя - самодержавна и неограниченна: один и тот же факт он может описать и так и этак... И, конечно же, христианство - как одно из теоретических этико-философских построений. Все может самовластный автор. Но нет ничего более бесплодного для понимания исторического развития, чем выводы, полученные примериванием на свой аршин разнородных и разнообразных исторических явлений - ...получите описание все того же исходного аршина".

Борисов: "Мания судить людей минувших эпох/некогда Паскаль назвал ее "игрой в богов", а в наш век Марк Блок, один из лучших европейских медиевистов, заклеймил как "сатанинского врага подлинной истории"/ была устойчивой приметой русской "прогрессивной" публицистики во время ее существования.

Эта мания развилась из расхожего и вульгарного понимания давно устаревшей историко-социологической схемы "линейного" восхождения человечества, принципиально игнорировавшей реальное мнимообразие исторических данных, общественных систем и духовных культур, не сводимых друг к другу путем элементарных арифметических операций добавления или вычитания. С позиций такого понимания каждый последующий этап развития оказывался "выше и лучше" предыдущего, а вновь утвердившаяся система ценностей превращалась в своего рода моральный кодекс для суда над прошлым, поскольку превосходство этих новых норм предполагается очевидным. Не удивительно, что при таком подходе "отцы и деды", поставленные перед ареопагом просвещенных потомков, выглядят как "воры и стяжатели, тираны и эксплуататоры" и уж во вся-

ком случае, как "варвары".

Их мир, их культура /если ее удостаивали признать "культурой"/ мыслились навсегда преодоленными и превзойденными, и потому в глазах людей, видящих себя на вершине исторической лестницы, или стремящихся на нее вскарабкаться, не имели никакой самостоятельной ценности. Перед лицом "общественного идеала" прошлое обращалось в груды исторического шлака, из которого, при необходимости, можно было извлечь назидательные примеры "деспотизма", "мракобесия", "суеверий" и т.п. И не было никаких сомнений в том, что эти категории новоевропейского мышления способны адекватно объяснить логику жизни и поведения людей минувших времен.

"Прогрессивные мыслители" свои неудачи - невосприимчивость масс - толковали как дикость масс, а не наличие у нее собственной духовной культуры. И это историческое своеволие - приверженность к теоретическому триумфизму, основанному на неуважении к духовным ценностям своего народа, значительная часть интеллигенции пронесла как знамя вплоть до Октябрьской революции и еще долго, уже в эмиграции, хранила его обрывки... И вот теперь... возродилась, к сожалению, оловянная прежней "демократической интеллигенции" /привычка/ притягивать предков к нравственной ответственности за недостаток понимания "ценностей свободы и правовой демократии", и за те же грезь объявлять их тысячелетнее существование "внеисторическим"... По-прежнему прочен в этом сознании образ "храма общественности", одиноко возвышающегося в культурной пустыне".

Таким образом, либеральному "измерению" истории - собственными, современными мерками - противопоставляется почвенническое, объективное, адекватное и т.д. измерение истории - мерками "самих" предков... Выглядит такое предложение весьма эффектно, но лишь до тех пор, пока не задумаешься: "А как же измерять все протяженные во времени исторические события? Как соизмерять события разных исторических периодов и эпох, если нет единого измерителя? Любое измерение требует

единого масштаба, любое понимание требует единой терминологии – на протяжении всей изучаемой истории вплоть до сегодняшнего времени. И, конечно, эти единицы измерения, эти основные понятия должны совпадать именно с современными понятиями и единицами. Иначе мы ничего не поймем в истории. Красиво звучащее требование – рассматривать исторические события лишь в системе мышления их современников – именно как требование и невозможно и бессмысленно /бессмысленно требовать понимания книги на незнакомом языке, запрещая перевод на понятные нам слова/. В конечном счете, это требование сводится к отказу от изучения истории в ее связанной цельности, в развитии, как ни странно это для людей, объявивших основой своего мировоззрения именно опору на почву, на национальные традиции, на исторический опыт. А, может, это недоразумение, и авторы критикуют вульгарную модернизацию прошлого и то, что А.С.Пушкин назвал "слабоумным удивлением" перед современностью?

Но тогда надо было и критиковать такие ошибки, не ограничиваясь общими и неопределенными методологическими декларациями.

Впрочем, Дубровский поясняет, что он понимает под изучением истории: *"Сама по себе идея связать какие-либо черты современной России с характеристиками допетровской Руси отнюдь не представляется нелепой. ... Поиск этих постоянных элементов и воодушевляет всех историков /какой бы частной темой они не занимались/, не желающих в своих исследованиях ограничиваться лишь фактическими, т.е. источниками разысканиями, но старающихся дать объяснение взаимной связи событий, ими излагаемыми. В конечном счете, всякое объяснение упирается в эти постоянные элементы.*

... Данные элементы – отнюдь не лежат на поверхности исторических исследований, не раскрываются через поверхностное сопоставление событий и явлений разных эпох, а лишь постепенно проступают в тщательном и непредвзятом анализе конкретного материала. Без такого анализа – сопоставление умозрительно и оказывается на поверку лишь соотносением внешних форм,

часто вырванных из совершенно разнородных исторических контекстов и столкнутых друг с другом по произволу увлеченного писателя..."

С этой программой Дубровского вполне можно было бы согласиться /правда, сам он ее использует лишь в полемических целях/, если бы не формулировка главной цели исторического исследования – выявление в истории не тенденций развития, а постоянных, неизменных элементов. Если не касаться Мира Божественного, то на нашей земле ничего неизменного, абсолютно постоянного – нет /не исключая и православия в России/. Задача нахождения неизменных элементов – не выполнима. Задачей же исторической науки является поиск основных тенденций развития, относительно единых и постоянных для больших периодов времени прошлого, а значит, и будущего. Задача истории – дать информационные основания для познания будущего. В этом ее огромная практическая польза. Постановка же перед историей нереальных задач /вроде поиска вечного/ может спровоцировать на получение ложных ответов: например, сведение отечественной истории к какой-нибудь одной "неизменной" /православной, или коммунистически-общинной, или еще какой/ основе.

Возможно, что такое отношение к истории и свойственно для утопических течений почвенничества, но оно далеко от действительного консерватизма /который И.Р.Шафаревич объявил основой почвеннических воззрений/, ибо последний всегда защищал не сохранение статус-кво, а естественное, свободное развитие на исконной основе. Такой консерватизм очень понятен либералам и даже свойственен им, многим из них, но противоречит утопическим установкам на неизменность.

Многие авторы "Вестника-125" /включая редакцию/ адресуют либералам упрек в недостаточно высоком научном уровне "спора о России", в некомпетентности, полубразованности и т.п. Однако, в иных случаях, когда "опровергаются" произведения авторов, профессионализм которых трудно оспорить, последним предъявляется обратный упрек: в стремлении подчинить все науке.

Так, Б.Михайлов в статье "Гуманистическая утопия

в свете русского опыта" пишет:

"Против "Глоссыма возводя" и сб. "Из-под глыб" - была поднята критика в сб. "Демократические альтернативы", "XX век", "Самосознание" - "обидный фронт, сомкнувшийся своим флангом с официальной пропагандой" /???/...

"Обидим у них является стремление противопоставить личностному суждению объективный научный критерий. А. Янов, например, усматривает корни методологической ошибки Солженицына и его предшественников от Гоголя до Толстого - в том, что "все они опистывали сферу политики при помощи моральных критериев" /сб. "Демократические альтернативы"/. Политика же для нашего оппонента есть, прежде всего, система некоторых научно обоснованных взглядов и стремление к осуществлению их в действительности. Поскольку в пределах этой системы индивидууму гарантированы все права, провозглашенные гуманизмом, постольку политика этого индивидуума, его духовные потребности больше не интересуют. Таков чисто правовой, формализованный подход, не различающий целостности живого человека - плод разумного эгоизма, рассудочной филантропии друзей человечества..."

Я убежден, что Михайлов неверно истолковал Янова. Требование объективности, выявления исторической реальности, а не подгонки ее под собственные моральные критерии /аналогичные упрекам Дубровского и Борисова, но в противоположный адрес/, Михайлов превратил в требование научного обоснования личных убеждений - не характерно ни либералам вообще, ни Янову в частности. Именно А. Янову принадлежит солидный исторический труд об истории консервативно-абсолютистской оппозиции в России - "Некоторые проблемы русской консервативной мысли XV-XVIII столетий" /1973 г./. Вспоминая эту большую и талантливую работу, мне становится очевидным, что если бы авторы "Вестника-125" были озабочены больше самим спором о России, а не полемической "злобой дня", они, конечно, нашли бы у либералов и уважение, и любовь к России, ее культуре и истории. Так, именно Янов исследовал на большом историческом материале - от Ивана III до XIX века борьбу традиций "автократов"-самовластцев - Грозного, Петра I, Павла

и традиций консервативно-абсолютистских государей и общественных деятелей, начиная от Ивана III, т.е. от основания Московского царства /и подобно В.Борисову, отдавая свои симпатии последним/. По букве исторических взглядов А.Янов и В.Борисов - единомышленники, но отчего тогда ожесточенность в полемике?

В. Обвинение в эгоизме и "внеположности России"

В чем же причины "либеральных заблуждений" у многих диссидентов? Вот ответ И.Дубровского:

"Деятельность в защиту прав человека, которую в основном занимаются авторы /"Самосознания" и др./, в принципе не нуждается ни в каком оправдании: ценность и достоинство этой деятельности самоочевидны. Эта деятельность нуждается лишь в очень небольшом теоретико-историческом обосновании /прекрасный пример такого обоснования мы и находим в статье В.Турчина/. К широким историческим обобщениям авторов очевидно толкают совсем иные побуждения...

... Борьба за гражданские права возможна при самых разных убеждениях, нравственных идеалах и культурных привычках, поэтому одной этой деятельности авторам не достаточно для того, чтобы почувствовать себя солью земли и благодатными начатками общества. И тут на помощь приходит общественно-историческая теория... Авторам непременно нужно доказать, что их культурно-нравственный комплекс и есть самый "естественный", самый лучший в русском обществе. И вот, поскольку умственные интересы авторов связаны по большей части с европейской культурой нового времени, а не с традициями православно-восточной духовности, поскольку нравственные и бытовые представления авторов ориентированы скорее на раскрепощенную западную мораль и свободный западный быт, чем на этический ригоризм православной традиции и на обычаи русской деревни - в силу всех этих причин авторы и стараются показать, что приверженность национально-русским идеалам или "традиционность" православия - это порочное наследие Московской Руси. Именно оно и не дает обществу прийти в "естественное" состояние, уравнившись своему благодатно-

му начатку... Мы, конечно, не думаем, что авторы, создавая свои концепции, сознательно руководствовались этими соображениями, но психологическая подоплека была, видимо, именно такой и совершенно ясно, что для того, чтобы построить общественно-историческую теорию с собою в качестве центра и судьбы исторического развития общества, детальное знание фактического материала не только не нужно, но даже и вредно...

Наследуя полуобразованность русской интеллигенции, авторы сборника наследуют и ее самоощущение. Можно заниматься очень полезной общественной деятельностью без профессионального исторического образования. Но тщетно надеяться, что без глубокого знания русской истории можно понять современное советское общество, правильно оценить свои с ним взаимоотношения, или писать о нем..."

Вышеприведенный текст звучит скорее не обвинением, а приговором: либералы могут заниматься борьбой за гражданские права /здесь характер убеждений не важен/, но не смейте теоретизировать и возводить свою правозащитную деятельность в ранг особой от почвенничества либеральной идеологии. Правда, этот приговор напоследок маскируется доводом о необходимости глубокого исторического познания, но мы видим, что никто из авторов "Вестника-125" не демонстрирует каких-либо убедительных познаний, достаточных для опровержения либеральной концепции.

Формулируя свое обвинительное заключение, И.Дубровский как будто не замечает, насколько оно комприметирует правозащитное движение /ибо, оказывается, им занимаются эгоисты, мечтающие чувствовать себя "солью земли" и "благодатными начатками общества"/, сам начинает судить предков — либералов и социалистов прошлого, вплоть до деятелей Просвещения 18-го века. И в этом его поддерживают и другие авторы "Вестника-125".

Михайлов: "Раскол начинается с письма Белинского Гоголю, с деления на западников и славянофилов... Решался вопрос о том, связывать ли будущее России с коренными началами народной жизни или видеть его в перспективе гуманистической концепции просвещения, наро-

доправия и разумного эгоизма - концепции, доступной разуму, соблазнительно легко идущей рука об руку с развитием науки и техники, сулящей прогресс и всеобщее благоденствие в обозримом будущем. Соблазн тем больший, что в этой системе взглядов человек понимается хотя и функционально непременно с большой буквы, поскольку с самого начала виден его приоритет по отношению ко всему, на что обращена его деятельность. Он только долгое время - пока не развились все заложенные в прогрессе потенции - не замечал главного порока выстроенной им системы - своей собственной в ней относительности. Центробразующее место, отведенное человеку, не имело укрепляющего опорного стержня, система, как это видно теперь и на Востоке и на Западе, оказалась принципиально нестабильной".

... Все попытки осмыслить историю России и предопределить на этом основании ее будущее, которые предпринимались с начала века политическими партиями от к.-д. до с.-д., исходили от внеположных России оснований... Они не могли вместить сокровенное ядро русской истории ее соборного мистического начала. Они не замечали поэтому и двоения этой истории, из которого складывалось ее своеобразие на протяжении последних двух веков".

Мне понятна вышеприведенная критика Михайлова, хотя я и не согласен с ней. Но почему, когда либералы начинают искать в прошлом корни деспотизма нынешнего века, это квалифицируется как "мания судить предков, дискретитация прошлого" и т.п.?

В своей критике почвенники устанавливают корни ненавистного им либерализма - в прошлом или позапрошлом веке. А.И.Солженицын устанавливает связи еще глубже - с началом Нового времени, с Возрождением /"Речь А.И.Солженицына в Гарварде", опубликованная в Вестнике РХД № 125/. На деле же корни либерально-демократической идеологии в русской культуре лежат много глубже 18-го века.

Под именем консервативно-абсолютистской традиции, А.Янов прослеживает ее существование от начала Московского царства /правления Ивана III/ - в противополож-

ность одновременно существующей автократической традиции старца Филофея, иосифлян, Ивана Пересветова, Ивана Грозного и др. Иван Ш, нестяжатели, Избранная рада, деятели Смуты /конституция Салтыкова/, "министры" Алексея Михайловича, Крижанич, конституционная попытка верховников, проекты гр.Панина и др. - да разве перечтешь всех предков нынешних либералов?

Еще яснее родословная нынешнего либерально-демократического направления прослеживается в домосковном периоде существования России - вечевые и торговые республики, "Русская Правда", самобытные языческие традиции и племенная демократия. Именно в древности, в доправославной глубине лежат основы русского либерализма и свободы. И потому именно либералы стремятся к возрождению наиболее глубоких начал русской нации, существовавших задолго до прихода из застойной тогда Византии - православия /что, конечно, имело свои большие плюсы - наряду с минусами/. Именно православные почвенники узко и потому нигилистически относятся ко всему богатству национальных традиций, считая, что до православия и страны не было.

"Россия возникла как православная страна и такой было почти тысячу лет. Невозможно себе представить, чтобы она могла остаться духовно-здоровой, потеряв связи с православием. Казалось бы, никакая власть не может желать духовного ослабления народа, хотя бы потому, что за этим неминуемо наступает физическое ослабление. Но сила атеистических верований слишком велика..." /Шафаревич, "Интервью Би-би-си, 26.9.77/.

Конечно, насильственное отлучение народа от православных традиций - ненормально и преступно, но как же назвать отлучение народа от еще более древних и основательных - языческих /либеральных или коммунистических/ традиций?

Впрочем, у самих почвенников здесь нет определенности. С одной стороны, самиздатский почвеннический журнал носил скорее либерально-языческое имя - "Вече", а с другой стороны, нынешние авторы Вестника-125 говорят о самодержавии /которое уничтожило вече/, как о необходимой основе русской жизни. Как все это можно

совместить – непонятно! И кажется, что объединить такие разные позиции, как защита вече и защита самодержавия может только недоразумение или общая неприязнь к либералам. Спор о сути путей России /вече или самодержавие?/ подменяется интересами установления православной идеологической монополии. К сожалению, дело, повидимому, обстоит именно так.

Еще одни разительный пример нашего разительного взаимонепонимания дают авторы "Вестника-125", описывая деятелей тиранического самодержавия в России /Иван Грозный, Иван Пересветов, Петр I/, как западных агентов:

В.Борисов: "Идеолог Иван Пересветов – выходец из польско-литовских земель... и ратовал за турецкие порядки..." ...Иван Грозный и его пристрастия к иностранцам. А.С.Хомяков: "Грозный – величайший враг земли родной". Псковский летописец 1570 г.: "На русских людей возложь свирепство, а к немцам на любовь преложь..." Иван Грозный говорил Флетчеру: "Я не русский, мои предки – германцы, русские мои – все воры.." и намеревался бежать в Англию.

Сообщение А.Щелканова английскому послу: "В России умер английский царь".

... Впервые Петр Великий дал в законе определение "самовластного государя", скопировав эту формулу со шведского образца...

... Императорская бюрократия, с одной стороны, и детище Империи русская интеллигенция, с другой, совместными усилиями за 2 столетия сумели расшатать и обессилить народную мечту о справедливом царе. Все усилия последних монархов из дома Романовых вернуться к этой древнерусской концепции царской власти были парализованы европеизированной бюрократией и образованными слоями общества, воспринимавшими все эти попытки как симуляцию..."

Но ведь и для либералов именно Пересветов, Грозный и Петр I являются наиболее отрицательными фигурами в русской истории, наиболее яркими представителями чистого произвола, азиатского деспотизма /сошлюсь в подтверждение хотя бы на работы Янова и Померанца/.

Мало того, если многие авторы "Вестника-125" протестуют против установления исторической преемственности между русским самодержавием и послереволюционным "культ-ом личности", то сами они устанавливают что-то подобное:

Михайлов: *"Как раз в отпадении от народной жизни, от соборного начала - богохульство Петра... Медный Всадник - точно представленный грех, легищий в основание новой жизни... Мы никогда не поставим знака равенства между невским памятником и статуями партийных вождей на канале Москва-Волга, но нельзя не видеть, что эти произведения порождены одним мировоззрением на разных этапах его существования. Не случайно Медный Всадник приобрел значение эмблемы для всего петербургского периода и в этом качестве удерживается и современными гуманистами, мастерами идеологической реставрации..."*

И либералы, и почвенники имеют перед собой одного противника, но почему-то приписывают его друг другу. И мне кажется, для устранения этого полемического недоразумения необходимо каждому подойти критически к собственной концепции. И потому, может, именно нам, либералам, нужно постараться понять правоту многих почвеннических аргументов. Так и здесь: они правы - в определенном смысле и Грозного, и Петра Великого, и Сталина, и даже Пересветова можно называть западниками. Ибо все они, призывая абсолютную и тираническую власть, тем самым отрицали национальные демократические традиции /вечевые, соборные.../, а затем, в поисках средств абсолютного властвования внутри и вовне страны, хватались за техническое перевооружение армии и страны, за ее модернизацию на основе западных достижений. Именно Грозный, Петр и Сталин предпринимали коренные реконструкции государства и хозяйства, устанавливали тесные торговые и технические контакты с Западом, оставаясь в социальной сфере деспотами, враждебными самому духу западной жизни и прямыми врагами Запада. Если у кого из либералов и существуют еще иллюзии о социальной "прогрессивности" Петра I, то, на мой взгляд, они должны быть преодолены в согласии с

почвеннической критикой. То же самое касается лозунга "Догнать и перегнать Запад".

Но и почвенники должны понимать, что "западничество" русских самовластцев, их лозунги: "Догоним Европу, чтобы повернуть к ней задом" не имеют ничего общего с либерализмом, с правовым образом жизни, с демократией. Настоящие противники и либералов и почвенников – ивановские опричники, петровские гвардейцы, нынешние сталинисты – "западники", по своей жадной устремленности к чужой технике и эффективности и – "восточники" по своей непреодолимой воле к деспотизму. Они принадлежат к русской традиции княжеского и царского своеволия, которое в свое время успешно обуздывали народные веча, а в наше время должны обуздывать советы и парламенты.

Как следовало бы спорить о России

Прежде всего, надо бояться споров разъединяющих. Ибо если Михайлов прав и раскол в русском обществе начался с расхождения славянофилов и западников /а это, наверное, так/, а потом не уменьшался, а все рос – вплоть до великого раскола – то именно нам, именно сейчас, на стадии появления и оформления идейных течений, нельзя терять уважение и дружелюбие друг другу – несмотря на идейные различия. А для этого надо признать национальное происхождение и достоинство за каждым из этих течений.

Близоруки и неправы те "либералы", которые сводят православное почвенничество лишь к византийским и татарским влияниям. Но неправы и те славянофилы, которые истоки своих либеральных и социалистических оппонентов ведут только от эпохи петровского западничества и европейских влияний.

Нет, несмотря на все несомненные влияния, корни у двух основных идеологических течений – национальные, глубокие. Мало того, даже у "тиранства и культа личности" – существуют давние национальные корни.

У других народов также существуют аналогичные начала – но в разном соотношении, поэтому одни можно называть либеральными по преимуществу /хотя и

на Западе бывал деспотизм/, другие - деспотическими /хотя и в Азии случались демократические установления/ Наличие у срединной России соседей с разными степенями преобладания того или иного элемента позволяет использовать географические названия /западничество, византийство, азиатчина/ для обозначения ее собственных начал. Такие "географические" названия - только иностранные ярлыки на наших собственных идеалах. И в этом нет ничего дурного, т.к. сравнение с иностранными порядками помогает уяснить свои собственные перспективы. Однако, когда эти названия начинают использовать для обвинения в "чуждости, внеположности России", для ошельмования и лишения друг друга национального гражданства - это очень плохо. Это недопустимо.

Обычно почвенники, дискутируя со своими оппонентами, используют критику западных порядков, а либералы, напротив, - критику китайских /восточных/. В каком-то смысле именно славянофилы-почвенники, ориентированные на критику Запада, лучше знают его, являются специалистами по Западу, и напротив, именно западники глубже знают недостатки азиатчины, Востока. Чтобы избавиться от односторонности, почвенникам желательно больше уделять внимания критическому изучению Востока, а либералам - Запада. Печальные исторические уроки настоятельно требуют от нас осознать свою общую беду - односторонность и запальчивую устремленность к расколу. /В качестве конкретного совета я мог бы рекомендовать современную научную историческую литературу о Китае, чрезвычайно интересную и поучительную/.

Только поняв изначальность, а следовательно, дополнительность либерально-социалистических и почвеннических начал, можно, как мне кажется, приблизиться к более правильному пониманию нашего прошлого и будущего, чем это удавалось раньше. Изначальное существование наших основ говорит о том, что ни одно из них не может быть признано только правильным или неверным. В каждом есть истина. И эта истина, возможно, заключается в том, что почвенники правы, отстаивая независимость и самостоятельность национального существования, свободу от подражания, социалисты правы, настаивая на

необходимости изменения и развития, а либералы правы, утверждая свободу и естественность развития, невзирая на возможные аналогии с иностранными образцами. Истина, на которой мы все могли бы сойтись – это самостоятельное и свободное развитие нации. Конечно, идейные различия – велики, а в полемике кажутся непреодолимыми противоречиями. Однако, страна у нас одна и ради нее мы должны найти общий ответ, ища истину даже в самых неприемлемых, на первых взгляд, положениях оппонентов.

"Самовластие или самодержавие..."

Так назвал В.Борисов целый раздел своей статьи, начав его с отрицательной констатации, казалось бы, привычных вещей.

"Не было слова более ненавистного и отвратительного русской интеллигенции, чем слово "самодержавие". Оно как бы концентрировало в себе всю "грязь", всю "азиатчину", все "свинцовые мерзости" русской жизни. Мера ненависти к нему – слова поэта "с жесткой радостью" видевшего в грядущем гибель "самовластного злодея" и "смерть" его "детей", буквально сбывшиеся в 1918 г."

И дальше следует концепция самодержавия как изначального народного идеала власти:

"Стойкий народный монархизм... Но лишь считанные единицы из числа этих просвещенных людей понимали, что за этим "монархизмом", за этой "пустой мечтательностью о "божьей земле" /В.И. Ленин/ стоит не "темнота" и не "апатия", не "забитость", не "политическая недоразвитость", а древняя духовная культура, и что их столкновение с нею... очередной акт трагедии русской культуры, трагедии русской истории..."

Вера в царя – естественный и необходимый "образ мира"... в сознании русского крестьянина... Этот царь народного сознания так же мало походит на гипотетического "восточного деспота", как и на сравнимого революционерами петербургского императора".

Отец П.Флоренский: "Самодержавие царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит

в область веры, а не выводится из внерелигиозных посылок, имеющих в виду общественную или государственную пользу". "Это - московское наследство" - говорит Г.Померанц, и здесь он прав.

В религиозной культуре Московской Руси, "самодержавие" далеко не равнозначно /вернее, противоположно/ безграничному деспотизму, с которым оно прочно ассоциируется в современном обмирщенном и политизированном словаре...". Отец С.Булгаков /которого авторы сб. "Самосознание" необдуманно зачислили в свои идейные предшественники/ писал: "... С утратой религиозной веры идея царской власти с особым пониманием помазанника Божия для меня испарилась, и хуже того, получила отвратительный невыносимый привкус казенщины, лицемерия, раболепства..." Позднее, когда произошло его религиозное обращение, ему стала внятной "идея власти Божьей милости", изменившего его отношение к русскому прошлому. "При свете этой идеи по-новому загорелись и засверкали, как самоцветы, черты русской истории. Там, где я раньше видел пустоту, ложь, азиатчину, загорелась божественная идея власти Божьей милостью, а не народным произволением..." "Это, - писал о.Сергий, - бред, которого не поймет и не простит интеллигенция, но это было стихийное чувство русского народа, на котором строилась русская государственность..." "Эта идея замирает в мире, может быть, совсем замрет, но мало ли высоких идей умерло?".

Легко истолковать эти слова только как пережиток старинных "царистских иллюзий общинного крестьянства" и отбросить их в сторону, как несоответствие "прогрессивной демократической модели". Но таким путем мы разорвали бы естественно развивающееся общественное самосознание /а ведь этот текст В.Борисова - тоже, несомненно, отражает часть общественного самосознания/.

После революции 1917 года царистские идеалы народа не исчезли, а реально жили - то в ходаках к Ленину, то в культе личности Сталина и иных вождей. Почвенникам свойственно утверждать, что в 1917 году наступил полный разрыв в традициях правления, а царистские идеалы ушли глубоко внутрь народной души. Нам, либералам,

свойственно иное понимание – но и в том, и в ином случаях не отрицается реальное существование в народе царистских /вождистских/ идеалов, как не отрицаются возможные перспективы их усиления в будущем. Однако, если у некоторых почвенников существует желание возврата к православному, т.е. традиционному самодержавию, что, повидимому, невозможно без очередного резкого общественного разлома, то либеральные стремления сводятся к мирной эволюции нынешних вождистских идеалов, нынешней формы самодержавия в направлении свободного демократического общества /т.е. развития вечевых начал/. Возврат к православному самодержавию, т.е. очередное изменение формы самодержавия кажется либералам неоправданным. Однако приходится учитывать, что история далеко не всегда идет по нашим желаниям, а если и идет, то не всегда кратчайшим путем. Вспомните: французский абсолютизм 18-го века превратился – таки в современную демократическую республику, однако, через какую синусоиду: великая революция – бонапартизм – снова монархия – июльская революция – конституционная монархия – новая революция – новый бонапартизм – парижская Коммуна – попытки монархической реставрации – и, наконец, республика – но неустойчивая – 3-я, 4-ая, 5-ая – вплоть до сегодняшней, с сильным президентом. Очень возможно, что русская история будет больше походить на французскую разнузданную синусоиду, чем на английскую или скандинавскую плавность. И тогда возвращение православной монархии – в качестве такого "отрицания отрицания" – очень вероятно. Рост авторитета православного почвенничества в современном диссидентстве подтверждает реальность такой перспективы. Поэтому либералы должны выработать отношение и к ней.

А отношение это, повидимому, должно быть традиционно либеральным: лояльная оппозиция к самодержавию любого вида и работа в сторону его эволюции к конституционализму и законности. В течение достаточно длительного периода развития у власти в России будут или коммунисты или православные националисты. Но кто бы ни находился наверху, лояльная оппозиционность либералов и их направленность на защиту прав останется не-

изменной. Конечно, сам факт смены господствующей идеологии, революционного разлома и связанных с ним потрясений является нежелательным, поэтому либералы всегда лояльны прежде всего к существующей власти, так же как и критичны прежде всего к ней. Как известно, до 1917 года у главной либеральной партии – кадетов /или "партии народной свободы"/ в программе было достижение конституционной монархии, а сегодняшние либералы говорят о "социалистической демократии" /или "социализме с человеческим лицом"/. И в этом нет беспринципности, а, напротив, глубокая и неизменная либеральная традиция лояльности и равнодушия к формам самодержавия, упорной работы по мирному развитию правовых и демократических начал в реально существующем обществе, внимания и поддержки демократических тенденций у защитников самодержавных форм коммунистов и православных почвенников.

Так, возвращаясь к положительной оценке В.Борисовым исторического православного самодержавия, непродуктивно просто ее отвергнуть. Гораздо важнее выслушать его детальную аргументацию. С одной стороны, он различает в историческом самодержавии самовластцев Ивана Грозного, Петра I и других, а с другой стороны, в "истинном самодержавии" подчеркивает такие черты, которые сближают его с конституционной монархией:

"Первый и основной тезис царской власти в древнерусском сознании – служение, служение не во имя свое, и не во имя "народа", но во имя Божие. Царь – "слуга Божий" и только потому он мыслится как воплощенное присутствие в мире принципа абсолютной, "Божьей" справедливости...

Царь – не собственник власти, ибо власть над христианами не может принадлежать земному человеку..., он лишь временный держатель ее... Слуга не смеет ослушаться своего Господина, не смеет нарушить его волю, основной признак которой – "правда и милость", и если царь "сердцем немилость покажет к человеку... скоро и страшно прииде – на того испыташа и ярость Господня"

/Замечание: но ведь это – традиционная китайская концепция, где император – сын Неба и лишь выполняет

его волю, а ослушника ждет наказание Неба - в виде бедствия, войны или народной революции.../

"Царское служение сопряжено с огромной ответственностью и душевной опасностью" - этой мыслью проникнуты многие древнерусские поучения... "Если сатана извертит волю царя, то это - "подменный царь, Антихрист".

"Это представление о норме самодержавной власти, истолковываемое и распространяемое Церковью, ...и в сочетании с традициями обычного права /"старинной"/, имевшего силу не меньшую, чем письменное законодательство, обеспечивало не формальное, но весьма ощутимое присутствие того, что современный социолог назвал бы "механизмом социального контроля".

"Князь Курбский - защитник народных представлений об истинном царе - "любящем мудрых советников". Курбский - представитель "земского самосознания". "Царь должен искать доброго и полезного совета не только у советников, но и у всенародных человек, понеже дар духа дается не по богатству внешнему и по силе царства, а по правоте душевной".

Это - идея Земского собора, сыгравшего впоследствии огромную роль в ликвидации последствий смуты и затем в течении десяти лет - фактически управлявшего государством..."

"Тяжелейший государственный кризис, потрясший страну в результате тиранического правления Грозного, своей оборотной стороной имел повсеместное укрепление вечевого начала и земского самосознания. Развитие этого процесса привело к созданию народных ополчений, к освобождению страны и возрождению деятельности Земских соборов, но уже на несколько иных основаниях. Если раньше Земской собор созывался правительством, то теперь он стал временным органом, возглавлявшим правительство. Этот собор восстановил самодержавие, избрав на царство Михаила Романова; но еще долго сохранял свое правительственное значение..."

... В XVII веке были случаи и формального ограничения царской власти, не переставшей от того быть самодержавной /цари Василий Шуйский и Михаил были в воле бояр, а Алексей был тихим.../. ...Договор - проект

Мих.Салтыкова от 4.2.1610 г. также определял значение Земского собора, как "согласного обычая Московского государства".

Таким образом, начав с утверждения в качестве народного идеала – самодержавной власти, подчиненной не народу, а только Богу, Борисов в реальном историческом анализе высказывает несогласие с реальным самовластьем, признает необходимость совещательных органов при царе, даже устраненности царя от реальной распорядительной власти, а затем и вообще одобрительно отзываясь об ограничении царской власти – законом и избираемым народом Земским собором, т.е. о превращении ее в конституционную монархию. Но в этом В.Борисов сходится и с Яновым и с Померанцем:

"После Грозного и сына его Федора, – пишет Г.Померанец, – начинает брезжить истина, что христианский царь на русском престоле возможен только как юродивый, предоставивший правление другим; а самодержец, действительно взявший и пустивший в ход моисеев жезл, неудержимо превращается в дьявола" /"Сны земли"/. – Что касается последнего утверждения, то эта истина не "начала брезжить", а была отчетливо сформулирована еще в XV веке, как мы видели выше, но и слова о "юродивом на престоле" более чем приблизительно отражают эволюцию общественных представлений о характере самодержавной власти".

В.Борисов ухитрился поставить Г.Померанцу в вину даже то, что он относительно верно изложил мысль людей 16-го века. И в то же время, в главном либералы оказываются единомысленны с православными почвенниками! Если учесть, что предполагаемое православное преобразование коммунистической России почвенники полагают проводить спокойным /"мирным"/, естественным путем, то остается лишь удивляться, кому нужна публичная жестокость. Может быть, отчасти – это издержки миссионерского пыла почвенников, обращающих бывших коммунистов в новоправославных. Понятно, что либералы в принципе равнодушны к смене одной религии другой /как и к смене мусульманства буддизмом, и наоборот/, им важно только обеспечение свободы исповедования и религиозной

пропаганды. Но лишь сама жизнь должна показать почвенникам, что либералы и демократические социалисты — не враги им, а ближайшие союзники и коллеги по жизни в будущей России.

"Право или вера?"

Эта тема подробнее всего освещена в Гарвардской речи А.И.Солженицына, напечатанной в "Вестнике-125" в качестве естественного приложения к самиздатскому почвенническому сборнику. Правда, эта речь обращена к западным слушателям и обсуждает их проблемы, но косвенно она осуждает и наших либералов.

"Всю жизнь проведя под коммунизмом, я скажу: ужасно то общество, в котором вовсе нет беспристрастных юридических весов. Но общество, в котором нет других весов, кроме юридических, тоже мало достойно человека /аплодисменты/. Общество, ставшее на почву закона, но не выше — слабо использует высоту человеческих возможностей. Право слишком холодно и формально, чтобы влиять на общество благотворительно. Когда вся жизнь пронизана отношениями юридическими — создается атмосфера душевной посредственности, омертвляются лучшие взгляды человека".

Дальше эта критика конкретизируется:

"И государственный деятель, который хочет для своей страны провести крупное созидательное дело, вынужден двигаться осмотрительно, даже робкими шагами. Он все время облеплен тысячами поспешливых /и безответственных/ критиков, его все время одергивает пресса и парламент. Ему нужно доказывать высокую безупречность и оправданность каждого шага. По сути человек выдающийся, великий, с необычными, неожиданными мерами, проявиться вообще не может — ему в самом начале подставят десять подножек. Так под видом демократических ограничений торжествует посредственность.

Подорыв административной власти повсюду доступен и свободен, и вся власть западных стран резко ослабла. Защита прав личности доведена до той крайности, что уже становится беззащитным само общество от иных личностей /аплодисменты/, и на Западе приспела пора от-

ставивать уже не столько права людей, сколько их обязанности /аплодисменты/..."

Однако, декларируя умаление защиты прав человека на Западе, А.И.Солженицын тем самым говорит и для советских диссидентов: борьба за права человека обязана иметь пределы. И, судя по словам А.И.Солженицына, эти пределы определяются ничем иным, как эффективностью работы государственных деятелей, административной машины! Странный вывод сделан автором "Архипелаг Гулаг", но столь же удивительны выводы о свободе печати и права на получение информации:

"Пресса имеет возможность и стимулировать общественное мнение и воспитывать его извращенно... под лозунгом: "Все имеют право все знать" /аплодисменты/. Ложный лозунг ложного века: много выше утерянное право людей не знать, не забивать своей божественной души - сплетнями, суесловием, праздною чепухой/аплодисменты/. Люди истинного труда и содержательной жизни совсем не нуждаются в этом избыточном, отягачающем потоке информации... Если на коммунистическом Востоке журналист откровенно назначается государственным чиновником, то кто выбирал западных журналистов в их сосостояние власти? На какой срок и с какими полномочиями?"

Конечно, эта критика относится целиком к Западу. Для нашей страны А.И.Солженицын считает актуальной борьбу за права человека. И все же:

"Да, невозможно обществу оставаться в такой бездне беззакония как у нас, но и ничтожно ему оставаться на такой бездушевной юридической гладкости, как у вас. Даже человек, исстрадавшийся под десятилетиями насилия, тянется к чему-то более высокому, более теплomu, более чистому, чем может предложить нам сегодняшнее западное массовое существование..."

Я думаю, что при сознании такой сугубо относительной ценности прав, борьба за них станет в будущем затруднительной /не дай Бог, и правозащитная деятельность диссидентов приведет к созданию правового, т.е. западного по типу, общества, что, с точки зрения А.И.Солженицына, отнюдь не является приемлемым выходом, а едва ли не худшим злом по сравнению с сегод-

няшной надеждой.../.

Такие же настроения свойственны и некоторым "здесьним" почвенникам. Уже упоминалось, что Дубровский согласен с правозащитной деятельностью, но протестует против попыток возвести ее в ранг теории, т.е. глубоких убеждений. Михайлов упрекает Янова в чисто правовом формализованном подходе /"плод разумного эгоизма и рассудочной филантропии"/. Обрисовывая взгляды либеральных правозащитников, как "гуманистические", Михайлов предсказывает беды от их распространения:

"Навязанная народу гуманистическая утопия не исказила, как видно, его сокровенной души, но не дает ей выхода и правильного развития. И люди, берущие ответственность за судьбы страны и вновь предлагающие ей следовать по пути усовершенствованного гуманизма, должны понимать, куда они нас зовут и учитывать невидимые, но неустрашимые и конструктивные основы народной жизни..."

Вместо правозащитной деятельности, потерявшей свой ореол и несомненную ценность, в будущем все больше будет выступать задача миссионерства, обращения в православие заблудших "гуманитаристов". Согласиться с таким "креном", с таким "осуждением Запада" – невозможно, хотя и можно понять его неминучесть для православных почвенников. Остается только сожалеть...

Солженицын говорит: "Если меня спросят: хочу ли я предложить своей стране в качестве образца сегодняшнего Запад, как он есть, я должен откровенно ответить: Нет, ваше общество я не мог бы рекомендовать как идеал для преобразования нашего. Для того богатого душевного развития, которое выстрадано нашей страной в этом веке – западная система в ее нынешнем духовно-истощенном виде не предстает заманчивой. Даже перечисленные особенности вашей жизни приводят в крайнее огорчение.

Несомненный факт: расслабление человеческих характеров на Западе и укрепление их на Востоке. За 6 десятилетий народ, за 3 десятилетия – народы Восточной Европы прошли душевную школу, намного опережающую западный опыт...

Смертно давящая жизнь выработала характеры более сильные, более глубокие и интересные, чем благополучие регламентированной жизни Запада. Поэтому для нашего общества обращение в ваше означало бы в чем повышение, а в чем понижение — и в очень дорогом.

Запад, наконец, отстоял права человека и даже с избытком — но совсем поблекло сознание ответственности человека перед Богом и обществом. В самые последние десятилетия этот юридический эгоизм западного мироощущения окончательно достигнут — и мир оказался в жестком духовном кризисе и политическом тупике. И все технические достижения прославленного Прогресса, вместе и с Космосом, не искупили той моральной нищеты, в которую впал XX век, и которую нельзя было предположить, глядя даже из XIX-го".

Выходит, что обеспеченность прав человека /"юридическая, регламентированная, обеспеченная жизнь"/ и душевные качества людей, их вера — чуть ли не противоположны друг другу. Может, находясь на Западе, в тоске по Родине и неизбежной идеализации ее некоторых черт, в такое противопоставление можно и поверить, но находящиеся в стране убеждаются на каждом шагу и в огромном распространении безверия, и в расшатанности моральных понятий, и в пьянстве, и в невысокой культуре и т.д. и т.п. — гордиться перед Западом просто нечем. И потом — ведь именно в западных правовых государствах религиозных верующих гораздо больше, чем у нас, ведь именно западная культура пользуется широким признанием в нашем обществе, ведь именно западное общественное мнение раз за разом бескорыстно и неутомимо возвышает свой голос против ущемления прав человека во всем мире. Правовой образ жизни и законопослушность большинства западных людей совсем не означает ни их духовного оскудения, ни потери веры, ни роста пороков и преступности /как можно сравнивать показатели пороков на Западе и у нас при отсутствии достоверных данных?/...

Другое дело, что А.И.Солженицыну и иным почвенникам может многое не нравиться в правовом обществе — например, разнообразие вероисповеданий и отсутствие

абсолютного авторитета единой национальной церкви; инерционность общественного управления, когда руководители, прежде чем принимать какие-то важные для общества решения, вынуждены длительное время убеждать в его в правильности этих мер: рационализм и индивидуализм западных людей, их привычка к повседневному расчету и самостоятельности... Конечно, многое на Западе для нас непривычно и чуждо. Но так ли уж оно плохо? И не связаны ли неразделимо эти "минусы" с "плюсами", как и показывают многие либералы? - А потом, не следует и преувеличивать отличия правового образа жизни от привычного нам. Конечно, в первом случае сфера разума и расчета при оценке поступков людей несколько теснит сферу чувства и интуиции, но лишь теснит, а не уничтожает. "Теплое чувство" свойственно и гражданам правовых государств. И сейчас, и в будущем, ограничивая чувство, разум только отшлифовывает и углубляет его.

Гуманизм или православие?

Упрек в гуманистическом утопизме присутствует в очень многих статьях "Вестника-125":

Солженицын: *"Остается искать ошибку в самом корне, в основе мышления Нового Времени. Я имею в виду то господствующее на Западе мировоззрение, которое родилось в Возрождении, а в политические формы отлилось с эпохи Просвещения..."*

Сам по себе поворот Возрождения был, очевидно, исторически неизбежен: Средние века исчерпали себя, стали невыносимым деспотическим подавлением физической природы человека в пользу духовной. Но и мы оторнули из Духа в Материю - несоразмерно, непомерно.

Гуманистическое сознание, заявившее себя нашим руководителем, не признало в человеке внутреннего зла, не признало за человеком иных задач выше земного счастья и положило в основу современной западной цивилизации опасный уклон преклонения перед человеком и его материальными потребностями... как если бы человек не имел более высокого смысла жизни... Сама по себе обнаженная свобода никак не решает всех проблем челове-

ского существования, а во множестве ставит новые".

"... В основе гуманизма и всякого социализма можно разглядеть общие камни: бескрайний материализм, свободу от религии и религиозной ответственности /при коммунизме доводимую до антирелигиозной диктатуры/, сосредоточенность на социальных построениях и наукообразность в этом /просвещение XVIII в. и марксизм/... Не случайно все словесные клятвы коммунизма – вокруг человека с большой буквы и его земного счастья. Как будто уродливое сопоставление – общие черты в мирознании и строе жизни нынешнего Запада и нынешнего Востока! – но такова логика развития материализма..."

"Причем... сильнее, привлекательнее и победоноснее оказывается то течение материализма, которое левей, и значит, последовательнее /аплодисменты/. И гуманизм, вполне утерявший христианское наследие, не способен выстоять в этом соревновании... Либерализм неизбежно теснится радикализмом, тот был вынужден уступить социализму, а социализм не устоял против коммунизма... Катастрофа гуманистического автономного безрелигиозного сознания... Мерию всех вещей на Земле оно поставило человека – несовершенного человека, никогда не свободного от корыстолюбия, самолюбия, зависти, тщеславия и десятков других пороков. И вот ошибки, не оцененные в начале пути, теперь мстят за себя... Слишком много надежд мы отдали социально-экономическим преобразованиям, а оказалось, что у нас отбирают самое драгоценное, что у нас есть: нашу внутреннюю жизнь. На Востоке витает партийный базар, на Западе – коммерческий /аплодисменты/. Вот каков кризис: не то даже страшно, что мир расколот, но что у главных расколотых частей его – сходная болезнь. Если бы, как декларирует гуманизм, человек был рожден только от счастья – он не был бы рожден для смерти. Но оттого, что он телесно обречен смерти, его земная задача, очевидно, духовней: не захлеб повседневность, не наилучшие способы добывания благ, а потом веселое проживание их, но несение постоянного и трудного долга, так что весь жизненный путь становится опытом главным образом нравственного возвышения: покинуть жизнь су-

ществом более высоким, чем начал ее".

"Если не к гибели, то мир подошел сейчас к повороту истории, по значению равному повороту от Средних Веков к Возрождению – и потребует от нас духовной вспятой, подъем на новую высоту обзора, на новый уровень жизни, где не будет, как в Средние Века, предана проклятью наша физическая природа, но и тем более не будет, как в Новейшее время, растоптана наша духовная /аплодисменты/.

Этот подъем подобен восхождению на следующую антропологическую ступень. И ни у кого на Земле не осталось другого выхода, как – вверх!" /долгая, заключительная овация/.

Мне кажется, что критика гуманизма как учения, провозгласившего главной целью самого человека и его потребности – во многом справедлива, но очень упрощенна по аргументам. С более глубокими гуманистическими учениями /как например, А.Швейцера, где главной целью является – сама жизнь человечества в мире/ такой критике не справиться. Она просто бьет мимо цели и вдобавок грешит высокопарными преувеличениями: и необходимость для всех религиозного обращения, и неуклонность линейного возвышения к вершинам и даже переход к новому, более высокому, антропологическому типу человека /кстати, логичный вывод из задачи нравственного самосовершенствования как главной цели людей/...

Крепнет моя уверенность в том, что основная причина нападков почвенников на "гуманизм" лежит в нерелигиозности многих современных либералов. Дело не в гуманизме, а именно – в нерелигиозном характере веры многих либералов. Для православных почвенников вера и религия есть одно и то же, и потому многие из них искренне не понимают, что атеизм /или материализм/ – это тоже вид веры, способный вдохновить человека на большие добрые дела.

Дело осложняется тем, что в нашем понимании атеизм часто соединяется с Богоотрицанием, что неверно ни терминологически /атеизм не есть антиатеизм/, ни фактически: настоящий атеист, признающий Бесконечность и неизвестность Мира в целом, никогда не будет утверж-

дать наличие или отсутствие Бога в этой Неизвестности. Он не верит только в существование Бога в известном Море, противоречащее нашему знанию, не верит в возможность через молитву управлять миром и обществом /через Бога, т.е. через Бесконечность/. И еще атеист не верит, что Бога, т.е. Бесконечность можно познать, что о нем можно что-то утверждать и даже называть - то Буддой, то Христом, то Аллахом. Можно сказать, что настоящие атеисты - это самые скромные люди, которые не знают, есть ли Бог, но знают, что знать это в принципе невозможно. Напротив, религиозные люди - самоуверены и убеждены, что знают о Бесконечном многое и что именно они строят свою жизнь в согласии именно с Бесконечным Богом. Страшная гордыня, сколько из-за нее было бед...

Зато атеисты убеждены в реальном существовании человечества и необходимости неустанной работы для обеспечения его существования впредь. Не счастье, не материальные блага отдельному человеку - а именно выживание человечества в Море - вот что стоит основной целью. Связь этой цели и действенной морали именно в атеизме понятнее и крепче всего, и потому это безрелигиозное учение распространяется как на Западе, так и у нас, несмотря на все естественное отвращение к господствующему ныне госатеизму.

И если некоторым атеистам необходимо избавиться от недооценки религиозного мировоззрения любого типа, то и религиозным людям нужно избавляться от смешения примитивного госатеизма и атеизма как глубокой личной веры. Тогда не будет таких недоумений, которые звучат например, в словах И.Р.Шафаревича:

"О неосознанном религиозном смысле музыки Шостаковича... Автор придерживается того рационального и атеистического мировоззрения, в котором воспитана большая часть современного интеллигентного человечества. И оно не дает никакой точки опоры для размышлений о Смерти.. На почве господствующего сейчас мировоззрения все мысли о смерти сразу же натикаются на стену. С этой точки зрения здесь и вопросов нет - есть только констатация факта... Но проблема смерти теряет смысл. Вот еще одна загадка! Как может автор, который, судя по всему, что

мы о нем знаем, стоит на этой точке зрения, сказать о смерти что-то столь несомненно значительное?"

...Проблема смерти рассматривается /христианскими мыслителями/ от апостола Павла - до русского философа Федорова, автора концепции "общего дела" христианского человечества - воскрешения предков...

"Последние несколько веков выделяются из всей истории тем, что это, вероятно, те единственные столетия из насчитывающей много десятков тысячелетий истории человечества, когда религия не является для него основной руководящей силой... Великие географические открытия, стремительное развитие науки и техники, промышленные революции, борьба за всеобщее избирательное право, создание индустриального и сверхиндустриального общества - вся эта деятельность, если не была враждебна религии, то протекала совершенно независимо от нее, как бы в другом пространстве. Но проявляется и прямая вражда религии, она просто отбрасывается без попытки заменить ее чем-то высшим. Как бы ни оценивать роль религии, представляется весьма вероятным, что благодаря этому происходит грандиозное духовное опустошение человечества, которое может привести к его духовной /а тогда, вероятно, и физической/ гибели. Возникает основной вопрос: является ли эта тенденция последних веков лишь временной болезнью человечества, или необратимым процессом?"

Вышеприведенные тексты Шафаревича, как мне кажется, есть примеры естественного непонимания атеизма.

Так, утверждая смертность тела, атеист никогда не будет утверждать смертность души. Правда, под душой он понимает не что-то материальное, отдельное от тела, как это трактуется зачастую в некоторых суевериях /"душа выплетает из тела, наблюдает его со стороны, просачивается через стены, как сгусток некоего поля" и прочие фантазии/, а весь комплекс мыслей, памяти, чувств, интуиции, психических качеств, материализуемого в поступках, словах, письме и другом творчестве. Тело умирает, а душа его, т.е. слова, мысли, память остается в обществе. Даже когда из памяти потомков изглаживается самая память об умершем индивидууме, его

душа - не исчезает, а продолжает жить и функционировать /уже в безличной форме/ в социальном опыте всего человечества - его главном богатстве и средстве выживания. Душа человечества - это совокупность душ всех живших и живущих ныне людей, материализованная в объектах духовной культуры, в языке, традициях и т.д. Душа человечества - реальная основа нашей жизни.

Мы привыкли относиться к вышеприведенным соображениям, как к чему-то само собой разумеющемуся и условному. Но это - истинная правда и глубинная основа атеистической веры в бессмертие души. И в отличие от мнения Шафаревича, у атеистов, конечно, существует обширная база для размышлений о бессмертии своей души после телесной смерти, для подготовки к ней.

А с другой стороны, даже глубокое православие не всегда избавляет от примитивизма в размышлениях о смерти.

Мне хочется надеяться, что атеисты-либералы и православные-почвенники будут прислушиваться больше друг к другу, преодолевая естественное первоотталкивание разных вер и взаимообогащая друг друга.

Пристрастный суд и запальчивая полемика должны уступить место спокойной работе и взаимоуважению. *Ради России.*

М. Гефтер

PRO DOMO SUA
ЗАМЕТКИ О ПЕССИМИЗМЕ, О САМОДОВОЛЬСТВЕ
И ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ ИНАКОМЫСЛИЯ

Кому Бог дает должность,
тому дает он также и ум - так
гласит старая шутивая пословица,
но вряд ли будут серьезно отстаивать ее в наше
время. Г.Гегель

Не клеветайте на себя, не
обрызгивайте себя слюною, не
проклинаяте вашего прошлого.

М.Е.Салтыков-Щедрин

То, что ниже - не резюме и не комментарий "со
стороны". Комментировать, вроде, нечего. Внимательный,
заинтересованный читатель разберется сам, ему и доку-
менты в руки. Но что-то изнутри толкает: еще раз вер-
нуться к происшедшему - вопреки естественному желанию
махнуть рукой и забыть...

Что же?

Неожиданность эпизода? Царапающий своей грубостью,
примитивностью, даже вульгарностью его "внешний" рису-
нок? Вероятно, и то, и другое, и что-то еще, что в
осадке, что возвращает назад - к вчерашнему дню и к це-
лой полосе, пройденной и пережитой нами, к нашим Шес-
тидесятым. Неужто там исток? Неужто не случайный этот
казус Медведева, а нечто, как принято говорить, зако-
номерное и даже неизбежное?

А, может, данный - *наш* случай, в свою очередь, не
больше, чем песчинка по отношению к неизменному, неиз-

*Буквально: "За свой дом" /лат. - Ред./

менно повторяющемуся, поскольку всегда и всюду, где возникает что-то достойное, "лучшее" /сомнением, критикой, идеалом, мужеством/, там ищи и непременно найдешь эмбрионы *перевертышей этого же?!* И ежели такое перевертывание – закон, то и взгляд на случай иной: печалься, сетуй, негодуй, проклинай, но принимай за должное – не так, так эдак, не тот, так другой... И какая эпоха, какое общественное движение избегли этой участи – где, когда, какое?

... Еще вчера диссидентство только нарождалось у нас: не познавшее себя, с неотделившейся пуповиной. Отчасти – движение по инерции, продолжающее взывать к "верхам", прислушиваться к маломалейшим шорохам в коридорах власти – с надеждой на очередной поворот: нельзя ж ему не быть. Отчасти же – нравственный протест в самом широком спектре помыслов и целей/а иногда и без оных/.

Так было вчера. А сегодня? Сегодня – оно – особый, отдельный *неустранимый факт*. Сегодня, оно, признано, правда, в весьма своеобразных формах, но признано – и здесь и "там". Сегодня у него свои, известные Миру, лидеры, средства массовой информации и даже свой "дипкорпус". Сегодня принадлежность к нему – шанс обрести срока особого режима, но вместе с тем и возможность созвать собственную пресс-конференцию, обратившись через многие неповоротливые головы к совсем другим головам. Сегодня... но разве уже и это не новинка, не современное чудо, к которому привыкают с почти такой же быстротой, как к регулярной космонавтике или человеку в пробирке... Итак, сегодня диссидентство уже не просто вызов – и господствующему "сознанию" и господствующей бессознательности, не только обязательство: отстаивать каждого человека, отстаивающего свои права. И не один лишь разрыв с казенщиной /вынужденный и добровольный/, не одна лишь утрата прежнего статуса и места в "обществе"...но еще и возможность приобрести и первое, и второе, и статус, и место, совершенно невероятным по прежним меркам, а ныне не только не исключенным, но даже вполне доступным способом.

Жертва, по меньшей мере – готовность к ней и искус: обменять горечь и страдание, беспокойство и бескорыстную заботу об общественной памяти на многое, что прямо или косвенно котируется, не требуя, по сути, ни мысли, ни страдания. Горечи же все-таки избежать нельзя...ведь там, где игра на повышение, там и неизбежные черные дни, когда акции начинают катиться под гору.

Об этом как-то не принято говорить вслух – и потому говорят, как правило, те, кому за это так или иначе платят. Будучи оплачиваемыми, они и в изобличаемых видят таких же, платных и ждущих оплаты агентов. Оно и понятнее так и заказчикам /разным!/, а потому, полагают те, будет понятнее и читателю /разному!/. Оставим, однако, всех исполнителей и всех заказчиков наедине с собой. Забудем на минуту о существовании "Литгазеты", "Недели" и им подобных отечественных и внеотечественных органов со специфической репутацией и специфическими связями...

Мы между своими. И речь идет *pro domo sua*.

А в этом доме братья Медведевы – не последние. Напротив. Они из первых, и не только по времени. Нет, это уже давно не двое молодых людей, смело и деятельно вступивших на тернистую тропу инакомыслия. Теперь это – без малого учреждение, притом весьма заметное и как будто влиятельное. Оно пишет и свидетельствует. Оно – на страницах прессы, на приемах в посольствах, оно раздает интервью и политические прогнозы. Из него систематически выходят реестры направлений с точным определением – кто, где... включая единственного, который значится "вне направлений" /не вытянул на направление А.Д.Сахаров, что ж поделать?!/

С учреждения же спрос не том, что с неоперившихся новичков. Тут уже мерка иная и старинный вопрос *кому это выгодно?* бывает не лишним и даже непрямым.

Однако, и это еще не се и, быть может, даже не самое главное. Главное все-таки общее и даже всеобщее. То, что затрагивает в равной мере и близких, и не близких. То, что обязывает выйти за черту, отделяющую нравственность – в чистом виде недвусмысленную и даже абсолютную, от "двусмысленного", неоднозначного нечис-

того Мира. Выйти без гарантии, что и тебе не избежать на этом пути опасности из наихудших: потери самого себя, и зная, что опасности этой не уберешься никакими заклинаниями, никакими обетами правдивости и исторической прямоты, ничем кроме тех самых низких истин, которыми продирается человек к цели — Смыслу, и даже если продирается один, то не в одиночку, а рядом с другими, в споре с другими...

Когда познакомишься с тем, что выпустил в свет автор "письма к Р.Б.Лерт", притом в двух /или все-таки в трех?/ вариантах под одной и той же датой, первое чувство все же недоумение:зачем? На защиту своих ли принципов стал Р.А.Медведев или, напротив, избрал сей повод для пересмотра их? Правда, тут же пропадает охота говорить вообще о каких бы то ни было принципах. Мелкость в глаза бьет. Ни малейшего признака полемики. Ни единого шага навстречу сюжетам и проблемам, которые затронул на страницах "Поисков" его добровольный оппонент. Ни логики, ни достоинства, ни просто — чистоплотности. Странная смесь уязвленного самодовольства с декретированием образа поведения остальным:думающим,действующим.

И какова "форма": письмо, адресованное одной по поводу другого с прицелом в далеких третьих, у большинства которых — кляп в устах! И каковы "доводы", каков стиль, каков язык:его, Роя А.Медведева, осмелился, видите ли, критиковать некто, пытающийся так "хотя бы в собственных глазах оправдать свою творческую неполноценность", "как-то заглушить свой комплекс неполноценности". Ну, стоит ли это такое опровергать?! Ну, надо ли ссылаться на то, что "осмелившийся" — не новичок в письменном деле и, хотя не издал "вместе с братом" 20 книг, мог бы также предъявить библиографию собственных работ и рукописей?/А, может, на всякий случай ему следует срочно обзавестись справкой об отсутствии комплексов : не дай Бог, где-нибудь и впрямь сочтут реплику Р.А.Медведева за компетентное свидетельство?!/

Легко представить, что было бы, если бы критиком выступил совсем начинающий,вовсе неизвестный; тогда... какие громы услышали бы мы со сплоченного семейного

Олимпа! Но, пожалуй, тогда и громов-то никаких не было б, скорее - снисходительно-равнодушное молчание; даже в пресловутую папку, куда Р.А.Медведев аккуратно складывает "открытые письма", адресованные ему с братом или каждому порознь, такой критический голос из глубин России вряд ли попал бы. В папке все-таки место известным и знаменитым, имена коих рассерженный автор не забыл перечислить...

Нехорошо все это. Нехорошо - и дурно вяжется со стократно заявленной приверженностью Р.А.Медведева к демократии, свободе убеждений, к терпимости, плюрализму и прочим прекрасным вещам, которые, конечно же, не заведешь и не узаконишь - сепаратно - в собственной квартире. Но если им нет места в индивидуально-гражданском обиходе, то появиться ли им в общем, в общественном бытии и быту?!

Здесь уместно задержаться, хотя, как будто, и не сами по себе эти сановные повадки /к тому же не единственные в своем роде/, не сама по себе эта наивная и бесстыжая демонстрация рукодельных эполет больше всего отвращает от писем Р.А.Медведева, хотя даже невооруженному глазу видно, что квазиполемика для него не больше, чем повод, чем оперативная возможность *самоопределиваться*. И, вроде, и нам бы следовало ограничить свой "предмет" теми непосредственными причинами, которые и побудили автора с такой торопливостью, с такой неразборчивостью в приемах объявить далеким третьим: я не с вами, я совсем другой!..

Так-то оно так, но все же не вполне так.

У наиболее внезапных человеческих поступков есть своя предыстория, скрытая не только от постороннего взгляда, но чаще всего и от самого человека, этим поступком вдруг отрезающего себя от собственного прошлого. Навсегда ли - это уже следующий, так сказать, вторичный вопрос. Первый и основной: *откуда?* Откуда внезапность и откуда влечение, больше: страсть - обрубить канат, бросив его под конец в лицо своему прошлому? И даже не это влечение, не эта страсть как таковая, а та ее особая разновидность, которая тщательно прячется, укрывается от себя самой. *Эта разновидность - откуда?*

Первое, что приходит на ум — обыкновенное человеческое: слабость. Испугался человек, захотел отстать от дела, к которому приковался и не какими-то формальными узами, а изначальным движением ума и сердца, лучшими страницами жизни — от такого уйдешь ли в открытую? А слабость умело /и тем умелей, чем бессознательней, вернее — недосознательно, опасаясь дойти до края/ драпирует себя то разочарованием, то ожесточением, вытесняя "предмет" изнутри вовне.

Глядишь: уже, будто, и не слабость это, а, наоборот, сила, источающая направо и налево уверенность в себе, а вместе с тем обретающая и стимул, позыв — усилить напор отвержением былого, влачащегося по следам... или отвержением иных — тех, кто ищет как сохранить, как продолжить себя обновлением... или, наконец, к тому обретающая позыв, чтобы, изловчившись, совместить одно отвержение с другим, представив себя единственно верным — и себе прежнему, и себе нынешнему, а других, соответственно, неверными, запутавшимися и путающими остальных.

И снова соблазн — отнести сии превращения на счет имярек. Оно и справедливей, и по существу правильно. Однако, удержимся и тут от соблазна избирательности — и не ради прежних заслуг, вспоминать которые здесь, вроде, и ни к чему, и даже не из понятного соображения: легко вычеркнуть человека из списков да и из памяти не трудно, но так ли легко заполнить опустевшее место... так даже не по этой причине воздержимся, хотя почему бы и не поиметь ее в виду?!

Все же есть нечто, что перекрывает и первое, и второе. Это нечто — вчерашний и сегодняшний день движения, с которым наше *завтра* связано по еще неведомым правилам возможного и невозможного, допустимого и запрещенного. Кто тот, кому они наперед и наперечет известны? Кто знает все "сезамы", относятся ли они к тяжкому праву — *ухода* /для нашего ли лексикона — "ре-негат", "отступник" — слова, на которых запеклась кровь?.. / и к еще более сложному, еще более тяжкому праву и долгу — *критики собственного движения*, к этой болезненнейшей из публичных и частных процедур, болез-

ненной даже тогда, когда принят уговор - "будем взаимно вежливы" /обычно же и тогда достаточно грязь, притом со всех, с любых сторон/.

И только задним числом "очевидно": кто был прав, кто виноват. Да и очевидно ли...

Так было - так будет? И нет спасения?? Спасения, может, и нет, спасения раз и навсегда. Выход же все-таки есть, каждый раз вновь, похожий на предыдущие и совсем другой, обманчивый и действительный вместе. *Нам - в чем?* В перебеленных прописях? В заново выученных наизусть заповедях? В повышенной беспощадности к взаимным промахам или, наоборот, в повышенной терпимости к ним же?

Открытый вопрос. Открытый - и зовущий к открытости. В открытости ищущий выход. В открытости мыслей и слов, обращенных к другим и к себе, раньше всего к себе, прежде всего к себе. В прошлом сказали бы - интеллигентские мерлехлюндии, гамлетизм, Достоевщина, чеховщина... Сейчас - кто же отважится с порога отвергнуть это, все вроде за *диалог*, но, если не показуха он, не игра в поддавки, то как осуществить, чтобы вошел в быт, *стал жизнью*?.. Тут поперек уже не запреты, тут - отторжение. Тут не одна идеология на дыбы, но характеристология, нравы, манеры, стиль - общие самым разным и даже полярным.

Не оттого ли, кстати, такой напряженный интерес ныне к *личному* - к мотивам, к побуждениям, не потому ли и жизнеописания нарасхват, и хоть сплошь и рядом это по-прежнему не больше чем ходули, с которых исторические персонажи вещают и распоряжаются, в все-таки и тут - нет, нет, а прорвется что-то подлинное, какой-то отзвук из самых глубин человеческой нормальности, а по ней - и жажда - по человеческой нормальности, не погибающей /верится, тщится/ даже среди ужасного и ненормального... Эту жажду испытывают сегодня и отцы, и дети, но, разумеется, прежде всего дети, в том числе вчерашние дети, незаметно для себя ставшие отцами. Им, этим вчерашним детям, как раз выпал нынешний "злой жребий" - на ходу чинить, латать прорвавшуюся связь вре-

мен - и одолевает сомнение: сделать ли это *им*, сделать ли неузнавшим все, что до.., неполучившим, недополучившим в наследство весь без изъятия опыт делаемой и переделываемой человеком истории, включая то, *чего делать нельзя, если даже можно?!*

Это последнее подобно /у нас?/ книге за семью печатями либо, скорее, древнему пергаменту, первозданный текст которого выскребен либо тщательно вымыт, а поверх - будто новые письма. И если даже страстной и даже вовсе праведной рукой пишутся, то выскребанное все равно мстит за себя, мстит мнимостью единственной правды. И даже если противостоящее - ложь, этой тоже от лжи не уйти - лжи авторитарного судилища, которое допускает слушателей, но исключает несогласных оппонентов надолго, не исключено, что навсегда... Может, тогда лучше подчистки, добродушные, аккуратные, бесстрастные, незлобивые подтирки, поправки, уточнения, разъяснения - и та смесь прокурорства с адвокатурой, что вполне в наших противоестественных нравах, а нынче даже в моде, - и опять-таки, и много больше, чем страсть выскребывания, чем ненависть голого устранения, не мыслит себя без благодарной... и молчаливой, наперед согласной, снизу вверх с умилинием и благодарностью глядящей аудитории?! Так что же лучше или, верней, хуже? Вроде бы риторический вопрос, но вот ответ не дается. Нет золотой середины, а на ее месте призрак, кошмар исключенного третьего.

Там, где узаконена драма /приходите, вкушайте, аплодируйте в подготовленных искусной режиссурой местах.../, там уместна и комедия, разрядка смехом - над другими да и в меру над собой. Но чем заместить солидарно изгоняемую, измельчаемую, отчуждаемую вовне трагедию? Неизбывную - свою??

"Метафизика" - и злоба дня. Везде и всюду, особенно же там, где личность в ущербе, в загоне - и где ощущение этого и боль от этого тем более острые, чем глубже сознается: от той, что в ущербе - и общий, всеобщий ущерб. От той, что в загоне - отсчет, движение к будущему и к прошлому, единственное, что может быть, выведет из тупика, из ступора, из безвременья.

Личность - самоценная /все к ней, все в ней.../ и она же: "только" условие, *условие всех прочих условий* /не больше этого, но и не меньше.../ - соединимы ли, соединимы ли такие *в дело, делом?!*

Не новые вопросы, но вновь пришедшие к нам. Сдается, что ныне нет новее, как нет и неподатливей их, и неподатливость эта не одной только очевидной стороны, что давит, стесняет, преследует, не только с этой, но и с другой, противоположной, давимой, теснимой...

Всесветная проблема: извне к нам и от нас вовне. И последнее все чаще и все сильнее. Ничего не попишешь. Слишком многое в Мире от нас зависит. От нас - и как не противоборствуем, как не раскалываемся, в глаза и особенно за глаза понося друг друга, для Мира мы одно. *Не-единое одно.* Ответственное за себя и за всех остальных... Тоже, вроде, пропись, также что-то азбучное, однако, худо запоминается, еще хуже преломляется, а преломившись, нередко приобретает странные очертания: чем больше выпирает "личное", тем меньше места личности. А кого винить? Людей или обстоятельства? Людей, которые обстоятельства, или обстоятельства, что в людях - и поперек их?

Больнее больного: эмиграция. Наша, особенная - *эмиграция навсегда*. "Мы" здесь и "они" там, что это: расчлененное единое или разрыв, начало разрыва "навсегда"? Снова закрытый открытый вопрос. Нелепо, дико предписывать: не трогайтесь с места. Но также нелепо и не менее сомнительно в нравственном отношении - отлучать колеблющихся, исключать из диалога *добровольных отказников*. А ведь не единственный это "сюжет" из тех, что разводят в стороны, разлучают, ожесточают, обезчеловечивают. Не единственный из тех, кто одним концом имеют личность, а другим - Мир, заостряя и обновляя тревогу, старую - новую: если дома, у себя *не можем, не в силах стать сообща личностями, то в силах ли сообща отвечать за дом - Мир?*

Легко спрашивать это, рефлексирруя, резонируя, но как прийти к ответу, бездействуя? Умозрение сродни личности, но само по себе не делает личностью. А действие? И действие тоже, само по себе - тоже. В доказа-

тельство - вся история. И наш собственный опыт, баланс наших Шестидесятых, в коем самое важное, самое ценное и самое безусловное - *поступок*, и самое недостаточное, самое хрупкое, самое спорное тоже *поступок*.

Да и как иначе - у нас, награжденных таким наследством, какого, пожалуй, нет в нынешнем Море ни у кого, нигде; хотя не из наидревнейших оно, но, кажется, содержит все, что только можно выдержать, испытать, проверить собою, - все из известного людям... и ничего из того, откуда бы можно дальше, вперед, чем можно бы жить, *быть* - сегодня, завтра... Да и как иначе в нашем особом *социуме власти*, в котором всеобща и отставленность от власти /в главном, коренном, отчего зависит сегодняшняя, и еще больше завтрашняя жизнь/, но всеобща и причастность к власти, поскольку в каждом жизненном акте - она, и еще поскольку причастность эта не только кормит, но возвышает, открывая "возможности" не одной лишь номенклатуре должностей, но и номенклатуре "духовной", "личной", "творческой".

Определишь ли и здесь - где кончается дискриминация и где начинается привилегия?! Зыбко, зыбко и, как будто, нет ничего посередине. Либо одно, либо другое, либо такая смесь того и другого, что запутывает пуще всего.

Примеры теснят друг друга и иной раз сдаются: все, что ни возьми, пример! Попроще либо поузорчатей. Раскрываем, к примеру, десятую книжку "Нового мира" за текущий год. Проза, поэзия, публицистика - все на месте - и в своем месте круглый стол. Темой же не какое-нибудь там семейное воспитание или даже экология. Горячей, горячей. "Права человека: суть спора, суть проблемы". И состав отыскивающих эту суть как на подбор - мужи науки и служители муз, и каждый не просто философ, поэт, юрист, публицист, нет, даже перед малюсенькой репликой обозначено звание, степень, должность, чтобы ясно было - не из случайных... Читаем, торопимся узреть - и проблему, и спор. То есть - разумеется, не станем на себя напраслину возводить, прибегая к заезженным фельетонным приемам, - конечно же, не ожидаем ни

подлинного спора, ни действительного интереса к действительной проблеме. Но все же любопытствуем: удалась ли видимость, а вдруг кто-то под сурдинку и намекнул на подлинное, вышел хотя бы на обочину его или просто-напросто постарался порядочность соблюсти... "Я думаю, что наша беседа с точки зрения техники ее ведения будет носить характер свободного обмена мнениями". Это - Сергей Наровчатов, поэт и главный редактор "Нового мира" /мы умеем хранить традицию - был же во время оно главным редактором здесь *т о ж е* поэт/. Итак, с точки зрения техники - свободный обмен!! Умней не скажешь. И, конечно, не обмолвка, ибо выше подчеркнута цель: *"показать те явления в нашей жизни, которые утверждают подлинный демократизм и гуманизм советского общественного и государственного строя..."*^х Показать подлинный - это прекрасно, лучше быть не может, но к чему тогда круглый стол и зачем тогда спор и "суть проблемы"?

Наивный вопрос. Наперед ясно - для кого это проблема и с кем спор. Но чтобы не оставалось малейших сомнений, тут же, в первых строках, разъясняется - ведущим оратором, также не из случайных: Генрих Боровик, "специальный корреспондент Правления АПН".

"Я не хочу делать какое-то вступление, но как журналист-международник, долго живший в Америке, писавший о ней, я хочу отметить несообразность той нынешней ситуации, что Соединенные Штаты Америки - страна, которая вошла в историю чудовищными преступлениями против прав как отдельных людей, так и прав народов, эта страна сейчас по различным политическим, пропагандистским мотивам пытается встать в позу защитника прав человека в СССР и других социалистических странах и поучать не кого-нибудь, а страну, которая первая в мире совершила социалистическую революцию, впервые проложила путь к социалистическому обществу, в котором наиболее полно выражаются и соблюдаются права отдель-

^х Курсивы посюда наши, винимся, не утерпели...

ной личности и всего общества".

В наш век принято считать: важно не то, что говорят вслух, а о чем умалчивают. Такой уж стыдливый век, каждому приходится озираться по сторонам. Выходит, не каждому. Г.Боровик, к примеру, не озирается. Да и к чему? Ему незачем. И потому побоку всякие ухищрения. В лоб, прямо. У одной страны на счету /весь ее счет!/ преступления - и только чудовищные, у другой же - полный демократический ажур, и, конечно, никаких таких преступлений!

Смеем заметить, однако, что самому товарищу Сталину этот пассаж не вполне понравился бы. Что звучит не бог весть как /которая... который/, он бы, может, и простил усердия проявленного ради, да и за то, что "с точки зрения техники" - лажа, не стал бы чересчур строго взыскивать, но вот за недосмотр с содержанием... Ведь не по-марксистски звучит. Классовый подход явно нарушен. Не о "стране", как не запомнить, надо бы - об эксплуататорских классах ее, о господствующей олигархии и плутократии. И преступления - на их счет, ибо у страны той - как никак две революции были и лучшая из тогдашних буржуазных конституций; ее-то и упомянуть, ею же и стукнуть тех самых, что ей изменили, а, изменивши, естественно, лгут и клеветуют... Усмотрев своевременно этот просчет ведущего, "первый заместитель главного редактора" М.Б.Козьмин напомнил о соответствующих Декларациях, даже процитировал из них, а в критической части подкрепил себя... А.С.Пушкиным. "Не дорого ценю я громкие права, от коих не одна кружится голова..." Если Александр Сергеевич недорого ценил, то нам ли с М.Б.Козьминым - переоценивать, заново кружа ихними словами собственные головы? О Пушкине молчим, за него есть кому заступиться^{*}

^{*} Впрочем, Пушкин тоже ведь - казенная собственность... Хотя, почему бы и не прозвучать за круглым столом голосу поэта? Не сам, скажем, Александр Сергеевич, а он - устами собрата или там праправнука по Парнасу Е.М.Винокурова. Взял бы писатель, заведующий отделом поэзии Нового мира томик с полки и прочел бы, если и не все подряд из Пиндемонти, то, по крайней мере, заключительное, итоговое, стоишь душой - и завет: как жить и о потребной поэту свободе.

А за права, за громкие и негромкие, за те самые, что синонимом "счастью", за них — кто нынче слово замолвит?

Конечно же, Федор Михайлович Бурлацкий. Человек в Москве известный, прогрессистом слывет, к тому ж из самых просвещенных у нас — профессор, доктор философских наук. Читаем:

"Голоссальная пропагандистская машина США и других капиталистических стран показала зубы, свою способность вести психологическую войну. Кампания произвела впечатление на определенные круги общественного мнения в США и в Западной Европе. Причина прежде всего в ее масштабах и ее организованности. Но дело не только в этом. Есть и другая сторона, которая заключается в том, что империалисты ловко пытаются оседлать действительно важную проблему — проблему прав человека, которая остро поставлена XX веком... Интересно, что именно в последние десятилетия она встала как проблема прав личности. А в предыдущие десятилетия — особенно в начале века — она с большой силой стояла как проблема прав народов, масс. Проблема перешла в новую плоскость, ибо это отвечает интересам общественности, настроениям прогрессивных кругов во всем мире, в том числе и коммунистической общественности. Следовательно, нам надо разграничить империалистическую пропагандистскую кампанию и проблему прав человека по существу".

Разумно? Разумно. Чувствуется, что Федор Бурлацкий не вполне согласен с Генрихом Боровиком. И ждем — как несогласие это разовьет, куда повернет. В качестве профессора, само собой, нажимает на проблемы. Не то чтобы с размаху: я, мол, думаю, а — надо изучить, разработать.

"Первая проблема — концепция прав человека". Есть их, оказывается, две: "буржуазно-либеральная", она же — "элитарная", и другая — "демократическая, социалистическая", защищающая "права большинства".

Понимать нужно: буржуазной и демократической быть не может. Если и была такая, то сплыла. С этим, пожалуй, и товарищ Сталин бы согласился — сам не раз высказывался на сей счет, многое памятное на этом стро-

ил, например: "социал-фашизм"...*

Странно, конечно /либо, наоборот, совсем не странно/, что из поля зрения главного теоретика новомирского круглого стола выпала такая деталь, как вторая мировая война, в которой "элитарная концепция" обнаружила некоторые свойства, позволившие - и не только меньшинству, и даже не только большинству, а, прямо скажем, всем людям - выжить и остаться людьми. Среди памятных дат есть особая - 1940-й: год падения и год воскрешения. Не им одним, не им сразу была подведена черта фашизму, но что было бы без этого - рокового года, без одинокого английского противостояния, без первых шагов Сопротивления, без человеческих "единиц", бросивших вызов тысячелетнему рейху? А на счету "элитарной концепции" еще и рузвельтовский "арсенал демократии", и Атлантическая хартия, и первозамысел Объединенных наций... То, что не сплошная, не однородная эта "либеральная" или "правовая", "представительная" или еще иначе как именуемая *демократия*, то, что и ныне, возрожденная, сотрясается изнутри, сама себя вновь и вновь ставя под сомнение, - всеми наблюдаемый факт. Но значит ли это, что накануне конца она и только силой и ловкостью умудряется снова и снова отсрочить назначенные историей сроки?

Что говорить, длительность существования - не ар-

* Писатель, член редколлегии Александр Рекемчук не удержался и заметил философу: Бы, не обозначили четко две формы трактовки этих прав, что свойственно тотальному фашистскому режиму, также имеющему свою историю. Ф.М. Бурлацкий милостиво согласился: да, такая форма существует. Но, не сходя с места, добавил: что касается либерально-буржуазных прав человека - буржуазная концепция, которая делает акцент на свободу мнений и *агитирует за свое мнение*. Очень толковое и профессиональное определение, не правда ли? А чтобы яснее было, как близки указанные формы, оратор разъяснил, что обе они - и либеральная, и фашистская, имеют корни, которые уходят в древний мир. Да здравствует наука!

гумент в пользу. Добавим - в любую. И повторим еще раз за ученым мужем - *проблема*: то, на что не только нет готового ответа, но нет и готовых средств, чтобы ответить. Проблема и для политики, и для "работающего мозга". Проблема, которой жизнь подбрасывает самые прихотливые *pro* и *contra*: Чили и Испания, новая левая и новая правая, низвержение святынь и светский апостолат, диалог Севера-Юга и пароксизмы колониалистского, расистского, миродержавного чванства и зверства вперемежку с пароксизмами совсем иного зверства, истоки которого одними "анти" не прояснишь, не поймешь, как и их неотторжимость от того "Запада", который "Юг", все чаще и все неистовей отвергает, избывает, сокрушает в себе... Такая же не-региональная, такая же всемирная проблема, как и конфликт "реального социализма" с "реальной демократией" - столь затянувшийся и столь острый, что далеко не одних антикоммунистов /действительных, а не измышленных/, не их одних, а совсем из другого теста людей заставляет мучительно размышлять о совместимости и *несовместимости* результатов социальной революции XX века с *суверенностью человека*: выраженной, закреплённой, охраняемой особыми правами и правом вообще. Ибо, если не узаконено оно, если оно не стало и не сможет стать реальностью напрочь, неустранимой и необходимой *каждому из всех*, то, в самом деле, много ли цены самым "громким правам" и что они тогда, врозь и даже вместе, как не вывеска, в лучшем случае - паллиатив, не больше, чем *начало начала*, какое легко запнется и даже обернется вспять, если не найдет своего - непредуказанного продолжения. От прав к праву, но и к ним от него, сегодня - от него, в Море предкатастроф не иначе как от него, хотя и не опробовано это, хотя и не доказано, что так удастся...

Проблема?? Но не для профессора Бурлацкого. /Дабы не упрекнули нас в предвзятости, процитируем из Федора Михайловича: "Надо серьезно разработать вопрос об этих двух концепциях и этих двух опытах, которые сложились в мире - в странах социализма и в странах капитализма" Значит, не так уж очевиден каждый опыт, если еще предстоит "серьезно разработать вопрос"? А не намек ли? Не

подтекст ли? Что-то похожее, вероятно, промелькнуло и в голове самого профессора, через 15 страниц /часик спустя!/ подавшего неожиданную реплику: "Я хочу поддержать формулу, прозвучавшую в выступлениях /.../ *Нашей стране не присуща "проблема прав человека: у нас есть другой вопрос, который ставит наше государство, наша партия* - постоянное развитие личности и все более широкое удовлетворение экономических, социальных и других потребностей, а также - развитие социалистической демократии. Здесь мы имеем огромные преимущества, демонстрируем действительно социалистический подход в осуществлении прав личности - подход, основанный на *постоянном развитии, на динамизме*". Не проблема - только вопрос./.. Будь она *проблемой для него* - мы вряд ли увидели б его за упомянутым "круглым столом". А если увидели, то должны же понять, что не властен он - в одиночку и напролом принятым правилам игры... И должны ценить, что призвал все-таки отделить "проблему" от "пропагандистской кампании империалистов". И обязаны согласиться, что иначе, как отлучивши "элитарную концепцию", не смог бы корректно, "конструктивно" подойти ко второй - и важнейшей - проблеме в проблеме, что на академическом языке именуется соотношением "национального законодательства и международных документов".

Тут уж не горячий, горячей, тут - жарко. У самого кратера. Отдадим и здесь должное Ф.М.Бурлацкому. Не повышает тон, не бранится сразмаху. Выясняет, уточняет, разъясняет. О чем, "к примеру", шла речь в Хельсинках? О безопасности прежде всего. А она нуждается ли в доказательствах того, что сама по себе - цель, какая сейчас как раз превыше всего остального, и если *сама по себе и превыше*, то, разумеется, требует, чтобы остальное не препятствовало и, в свою очередь, оставалось при своем. Железный закон!

Иными словами, эта цель касалась международных отношений. Участники Совещания не ставили перед собой цели, связанные с изменением структуры социальных институтов, правовых норм ни в одной из стран Запада или Востока. Каждому понятно, что если бы участники Совещания ставили перед собой подобную цель, Совещание *никогда не прошло бы к успешному результату*, поскольку в нем приняли участие представители стран с различными, а во многих случаях и противоположными социальными структурами, с различными системами социальных, культурных и политических ценностей.

Опять-таки - дельно, умно... Правда, мелочь одна задевает, царапает глаз. Уж больно категорически разводит наш профессор "ценности": вам, мол, свои, нам - свои. Однако и статут его надо понять: в противном случае все *понятия и категории* перепутаются, и все философские учебники, да и собственные его и его коллег монографии, степени, звания, они тогда тоже, вроде, не вполне к чему. Нет, уж если "структуры" различные и даже противоположные, то и "ценностям" быть такими же. И тогда - порядок. И ежели соблюсти его, то внутри него и место уместным отклонениям, а уж завитушкам, тем, конечно, найдется, и аксиологическим и даже /тише, тише!/ экзистенциалистским и вообще... теологическим. Все допустимо, если вести себя смиренно, о "ценностях" толковать, но "структуры" не затрагивать, и от Хельсинков подальше держаться. От них - дальше всего. Ибо они и философия - какая связь??

А, вот, с непонятливыми, что как раз в эту дверь и ломаются, настаивая по неразумию на общих ценностях, которые, мол, способны и при "различных структурах" обеспечить и укрепить *взаимную* безопасность, ибо /упрямствуют/ без доверия теперь ни шагу, а доверие, как ни крути, без людей тоже не обрести, а люди это права и... С этими неразумными, всю игру портящими - и диалектическую, а аксиологическую, и прочая и прочая - с ними как?

С непонятливыми профессор говорит вежливо, но твердо. Иначе нелзя - кратер...

Можно ли вообще помыслить какую-либо унификацию национального законодательства, и в особенности *реального статуса личности* в условиях современного, глубоко дифференцированного мира? Можно ли представить себе *конвергенцию в этой области* при сохранении коренной противоположности двух систем? Достаточно поставить перед собой этот вопрос, чтобы *неовусмысленно ответить: нет*

Нет! Нет и нет!

Тут уж не рукодельные эпoletы замерцали, тут, скорей, *ПОГОНЫ*... И с точки зрения "техники свободного обмена" вполне подошла бы реплика: занавес!..

Но так просто, на одной этой ноте не кончишь. Ибо, как разъяснил нам выше сам Ф.М.Бурлацкий, проблема прав человека перешла "в новую плоскость" и плос-

кость эта "отвечает интересам общественности, настроениям прогрессивных кругов, в том числе и коммунистической общественности". Тонкая штука. Лучше всего бы, конечно, и этой общественности такое же недвусмысленное *нет* ответить, но не вышло бы в конце концов, как говорят в Одессе, что "с некем жить"?! Одним жить трудно, да и невыгодно. Ведь "новая плоскость" она все же гибкая. И бумеранг, что сам по себе в обратный путь поварачивает, и "моральная сила", которой, как всякой силой, пренебрегать не стоит. Вот как Федор Михайлович эту проблему излагает, например, применительно к Китаю: там, замечает он, в последние десятилетия "политические, социальные, экономические "эксперименты" руководства довели страну до того, что сейчас для китайца иметь горстку риса, тапочки и чтоб не хватало на улице и не вели на заклатие - это уже значит иметь какие-то права".

Понимай так: если есть тапочки и прямо на улице профессоров не хватают, значит все-таки дела неплохи, и при иных соответствующих условиях /своя система и свои ценности, о "рисе" и прочем провианте умолчим/, проблема прав человека вполне созрела... для кавычек, а если уж в кавычках она, то колебания прочь: у нас этой проблемы нет, поскольку быть не может.

Не может - и вся недолга!

Сказанным мы вовсе не хотим выделить как-то Ф.М.Бурлацкого, выставить его каким-то обскурантом, каким-то поборником палки и кнута, выглядящим неприглядно на общем приличном фоне. Упаси боже. И, чтобы не было сомнения, призовем читателя: не пожалей времени, обзри вниманием *весь* круглый стол, не обойдя ни одного из его участников. Если же читатель запротестует, скажет - сыт подобным по горло, то предложим ему как программу минимум тоже профессора и тоже доктора, но только юридических наук - В.А.Зивса.

Читайте Зивса! Читайте Зивса!

Призываем, а думаем: не скажет ли после этого читатель - а ведь не так уж и плох Федор Михайлович. Конечно же, неувязок много, но у кого их нет, а все-таки куда респектабельней... Не торопись, читатель.

Неувязки, разумеется, не лыко, чтоб в строку. Напротив, неувязками-то наш профессор и более всего богат и более всего логичен. Ибо с неукротимой силой влечется ими к своему заключительному слову, в котором...

В котором он — сам, и уже не просто отбывающий служебную повинность казенный профессор. Нет, тут и о мировоззрении задумаешься, и о бактериологии — так сказать, в надличностном разрезе. И совсем понятно станет, что иным ему не быть. Как та проблема, о которой сказано: нашей стране она не присуща, только наоборот: он присущ. Он-то и присущ. Она — нет, он — да.

И опять-таки догадаться можно, что в этом его положении далеко не всякого ближнего возлюбишь. Напротив, как раз и не возлюбишь иного и даже всякого из тех, кто все эти ценности и права /в кавычках, в кавычках, конечно/ норовят сразу — в жизнь, нахрапом, минуя профессорский анализ и "дальнейшую разработку" в местах, для того устроенных и под руководством людей для того и выученных, потому и должностями соответствующими наделенных, а соответственно должности и умом — специальным, по рангу... Те же, что без этого ума, и впрямь безумцы, а если кто-то где-то их на щит подымает, то, конечно, не без своего /тоже рангового/ умысла, тут уж как раз — пропагандистская кампания "империалистов", против которой "все, кроме..."

Ответ ясен. Ответ не нужен. И тем не менее, приведем его изумительным жалобным дуэтом профессора и "специального корреспондента Правления":

"Ф.М.Бурлацкий:

Недавно в беседе со мной советолог из США профессор Хафт сам говорил с возмущением в адрес американской печати: средний американец знает в лучшем случае два-три имени советских политических и государственных деятелей, но он знает не менее десяти-пятнадцати имен "диссидентов". Вот результат буржуазной пропаганды.

Г.А.Боровик:

Я спросил как-то Боба Найзера /бывший корреспондент газеты "Вашингтон пост" в Москве. — Фед./, как часто он дает корреспонденции в американские газеты. Он ответил, что это зависит от Сахарова".

Вначале показалось нам, что Федор Бурлацкий в не-согласии с Генрихом Боровиком. Берем слова обратно. Согласные они. Спаянные неприязнью – и не к идеям даже, не к определенным мыслям и даже к мыслям вообще. К людям. К человеку. Слитые воедино тем, что пока *они* такие – публичный диалог у нас химера, взаимопонимание не то чтобы даже недоступная вещь, нет, оно без выгоды и потому против выгоды: покушение на привилегии, на особый "интеллигентский" приварок, на комфорт амбивалентности, на всеобщие правила игры...

Но – игры-то во что? В быт или в жизнь? Существеннейший вопрос. Кажется, существенней нет. Сегодня нет.

И впрямь – не раздирать же на себе костюмы, не быть же, как несчастный Лир: *все мы поддельные!* "Долой, долой все лишнее!" Такое красиво на сцене и в салонном обиходе, но у нас, нынешних, здесь – что, собственно, лишнее, если всерьез, если из самого нужного, без чего и в мороз, да и в жару никак?! Хлеб насущный? И он, конечно, к тому ж и он не без эволюции: и в смысле ассортимента, и в отношении дефицита, то есть именно в насущном смысле. Где тут проведешь грань – это необходимое, а это излишество? Была такая попытка: рецидивом коммунистической ностальгии в смеси с коммунистическим держимордством, а результат каков? Еще сильнее и норовистей рванулись к насущному, правда, уже не совокупно, а врозь, и, смотришь, все иерархии опрокинулись в него, в насущное, деля и переделая его, насущный... Делений все больше, а грань? Грань-то и совсем неуловимой стала.

Может, к примеру, загранка – излишество, так, ведь, нет, окно и в Европу и в Азию, в Африку, вплоть до китов и пингвинов, то есть необходимейшее, чтоб узнать /собственноглазно/ да и прикоснуться. А что требует оплаты... смирением, поднятием голосующих рук, казенными ответами казенным комиссиям, при случае же – вынужденном – и письмом в "Литературку" /не так, мол, меня там поняли/, либо интервью каким-нибудь, либо еще чем, вроде четкого автоматизма отключения, когда

кого-то рядом, из своих же, не пускают, в последний момент веля распаковывать чемодан, то, во-первых, с каждым может случиться и потому все /или почти все/ наперед этим равны, во-вторых же, окупается: опытом, знаниями, и опять-таки возможностью написать, описать, донести до всех или "почти" всех, то есть тех, кто возрос на подтекстах, на прославленных аллюзиях, вскормлен ими в розовые Шестидесятые - и это уже для них, для нас как рыбий жир, что, если б даже не из рыбы, а просто химия, то все равно витамин - без него никак... Так и это побоку, и ради чего? Чтоб заявить /где? кому? как?/: не желаем, де, привилегий, которыми дискриминации держатся, или снова "из Пиндемонта" /"По прихоти своей скитаться здесь и там... - Вот счастье, вот права..."/ - так это, простите, непрактично и старомодно, высший штиль, какой, действительно, нынче излишество, он, а не та же загранка в самом что ни на есть широком и разнообразном смысле, который, если вдуматься, не конформизм, а реализм, и если даже кто постепенновщиной назовет, то, что ж - примем, и не за оскорбление, да и в оскорбителях кто: доморощенные хиппи, акселераты-Митрофанушки, с запозданием, как и вообще в нашем отечестве водится, копирующие "их", недоброй памяти, новую левую...

Ирония эта - в чей адрес? Легче, кажется, сказать - к тому не относится, да и тут запнешься: Ведь вся история - до горизонта - вопиет: на поравнении скудостью счастье и свободу не воздвигнешь. Революционер Герцен амнистировал псковский оброк, кормивший независимое вдохновение Пушкина, автор же, куда более выдержанный, чем все-таки помещик Герцен, говаривал - без античного рабства не было б и современного социализма. Так это в XIX-м произносилось, когда дух, мысль, слово могли прожить малым: не континент, а так - остров в человеческом океане. Теперь подвинуться ли к развитию, сделать ли шаг - "вперед и выше" без инвестиций в серое вещество?! Вложений и в инструментарий его, и в престиж непременно и даже прежде другого. И браниться престижем такой же детский лепет,

как и "долой, долой с себя все лишнее", ибо престиж — это, другими словами, причастность к распоряжению ресурсами, без которых и вложений в указанный инструментарий не осуществить, даже в минимально нужном размере, а не будет этого размера, то страдающей стороной в последнем счете окажутся все-таки не власть имущие, а те же "простые" люди — современные потребители производимого и производители потребляемого... Обратная связь! Обратная связь! А ежели еще взять в расчет то, что сверх "горсточки рису и тапочек" и, действительно, на улице не валяется: возможность писать не в стол и тем паче — играть не в стол, изображать не одни только начальственные физиономии, да и просто существовать, не оглядываясь по сторонам — не мой ли черед пришел — то стоит еще прикинуть, чему отдать предпочтение — нынешним ли, какие ни есть, инвестициям: в мозг, в компетентность, в престиж, вложениям этим и цене какую за них /за них!/ приходится платить, либо... "диссидентской растрате" того, что, как ни фырчи, а существенно отличает наши Семидесятые годы и от приснопамятных 30-х, и даже от беспокойных, "волюнтаристских", без руля и ветрил хрущевских 60-х.

Так, может, таков и есть — единственный сегодняшний выбор? И тогда все-таки не Лир, король-нищий, без власти и семьи, нам указка, и "Из Пиндемонти" все-таки не программа для нынешних нас?

Тогда...

Вот мы и возвратились к тому, с чего начали. Новомирский круглый стол невольно напомнил нам "случай Медведева". Конечно, за тем столом ему не нашлось бы места. Там прогресс четко кончается на "любомудре" Бурлацком и поэте Винокурове^х. Конечно, Рой А.Медведев

^х Упоминаем вновь это имя отнюдь не для того, чтобы снова догадаться — почему не заступился за великого предка? Может, не было пушкинского томика на месте, а может, просто замешкался Е.М.Винокуров, кто знает, да и власть заведующего отделом Нового мира все-таки ограничена, приходится чем-то поступаться, дабы печатать лучшее из известного, тем паче пока безвестного. Вот и круглый стол как субботник, где надо отметить, да и ничего не поделаешь. И ведь отметил, поэт не речью, а даже не поддаивающей репликой, всего лишь вопросом. Невинным вопросом. Нарушив главный рассказ своего коллеги по журналу, заведующего отделом науки и публицистики, изобразившего темой положение нацменьшинств

не сказал бы о правах человека: не наша, мол, проблема. Ну, а если бы вопрос не в лоб, если б окольной, мягче: не проблема, де, про которую не знаешь как решить, с какого боку взяться за нее /и есть ли у нас, сейчас этот бок/, не проблема — такая, а всего лишь вопрос — деловой, "конструктивный", и достаточно поднять очи горе, чтобы узреть его в этих его реальных рамках, так ежели такой вопрос, то в этом случае — как?

Полагаем, что и в этом случае Р.А.Медведев воздержался бы от чрезмерного оптимизма и от чересчур доступного ответа. От чересчур доступного, чтобы не сказать липового — полагаем, отказался бы, а от *ответа*? Как можно на такое не ответить, либо отсрочивать ответ до неких лучших времен. И не только потому нельзя ни отклонять, ни откладывать, что собственный путь /"вместе с братом"/ напомнил бы о весьма прихотливых формах, в которых названный вопрос ставит "наше государство, наша партия". Но, вероятно, все же не только поэтому и даже раньше всего не поэтому. Ведь, это только так кажется, что человек держит в памяти себя прежнего. На самом же деле "вспоминаем" мы себя со стороны, и хотя эта сторона в нашем телесном обличьи /и лишь с отметками времени на нем/, это все же сторона и очень существенно — какая именно? Другой ли это человек, верный себе тем, что не похож на себя прежнего, или "вчерашний человек", подгоняющий под себя нынешнее и соответственно от себя отсекающий постороннее, тем паче, что не всегда же /далеко не всегда!/ то, что народилось лучше прежнего, бывает и хуже, бывает хуже и там, где выглядит самым лучшим, самым смелым, самым справедливым. Вечная коллизия. Никогда не утихающая распря. Горькая участь оказаться старовером, да к тому же, когда ты еще полон энергии и можешь совершить нечто и

в США, Е.М.Винокуров спросил — его: "А что известно вам о других нарушениях прав издревле коренных индейцев. Бесспорно — совесть только... и бесспорно — бессовестное: молчанием, безгласной безропотной солидарностью с новоявленным, свободным обменом. Всем — от Зивса до Боровика, от Боровика до Бурлацкого!"

чувствуешь себя призванным к этому... А если еще весь сыр-бор как раз из-за тех самых средств, какими бы *можно, можно...* ежели бы только не спешить, не перескакивать, не пугать, — средств, что, с одной стороны, почти извечные, а, с другой, никак не прививаются, не приживаются у нас, поелику спешим и перескакиваем, и сегодня отпугиваем тех, кто *смогут, смогут*, — то вытянутся ли из этой путаницы иначе как держась, если не самого доступного сейчас, то, по крайней мере, достижимого, оправданного достижимостью?!

Заколдованный круг. Кто — вне его? Кто у нас — вне? Те, кто примирился с нынешним "разделением труда": между одиночками, мужественно отстаивающими чужие и собственные права /а по необходимости, по роковой необходимости все чаще — только собственные/, и остальными — разделяющими и понимающими...", однако, даже не на словах, что вслух, что всеми буквами? Или сами одиночки, для кого ненормальность их положения становится — с годами! — бытом, а неприметно и нормой, ненормальной нормой? Все мы, застрявшие в раздвоенности между отошавшими "да" и великими "нет", великими вчера, а сегодня все более бессильными изжить собою нынешнее — наше, и только ли наше безвременье? Лиха беда начало. Но как раз *начало* и есть главный камень преткновения. Оттого ли, что не способны договориться между собой: с чего начать, чтобы было началом и чтобы не оборвалось в катастрофу, в кровавую нелокализуемую перетасовку — или оттого, что не знаем где и как договариваться и не можем признать, что само незнание — это "предмет". Предмет мысли и предмет действия. Особого *действия* — диалога.

Не фантазия ли, не утопия ли? Может, и утопия. Но тогда сегодня нет ничего реальнее этой утопии, как нет условия — изначального, какое было бы действенной — спасительней... И потому не просто подсобить диалогом, а именно: действовать им! Им прокладывая дорогу к неизвестному: куда идти?! А чтобы проложить ее, сначала признать его — неизвестное. Его отстаивая и от неумнящегося держимордства, и от снисходительности авгу-ров, перемигивающихся на глазах непосвященной публики.

Неравные, конечно, задачи, но, сдается, без второй не справиться с первой. Сегодня так: дабы одолеть инерцию страха, поощряемую жестокость, нужно одолеть и инерцию самодовольства, бревном лежащего на пути к сближению всех и разных обеспокоенных, уязвленных совестью, мучимых вопросами людей. А одолеть ли казенное, из всех пор лезущее самодовольство, терпя иное, "иное"?

Рядом и вместе: открытость диалога, непреложность этой открытости – и "то, что делать нельзя, даже если делать можно". /Непривычное, странное "можно", в котором отвердело, сомкнулось самое разное прошлое, а "нельзя" – напротив – прообразом общего, будущего, предверием его.../

То и другое: выбор. То и другое – "точка", высота, с которой виднее. Мир и благодаря которой Миру виднее Мы: наше явное и наше подспудное, наши тревоги и наши беды, а также от нас идущие, в нас заключенные опасности и надежды. То и другое – всесветный полигон, на котором проверяются ныне и идеи, и люди, и не только в том смысле, каковы они на вкус и на цвет /"лагеря", "направления"/, но в том опять-таки смысле – представлен ли ими вчерашний или завтрашний день. И вчерашний – то не в дурном, очевидно отрицательном свете, а, напротив, овеянный воспоминанием о хорошем, о чистом, о честном, и не в последнем, в первом счете – о наших Шестидесятых с их нетерпеливым порывом, с их рывком вперед под стягом "назад", с их апелляцией к реформаторам по должности и званию /кому ж и начинать как не им, кем и начинать как не ими?!/.

Старое и вовсе новое поприще: начинать "ими", здешними, тамошними. Старое и вовсе новое испытание: на противодействие вчерашним иллюзиям и им же вывернутым наизнанку в горячечный клич – круши... Испытание на стойкость к соблазнам – самым разным, от соблазна простоты до соблазна удержаться на поприще, на вершине – за счет... и даже не за счет "чего-то": взглядов, проектов, в всего-навсего за счет "кого-то", кто рядом и как всякий "кто" не безгрешен, не свободен от того, чем бы можно даже не очернить его – сплошь, а лишь походя, слегка, подретушировать черным. И ведь в

интересах дела это, ради и во имя публичного, общественного да и прямо-демократического дела, которое всегда было, как ни верти, - в окрестностях политики, а сегодня неотторжимо от нее - и по необходимости, по нужде должно держаться ее же правил, ее же нравов.

Ах, если бы только по нужде... Но если и по нужде, то допустимо ли? Ныне - допустимо ли? С самой что ни на есть практической точки зрения, имея в виду злобу дня и самое злое, тревожно-всеобщее в этой злобе - допустимом ли? И даже, даже озабочиваясь сохранением указанного поприща и соглашаясь наперед действовать "ради и во имя" завтрашнего реформатора /чтобы пришел, чтобы смог, чтобы преуспел.../ - допустимо ли? Практично ли? Вперед ли уведет или, наоборот, *неприметно* назад - уже не во вчерашний день, а в позавчерашний страшный??. Вот почему решились мы, начавши с эпизода у инакомыслящих, ввести в сюжет и новомирский круглый стол.., сказав себе - а ведь и это

Дословно: за свой дом. И как же не *за*, если другого нет?

Но сверлит мозг - сомнением, вопросом, болью: жить ли нам одним домом, даже если жить в одном доме?

.....

От редакции. *Машинписный текст статьи М.Я.Гелфера вместе с рукописью последних ее разделов изъят при обыске в редакции 25 января с.г.*

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ, НО НЕ НА МЕСТЕ ЕГО

Для автора исчезновение работы, да еще со значительной частью рукописи, конечно же, беда. В широком, так сказать, историческом смысле - привычная, но когда таким образом подводится черта под только обдуманым и выношенным тобою, под тем, что торопился сообщить читателю не без надежды получить отклик от него, то привычность эта не утешает. Напротив, она сама заостряется в качестве темы, созвучной той, о которой писал. По сути та же тема и "оборвалась" на том самом месте.

Жить ли нам одним домом, даже если жить в одном доме?

Сначала приходит в голову - умозрительное, книжное: образ первого внередакционного "читателя". Кто он? Моего ли возраста? либо, вероятнее, близко к возрасту моих сыновей?.. Обыкновенный человек, у которого, может быть, и неказенные интересы, какие-нибудь "хобби" - сходные с другими людьми, от которых тот инкогнито отличается не больше, чем специальными погонами и особой "корочкой".

Только этим? Язык не поворачивается сказать: да. За утвердительным ответом ощущаешь индульгенцию со страху, едва ль не заискивание - и наперерез потому другой, противоположный ход мысли, уже не о нем, а о себе и себе подобных, о том, как "нам" держаться, чтоб не потерять лицо, и с оглядкой назад самоопрос: ты бы - *т о г д а* - выдержал? Знаешь - про себя - вопрос риторический, знаешь и взвешиваешь: степень перемен, тех, что снаружи человека и внутри его - какие сильней, необратимее?

Вся суть-то в последнем. Вся суть в последнем. Кажется, и не пересчитать аргументов в пользу необратимости, необратимого сдвига *в человеке*. Аргументы: факты, имена. Женщины и мужчины. Молодые и старые. Знаменитые и пока безвестные. Честолюбивые и скромные. *Разные* - и это также в пользу, это тоже достоинство, тоже завоевание. Как и многоязычие, интернационализм, взаимовыручка внутри демократического движения и сменившего его - более тесного и вместе с тем более глубокого правозащитного.

Собственный скромный опыт общения подсказывает: версия об иссякании диссидентства, о вырождении его у нас, *здесь*, в "лучшем" случае - аберрация, в худшем же и говорить не станем... Если и обмелело прежнее общее русло инакомыслия, то обводнились *русла* /включая незаментные, подпочвенные течения/, где рядом с одиночным протестом - разлитая тревога, многоликая обеспокоенность, переходящая от частного к общему; где упорство в защиту собственного человеческого достоинства отражает более глубокую ищущую выход и прорываю-

щуюся то там, то здесь потребность *стать собою*, потребность, которой все труднее ужиться с любым диктатом и уж, конечно, с казенным — прежде всего.

Пик отчуждения от лжи, от суесловия? Пожалуй, даже не отчуждения, оно и в Шестидесятые выявляло себя, и ярче, и энергичней; сейчас же, скорее, иное привлекает и вселяет надежду: заново растущий интерес к прошлому, ближнему-дальнему, ко всему, что содержит память, позволяя вступающим в жизнь поколениям разобраться в *наследстве*, вновь ощутив себя *наследниками*. И потому не только жутко им, но тесно в этой кипящей протоке между "слався, слався" — и анафемой: к большой воде тянет...

А если добавить к этому превеликое множество разрозненных и влекущихся друг к другу частных культурных инициатив и начал, порою наивных, порою даже раздражающих своим желанием во что бы то ни стало быть — "навыорот", но несущих в себе стремление изнутри преодолеть *блокаду* — официальных ограничений и казенщины всякой, вообще... А если взять в расчет еще и совсем необъятное, "экзотическое" /и традиционное/: геометрическую прогрессию *лишних людей*, всех этих садовников, истопников, плотников, сплавщиков леса, разнорабочих и т.д. и т.п. — с университетскими значками, а ныне даже и с кандидатским дипломом., а, взяв в расчет — удержаться и от снисходительной усмешки /... "перебесятся"/, и от поверхностной аналогии с былым /ибо все ж о большем свидетельствуют эти факты, чем о сказочной повторяемости столетнего русского цикла/.

Всматриваешься, стараясь уловить новое в прежнем, и, поражаясь даже календарным совпадениям, задумываешься о природе *различия* ... Больше ли в том, что ныне — бегства от постылого, меньше ли, — либо вовсе нет ничего подобного знаменитому "хождению в народ"?!

Или с совсем иной стороны надо взглянуть на теperешний феномен, не его одного включая в поле зрения, и тогда — потребность эта — стать и остаться собой, и тогда эта тяга — переменить жизнь *как таковую*, оказы-

ваются сегодня, и едва ли не больше, чем когда-то, и едва ли не больше, чем сегодня же, но в "других местах" – сродни самой сути проблем, неотступно стоящих перед нами: много ближе к тому великому неизвестному, какое можно в равной мере называть *целью, смыслом, путем/куда идти?* с кем и за чем?/, ощущая слабость, безжизненность каждой из привычных дефиниций. Ближе чем многое из того, что заявляет о себе и изысканней, и в большем согласии с мудростью, классической без кавычек...

Так как же просчитать, измерить, обмыслить это разное?! Даже надзирающим и пресекающим не под силу сосчитать и обмерить. А пресекаемым – как? Посчитать немислимо. А обдумать?

... Это наше *завтра*. Завтра, которое может и не наступить.

Понимаю, что сказанное звучит чересчур "красиво", либо вовсе мрачно. Надо бы поделикатней, с оговоркой, что одна из "тенденций" может, и действительно, такая, но есть и другие, совсем противоположные. С одной стороны... с другой стороны... Не получается. В силу многих причин, объединяемых ощущением *порога*. Неотвязным и все нарастающим ощущением: мы – на пороге. И "неизвестное", что не уходит из дум и строк, оно там – *за нами* ... Причин много, а удельный их вес сугубо неодинаков и переменчив, как неоднозначен и "механизм" их сцепления, слипания. Бьют в глаза житейские неурядицы и недостатки, затрагивающие сегодня *почти каждую* семью. Существенное, правда, все более существенное "почти", но в нем ли заковыка? Бьют в глаза и иные приметы, относящиеся к сфере высокой и далекой политики. Ни для кого не тайна, что сфера эта герметически закрыта для "посторонних", имя коим – страна, Россия, СССР: наш мир в Мире. Но так ли ясно, так ли зримо, что сама по себе закрытость эта – источник неудач и провалов, способных нанести ущерб уже не только нам, но и следующим за нами поколениям?

Так ли ясно... или все менее ясно, поскольку эта "высокая и далекая" не от "нас" одних в Мире зависит, и поскольку те – другие, сегодня, вроде, почти друзья, а завтра почти враги, а о некоторых наперед можно ска-

зять, что враги, — как с этим не посчитаться? А, посчитавшись, как не счесть, что и закрытость "высокой и далекой" оправдана, и даже если не оправдана, то время ли теперь — "открывать"?! И даже решив, что время, и, быть может, с этого-то и нужно начать, подбирая один из "ключей" и к недостаткам, и к остальным неурядицам, — прикидываешь: но ведь и для неотложного *нужно время*, ибо тихо-спокойно, без страстей и без схваток не произойдет, в один день не завершится... и даже в этом наилучшем и весьма проблематичном случае /"поднятием рук"/ неизбежна... *п а у з а*, особенная, как раз способная подстрекнуть тех, кто вне...

Страшно начинать. Страшно тронуться с места. И только ли чужим голосом, тебе в лицо, то с укоризной, то с ненавистью эти слова: чтобы было *завтра*, сначала почву надо иметь для "завтра", — и где у нас иная, кроме той, что создана нашей историей и неотрывна от нашего же могущества: *почва — великая держава?!*

Голос — и голоса, *тоже* разные. "Свой" — разные, и почвенные — разные. "То шепотом молящегося, а то срываясь на грязную филологию алкаша. То голосом Иван Денисовича, державшегося правды-справедливости в наименее-справедливейших условиях, а то голосом его "пушкинского" двойника-однолетки, сытой близостью к власти утвердившегося в незыблемости права и правила — палить чужими руками во всякую человеческую тень..."

Это — по памяти, из "Pro domo sua", из конфискованной рукописи, что теперь доводится читать тому, кто, вероятно, также имеет что сказать, и поскольку не "лишний" он человек, а из самых нужных... естественно, к чему будут клониться его суждения. Да хотя бы — к "осторожности". К "ответственности". К тому, чтобы преждевременностью не сгубить почву-державу. Вот мы с ним и обсудим... Не новомирский круглый стол, и вообще не круглый — один с одной стороны, другой — с другой, а все же — читатель с автором. Обсудим, поспорим, и ничего не попишешь — всего вероятней, разойдемся. На "неизвестном", может, и не столкнемся круто, туманная материя, а вот на статус-кво — на равновесии — на условиях *некатастрофических перемен*, — на принципе "ра-

дикальной умеренности" и т.д. и т.п. - на этом, пожалуй, и разойдемся, равно принимая за тему, за сюжет из серьезнейших, но расходясь в понимании его, пуще всего же в способе добиться этого самого взаимопонимания.

...Очень бы я упростил себе задачу, заявив: ничего такого, разумеется, не будет. За противную сторону не скажу, а сам в дискуссию за тем столом вступать не стану. Это даже не декларация, - смешно декларировать то, что давно уже стало нормой... правда, у "лишних", но не грех даже на старости чему-то поучиться у них. И так отучиться раз навсегда, отучиться капитулировать, наперед соглашаясь с чьим-то "правом" врываться в жизнь, распоряжаться мыслями и судьбой, играть человеческими слабостями /да, и этим также, и не в последней степени также/.

И тем не менее - упрощения хочется избежать. Не того стола, вроде, касается, где один с одной стороны, а другой - с другой, и не новомирского "круглого", но - отчасти и их, а более всего - тех, что дома, у каждого в дому - круглые и некруглые, чайные и письменные. За ними кто - "лишние" или нужные? А если не те и не другие, кто же они? *Сегодня* - кто? Именно сегодня, поскольку от этого в немалой и даже решающей мере зависит: будет ли *завтра*.

... Те же сто лет назад на Руси в ходу была притча - теперь скажут, амбивалентная, поскольку имела две будто исключаящие одна другую редакции. "Мало постоять за убеждения, надо еще за них посидеть". Вторая же: "Мало посидеть за убеждения, надо еще за них постоять". Эта притча, как сон в руку. Правда, современность вряд ли остановит свой выбор на первой редакции. И не потому только, что тень ГУЛАГа неотступна от совести каждого, у кого есть совесть. И даже не только потому, что девальвация множества прежних ценностей остереглась коснуться главной - *ценности человеческой жизни*; напротив, к концу XX-го, в преддверии XXI-го все требует: больше ни одной досрочно прерванной, скомканной, опустошенной жизни - *ни одной и нигде!*

И все-таки не только потому отклоняем первую редакцию. Есть еще причина - из самых важных. Мы живем

в Мире, где удивительным, ни на что прошлое не похожим образом соседствуют рациональность с абсурдом, прогноз с внезапностью, внезапность – с бесповоротностью. Одно это придало новые очертания и новый смысл *политике*, обязывая ее раздвинуть свои рамки до пределов нашей части Вселенной и – одновременно – ввести себя в границы, поддающиеся контролю, воздействию человека и человечности. Не потому ли так возросли – скачком – требования к политике и к "политикам", и не потому ли так остро и гневно реагирует современный человек на грязь и глупость в политике, на себялюбие и ограниченность политиков?! Однако, и те – люди, и от того, какие они люди в самом прямом, самом обычном смысле слова, с каждым днем зависит все большее, и даже парадоксально – великое...

Наивно искать выход из этой квадратуры круга в питомниках для высоколобых, в лабораторной селекции руководителей, вообще искать один-единственный выход, единый-универсальный рецепт. Универсальна проблема. Универсальна ответственность... Вот почему также, и прежде всего почему мы отклоняем – у себя – первую редакцию старой притчи. Ибо даже наш нынешний, полусвернутый, в численно малых /кто безразличный, бессовестный скажет – ничтожных?!/ размерах ГУЛАГ развращает как власть, так и всех причастных к ней – *сверху донизу*, что касается уже и всех нас вообще, притом не непременно в традиционном, на поколения памятном смысле. Нет, сегодня не только нелепо и позорно ждать, когда раздастся стук в твою дверь. Теперь "сокращенный" и будто только потенциальный ГУЛАГ опасен *непосредственно* – на Лубянке и в Мордовии, он – у *в с е х д о м а*, у всех нас не-лишних и не-нужных, за каждым круглым и не-круглым, чайным и письменным столом – он.

Можем ли жить одним домом, если даже будем жить в одном доме?

"Если" – условность. В одном доме и будем. Таков диктат истории и ракет. Но ими же, историей и ракетами определяется поле выбора. Чтобы жить – стать одним домом. Вход же в этот дом, сегодня забитый вход, –

диалог. Диалог как способ быть - жить. Как право и возможность. И даже больше, чем возможность. Невозможность иначе познать самих себя: кто мы, взятые в целом, кто мы - как искомое целое.

Невозможность иначе преодолеть взаимное непонимание, взаимоотноужденность, растущую во взаимную ненависть и вражду.

Невозможность иначе увидеть собственную и общую беспомощность, без чего не сделать и шагу к ее преодолению - преодолению самой опасной из всех наших нынешних всеобщих угроз.

За это убеждение и постоять....

Мих. Гефтер

10 февраля 1979 г.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

журнала "ПОИСКИ"

ПРОДОЛЖАЮТСЯ

ЗАЩИТИМ

Виктора ТОМАЧИНСКОГО !

После отбытия лагерного срока возбуждено новое уголовное дело (по ст. 190—1) против Виктора Томачинского. На этот раз на скамье подсудимых читатель журанала "Поиски", который, будучи свидетелем на процессах по журналу "Поиски" бесстрашно заявил, что он гордится тем, что является читателем этого журнала. Он защищал свое право читать, право свободно выбирать самому объект чтения... В полицейском государстве такое вольномыслие не могло остаться незамеченным...

Виктор Томачинский в декабре 1981 года получил свой срок по обвинению в якобы тунеядстве, и вот теперь над ним нависла угроза нового трехлетнего срока... При этом в бесчеловечных лагерных условиях он заболел тяжелой болезнью. Его здоровье столь сильно подорвано, что властям неоднократно приходилось откладывать судебное заседание.

Мы обращаемся к прогрессивной общественности с призывом защитить Виктора Томачинского от нового произвола !

Издательство "Поиски"

В. Кувакин

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ или ЗАПРОГРАММИРОВАННАЯ НЕОБЕСПЕЧЕННОСТЬ

Пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятый Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 году /см. резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН № 2200А от 16 декабря 1966 г./, содержит положение, закрепленное в статье 9 названного Пакта, в соответствии с которым каждый человек имеет право на социальное обеспечение, включая социальное страхование.

В третьем разделе Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе подчеркивается, что государства-участники общеевропейского совещания в Хельсинки обязуются соблюдать и неуклонно претворять в жизнь права человека, зафиксированные во Всеобщей декларации прав человека и в принятых на ее основе Международных Пактах о правах человека.

Советские пропагандистские органы постоянно подчеркивают, что в Советском Союзе главное внимание уделяется соблюдению и развитию социально-экономических прав и свобод граждан, и декларируют, что достигнуто полное выполнение положений международных соглашений об обеспечении социально-экономических прав человека. Право на социальное обеспечение несомненно является одним из важнейших социально-экономических прав человека. В предлагаемой работе мы рассмотрим, действительно ли в СССР полностью выполняются все международно-правовые положения, относящиеся к обеспечению нетрудоспособных и престарелых граждан.

* * *

Советская система социального обеспечения в целом отвечает тем требованиям, которые предъявляются к по-

литике государства в области материального обеспечения нетрудоспособных и престарелых граждан, а по отдельным показателям система социального обеспечения в СССР находится на более высоком уровне, нежели государственное социальное обеспечение во многих европейских странах. К таким показателям можно отнести: возраст, необходимый для назначения государственной пенсии; отсутствие страховых платежей в чистом виде; разнообразие форм социального обеспечения и т.п.

Но в официальных обзорах об уровне социального обеспечения, представляемых СССР в Международную Организацию Труда и в Международную Ассоциацию Социального Обеспечения, а также в докладах "О принимаемых Советским государством мерах и о прогрессе на пути к достижению соблюдения прав человека" /такие доклады регулярно представляются Генеральному секретарю ООН в соответствии с резолюцией Экономического и Социального Совета ООН № 1596 от 21 мая 1971 г./ умалчивается об ограничениях в области социального обеспечения и о наличии нерешенных проблем обеспечения нетрудоспособных и престарелых граждан. А ведь именно наличие нерешенных проблем социального обеспечения обуславливает наличие в Советском Союзе весьма обширной группы граждан, лишенных по существу права на социальное обеспечение, либо получающих материальное обеспечение в размерах несравненно более низких, чем установленный в стране официальный размер тка называемого "прожиточного минимума".

Мы рассмотрим две проблемы социального обеспечения в СССР — социальную необеспеченность лиц, получающих государственные пенсии в минимальных размерах, и лишение отдельных категорий граждан права на получение государственных пенсий.

- 1 -

В официальном советском литературном журнале "Нева" была опубликована повесть Зои Журавлевой "Выход из случая" /№10 за 1977 г./. Писательница вкладывает в уста своего главного героя размышление:

"Таких старушек - в старой плюшевой жакетке, в стоптанных ботинках - он часто встречал где-нибудь в очереди. Сердце сжималось при виде их, когда он замечал их на почте, сразу после открытия - в день их пенсии, или в гастрономе. "Маслица пийсят граммов... - Тут, баушка, побольше. Ничего? - Нет, деточка, мне пийсят". Продавица только фыркнет. "И сырку сто граммов, по два семьдесят"... Есть ведь еще такие, в самый обрез и ничего ниоткуда. У себя в комнате перебирает старые письма, куцую пачечку, полевая почта - обратный адрес, опять читает пожелтевшую похоронку. Фамилию, кто подписал, так и не разобрала за тридцать шесть лет - "Скворцов" ли, "Смирнов" ли"...

Так откуда же в стране с всеобщим социальным обеспечением, причем, как пишет один из крупнейших специалистов в области социального обеспечения проф. В.В.Андреев, обеспечением "в размерах, соответствующих уровню удовлетворения потребностей, сложившемуся на данном этапе развития советского общества", появляются такие старушки, чей уровень материальной обеспеченности находится на грани нищеты? Ведь подобное явление - позор для экономически развитой страны, для государства, провозгласившего лозунг "Все во имя человека"!

Как это ни покажется странным, но материальная необеспеченность некоторых категорий нетрудоспособных и престарелых людей является не случайностью, не каким-то исключением из общего правила, а объективным, запланированным и запрограммированным всей системой советского пенсионного законодательства явлением.

В официальном советском издании, органе Госкомитета Совета Министров СССР по вопросам труда и социальным вопросам, журнале "Социалистический труд" были опубликованы расчетные данные научно-исследовательского института труда, из которых следует, что в Советском Союзе официальный размер прожиточного минимума составляет пятьдесят рублей в месяц на человека. /Заметим, что на самом деле необходимый для жизни "минимум" при увеличивающейся в СССР "стоимости жизни" гораздо выше/. При этом НИИ труда исходит из того, что получая пятьдесят рублей в месяц человек имеет возмож-

ность оплачивать содержание жилища /квартирная плата/, оплачивать транспортные расходы, приобретать необходимую одежду и обувь, поддерживать такой уровень питания, который позволяет сохранять "жизнеспособность человека" /то есть не умереть от недоедания/. Живущие в СССР прекрасно понимают, что это действительно такой "минимум", снижение которого приведет к гибели человека, к необратимым процессам в организме человека.

Что же показывает ознакомление с размерами пенсий, установленными Законом о государственных пенсиях, принятым Верховным Советом СССР в 1956 году?

Минимальный размер пенсии по старости составляет 45 рублей /ст. 13 указанного Закона/, минимальный размер пенсии по инвалидности 2-й группы - 45 рублей, минимальный размер пенсии по инвалидности 3-й группы - 21 рубль /ст.ст. 22 и 23 Закона/. Наконец, статьи 33 и 34 Закона о государственных пенсиях устанавливают следующие минимальные размеры пенсий по случаю потери кормильца, которые выплачиваются семьям умерших рабочих и служащих:

- 70 рублей на трех членов семьи умершего кормильца /т.е. 23 рубля 30 копеек на одного человека/;
- 45 рублей на двух членов семьи умершего кормильца /т.е. 22 рубля 50 копеек на одного человека/;
- 23 рубля на одного члена семьи умершего.

Если же рабочий или служащий не смог по уважительным причинам к моменту наступления нетрудоспособности, достижения пенсионного возраста /т.е. престарелого возраста/ или смерти приобрести требуемого трудового стажа, то ему /или его семье/ назначается пенсия при неполном трудовом стаже /или неполная пенсия/. Размеры таких пенсий установлены пунктом 99 "Положения о порядке назначения и выплаты государственных пенсий", утвержденного Постановлением Совета Министров СССР от 3 августа 1972 г. № 590. Каковы же минимальные размеры пенсий при неполном стаже?

- Пенсия по старости - 11 рублей 25 копеек.
- Пенсия по инвалидности 1-й группы - 17 рублей

50 копеек.

- Пенсия по инвалидности 2-й группы - 11 рублей 25 копеек.
- Пенсия по случаю потери кормильца на трех членов семьи умершего - 17 рублей 50 копеек /или 5 рублей 83 коп. на одного человека/.
- Пенсия по случаю потери кормильца на двух членов семьи умершего - 11 рублей 25 копеек /или 5 руб. 63 коп. на одного человека/.
- Пенсия по случаю потери кормильца на одного члена семьи умершего - 5 рублей 75 копеек.

Следовательно, Верховный Совет СССР, принимая в 1956 году Закон о государственных пенсиях /а Совет Министров СССР утверждая в 1972 году Положение о порядке назначения и выплаты государственных пенсий/ заранее *a priori* исходили из того, что часть государственных пенсионеров будет получать государственные пенсии в таких размерах, которые более чем в два раза ниже официально установленного прожиточного минимума, а в тех случаях, когда назначается неполная пенсия при неполном стаже - почти в десять раз ниже прожиточного минимума. Это в свою очередь означает, что в СССР существует законодательно оформленная социальная необеспеченность /чтобы не сказать нищета/ части престарелых и нетрудоспособных граждан.

Аналогичное положение сложилось и в системе социального обеспечения членов колхозов. Принятый Верховным Советом СССР в 1964 году Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов устанавливает следующие минимальные размеры пенсий:

- по старости - 20 рублей /ст.8 упомянутого Закона/;
- по инвалидности 1-й группы - 30 рублей /ст.11 Закона/;
- по инвалидности 2-й группы - 20 рублей /ст.11 Закона/;
- по инвалидности 3-й группы - 16 рублей /ст.11 Закона/;
- по случаю потери кормильца на трех членов семьи умершего - 30 рублей /или 10 рублей на одного

человека/ /ст.14 Закона/;

- по случаю потери кормильца на двух членов семьи умершего - 20 рублей /или 10 рублей на одного человека/ /ст.14 Закона/;
- по случаю потери кормильца на одного члена семьи умершего - 16 рублей /ст.14 Закона/.

Пенсии при неполном трудовом стаже членам колхозов вообще, в соответствии с советским пенсионным, законодательством не назначаются.

На основании приведенных сведений о минимальных размерах государственных пенсий можно сделать обоснованный вывод о том, что широко пропагандируемая советскими органами массовой информации теория о полной ликвидации в СССР социальной неопределенности граждан не выдерживает никакой критики.

Законодательное закрепление таких размеров государственных пенсий, которые не могут обеспечить даже минимума средств, необходимых для "обеспечения жизнедеятельности организма", является несомненным нарушением экономического права каждого человека на получение от государства в случае потери трудоспособности или достижения престарелого возраста денежных средств, необходимых для обеспечения жизнедеятельности человеческого организма. Такое право закреплено, в частности, в Конвенции Международной организации труда №102 "О социальном страховании /минимальные нормы/", принятой в 1952 году; в Хартии социального страхования, принятой на V Всемирном конгрессе профсоюзов. В упомянутой Хартии прямо зафиксировано, что "... минимальный размер пенсии по инвалидности и старости, установленный в соответствии с заработной платой трудящегося, должен гарантировать ему нормальные условия жизни и позволить пенсионеру и его семье сохранить достаточный жизненный уровень".

Есть ли в Советском Союзе престарелые или нетрудоспособные граждане, которые вообще не получают государственной пенсии? Да, есть. Мы не имеем, к сожалению,

нию, возможности сообщить читателю точного количества лиц, не получающих государственной пенсии, хотя и достигших престарелого возраста или потерявших трудоспособность. Эти данные нигде в открытой советской печати не сообщаются и такого рода статистика обычно публикуется под грифом "секретно" или "для служебного пользования". Но по конкретным косвенным сведениям можно сделать вывод, что в настоящее время в СССР незаконно лишены права на получение пенсии около 800 тысяч человек. К таким лицам относятся бывшие члены колхозов, переехавшие до достижения пенсионного возраста в город; люди, не приобретшие права на неполную пенсию и, наконец, бывшие заключенные и, в особенности, бывшие политзаключенные. На этой категории лиц мы и остановимся.

Согласно действующему советскому законодательству о пенсионном обеспечении, право на пенсию по старости или инвалидности имеют те люди, которые, достигнув определенного законом возраста имеют трудовой стаж определенной законом продолжительности. Под "трудовым стажем" в советском законодательстве понимается продолжительность оплачиваемой общественно-полезной деятельности. Такое требование, обуславливающее возникновение права на пенсионное обеспечение, отнюдь не случайно. В СССР нет прямых /непосредственных/ страховых взносов на социальное обеспечение, а пенсии выплачиваются из так называемых общественных фондов потребления. Но, как указал в своей статье, опубликованной в советском официальном политическом журнале "Молодой коммунист" известный советский экономист проф. Л.Бляхман, "из каждого рубля созданной работником стоимости 55 копеек выплачивается ему в форме заработной платы, а 45 копеек поступают в общественные фонды потребления" /"Молодой коммунист", №6 за 1968 г./. Таким образом, общественные фонды потребления создаются за счет заработной, но не полученной трудящимися заработной платы. Вот почему советское законодательство провозглашая "бесплатное социальное обеспечение" одновременно устанавливает требование наличия продолжительного трудового стажа, то есть того периода жизни человека,

в течение которого 45% его заработной платы не выдается "на руки", а поступает в специально создаваемые государством фонды /из которых впоследствии и выплачивается пенсия/.

Однако, в стаж, дающий право на назначение любой государственной пенсии, не включается период отбывания срока наказания в исправительно-трудовых учреждениях. Вытекает ли это положение из норм действующего законодательства СССР? Нет, не вытекает /да и не может вытекать/.

Во-первых, труд лиц, отбывающих наказание в исправительно-трудовых учреждениях, не рассматривается как наказание или как кара, а относится к специфическим средствам исправления и перевоспитания осужденных. По крайней мере, так определяют труд осужденных, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях Основы законодательства Союза ССР и союзных республик. Более того, — те же Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик определяют труд лиц, отбывающих наказание в тюрьмах и исправительно-трудовых колониях, как общественно-полезную деятельность. Трудиться *обязан* каждый заключенный — это предусмотрено статьей 27 Основ исправительно-трудового законодательства. Но одновременно указанные "Основы" устанавливают, что труд лиц, лишенных свободы, оплачивается в соответствии с его количеством и качеством по нормам и расценкам, действующим в народном хозяйстве. Наконец, труд лиц, лишенных свободы и отбывающих наказание в исправительно-трудовых учреждениях, основывается на общих принципах труда, установленных Основами законодательства Союза ССР и союзных республик о труде /это положение вытекает из содержания статьи 28 Основ исправительно-трудового законодательства/, а одним из принципов трудового законодательства является то, что любой труд обуславливает право на пенсионное обеспечение.

Таким образом, налицо ничем не объяснимое ущемление гражданских прав лиц, отбывающих наказание в исправительно-трудовых учреждениях СССР. С одной стороны, этих лиц на основании статьи 60 Конституции СССР

обязывают заниматься оплачиваемой общественно-полезной деятельностью /ведь привлечение осужденных к труду отнюдь не связано с тем, что они осуждены к лишению свободы, а труд не является элементом наказания/. С другой стороны, упомянутая оплачиваемая общественно-полезная деятельность не засчитывается в трудовой стаж. Подобное положение приводит к тому, что лица, приговоренные к длительным срокам лишения свободы, после отбытия наказания лишены возможности получить государственную пенсию по старости или инвалидности, поскольку они не имеют трудового стажа, требуемого Законом о государственных пенсиях.

Подобное положение представляется странным, ибо /как мы уже упоминали/ труд лиц, отбывающих наказание в советских исправительно-трудовых учреждениях оплачивается точно так же, как и труд всех рабочих и служащих в СССР, то есть в размере 55% созданной работником стоимости, а 45% причитающейся заключенному оплаты за произведенный труд поступает в общественные фонды потребления. Однако из общественных фондов потребления бывший заключенный после освобождения не получает никаких выплат пенсионного характера. Отметим, при этом, что каждый год отбытия наказания в исправительно-трудовом учреждении Советского Союза одним только заключенным увеличивает размер общественных фондов потребления на 1600 - 1700 рублей.

Сложившееся положение приводит к тому, что десятки и сотни тысяч бывших заключенных в стране, достигнув престарелого возраста или становясь инвалидами /ибо режим содержания в тюрьмах, лагерях и исправительно-трудовых колониях отнюдь не способствует сохранению здоровья человека/, не имеют права на социальное обеспечение и лишены в силу этого источника средств к существованию.

В первую очередь это антигуманное, но закрепленное в советских законах положение сказывается на бывших политзаключенных. В соответствии с уголовным законодательством СССР за политические /или как они именуются - государственные/ преступления установлено наказание до пятнадцати лет лишения свободы. К лицам,

осужденным за подобные "преступления" не применяется амнистия или условно-досрочное освобождение, а после полного отбытия наказания бывшим политзаключенным весьма сложно найти работу, отвечающую их специальности и состоянию здоровья. Добавим к вышесказанному и то, что в СССР имеется целая плеяда граждан, подвергшихся репрессиям в годы культа личности Сталина, когда за политические преступления люди приговаривались к 20 - 25-летним срокам лишения свободы. Очевидно, что проблема пенсионного обеспечения бывших заключенных /и в особенности - политзаключенных/ является насущной и довольно актуальной проблемой сегодняшних дней. Необходимо подчеркнуть, что требование охватить социальным /и в первую очередь - пенсионным/ обеспечением всех граждан, в том числе и отбывших наказание в виде лишения свободы, - это не просьба, не ходатайство о благотворительности, не призыв проявить милосердие. Это законное требование, основанное на положениях советского пенсионного, трудового и исправительно-трудо-вого законодательства, ибо, привлекаясь к общественно-полезному труду в тюрьмах, лагерях и колониях эти люди наравне со всеми остальными гражданами страны "заработали" право на пенсионное обеспечение и "отложили" часть своего честно и законно заработанного заработка в общественные фонды потребления с тем, чтобы в будущем получить обратно это вознаграждение за трудовую деятельность в исправительно-трудовых учреждениях в форме пенсии по старости или пенсии по инвалидности.

- 3 -

Однако, настоящий обзор был бы неполным, если бы автор не упомянул о тех видах социального обеспечения, с помощью которых советское государство пытается охватить социальным обеспечением тех лиц, которым не назначается государственная пенсия /как уже отмечалось, к таким лицам относятся бывшие члены колхозов, переехавшие на постоянное место жительства в городскую местность, а также бывшие заключенные, отбывшие длительные сроки лишения свободы/.

Во всех пятнадцати союзных республиках СССР приняты постановления республиканских Советов Министров "О материальном обеспечении инвалидов и престарелых, не получающих государственных пенсий". В соответствии с этими постановлениями правительств союзных советских республик, нетрудоспособным и престарелым гражданам, не получающим государственных пенсий /то есть не подпадающим под действие Закона о государственных пенсиях/, при определенных условиях могут быть назначены ежемесячные пособия по социальному обеспечению. Каковы же эти условия?

Первым условием является наличие инвалидности 1-й или 2-й группы /при отсутствии трудового стажа, дающего право на назначение государственной пенсии по инвалидности/.

Старость /или достижение престарелого возраста/ является основанием для назначения ежемесячного пособия по социальному обеспечению лишь в ряде союзных республик. В Российской Федерации, на Украине, в Казахстане, в Грузии, в Киргизии, в Эстонии достижение престарелого возраста само по себе /при отсутствии установленной врачебно-турдовой экспертной комиссией инвалидности 1-й или 2-й группы/ не предоставляет права на назначение ежемесячного пособия.

Вторым условием является отсутствие у инвалида или престарелого средств к существованию. К источнику средств к существованию закон относит и так называемую "связь с сельским хозяйством". Это означает, что если человек, обратившийся за назначением пособия, проживает в сельской местности и он /либо его семья в целом/ имеет приусадебный участок размером более чем 0,15 га, то пособие ему назначено быть не может. При этом не учитывается, имеет ли этот гражданин какие-либо фактические доходы от своего приусадебного участка, - сам факт наличия связи с сельским хозяйством исключает возможность назначения пособия.

Третьим условием является отсутствие родственников, обязанных по закону содержать не получающего государственной пенсии инвалида или престарелого. Такими родственниками закон признает всех родственников, не-

сущих алиментные обязанности в соответствии с Основами законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, то есть родителей, совершеннолетних детей и прочих. При этом не играет никакой роли тот факт, имеется ли у указанных лиц реальная возможность содержать инвалида или престарелого — учитывается только формальное наличие или отсутствие родственников, несущих по закону алиментные обязанности.

Как видно из приведенного изложения условий, при которых престарелому или инвалиду может быть назначено пособие по социальному обеспечению, законодательство о пособиях лицам, не имеющим права на государственную пенсию, выдвигает целый ряд ограничений, не позволяющих значительному числу престарелых и инвалидов получать материальное обеспечение за счет общественных фондов потребления.

Но даже в тех случаях, когда самое гуманное и справедливое советское законодательство предоставляет престарелому или инвалиду право на получение ежемесячного пособия, предназначенного для материального обеспечения лиц, не получающих государственные пенсии, назначение и получение такого пособия не способно решить проблему материального обеспечения этих престарелых и инвалидов. Государство установило следующие размеры пособий, назначаемых инвалидам и престарелым, не получающим государственных пенсий:

- 10 рублей — для лиц, проживающих в городах и поселках городского типа /или 33 — 34 копейки в день/;
- 8 рублей 50 копеек — для лиц, проживающих в сельской местности /или 27 — 28 копеек в день/.

Не вызывает сомнения утверждение, что приведенные размеры ежемесячных пособий, предназначенных для удовлетворения всех первостепенных жизненных потребностей человека /питание, плата за жилище, расходы на одежду и обувь, транспортные расходы, обеспечение культурных запросов, приобретение медикаментов и т.п./ не позволяет рассматривать указанные пособия как вид социального обеспечения, ибо размеры этих пособий не могут обеспечить даже нищенское существование. /Доста-

точно заметить, что размер этих пособий, предназначенных для удовлетворения всех жизненных потребностей человека, в три раза ниже суммы, выделяемой только на питание лиц, содержащихся в исправительно-трудовых колониях строгого режима/.

Очевидно, что вводя такой вид социального обеспечения, как ежемесячные пособия гражданам /инвалидам и престарелым/, не получающим государственных пенсий, государство ставило цель создать видимость всеобщности материального обеспечения инвалидов и престарелых, а не решить по существу проблему их социальной необеспеченности. Самое убедительное доказательство тому — размеры этих пособий составляют всего лишь пятую часть размера официально установленного государством прожиточного минимума.

Размеры, в которых в СССР назначаются ежемесячные пособия для лиц, не получающих государственные пенсии, грубейшим образом противоречат условиям Хартии социального страхования, Конвенции МОТ №102, Пакту об экономических, социальных и культурных правах человека, — а в конечном счете и Заключительному Акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

* * *

Представленный вниманию читателя обзор советского пенсионного законодательства свидетельствует о том, что советское законодательство о социальном обеспечении допускает наличие в Советском Союзе значительной группы нетрудоспособных граждан, которые лишены каких-либо средств к существованию. Одновременно в СССР имеется обширная группа инвалидов и престарелых, получающих социальную помощь в размерах, не обеспечивающих даже минимального жизненного уровня.

Отмеченное положение явно нарушает международные соглашения, договоры и пакты, охраняющие права человека.

Февраль 1978 года

Поскольку произведение А. Кузнецова "Бедность народов" вышла отдельной книгой, мы здесь публикуем лишь реплику "От редакции" и "Послесловие" В. Сокирко.

От редакции

Адам Кузнецов воздерживается от ответа на вопрос – есть ли выход? – хотя настоятельность вопроса и очевидна для него, как ясна для читателей его блестящей книги неотложность срочных мер. Новый вопрос о выходе уже занял в умах и в заголовках место традиционного "Что делать?". Отпеснил – не отменяя, а переформулирую прежний, понукавший рвение отвечать, то и дело сбиваясь на: кто виноват? Впрочем, не надо отвергать и последний. Вопрос о вине сегодня слышен часто, задается вслух и достаточно громко; но есть и важное отличие – это ныне вопрос не к посторонним, – к себе и "своим".

Так и разделилось. "Кто виноват?" – личный вопрос раскаяния, обращаемый прежде к себе. "Что делать?" сегодня даже не вопрос, не общественная тема, а умственный стиль правящих политиков, символ веры всех, готовых властвовать не сомневаясь, и кого все еще называют почему-то "прагматиками" /хотя в итоге их усилий многие сегодня рискуют остаться без хлеба, а то и без головы: не странный ли прагматизм?/

А вопрос ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД?, подлинно вопрос, и стягивает в свою воронку все – от надежд до отчаяний, озабочивает всех – от странно мыслящих до старика-калужанина, приехавшего за маслом в Москву и полуразмазанного в декабрьской давке за тортами и водкой. Вопрос о выходе возвращает ушам притупленное вечное свойство – слышать чужую речь. Никто из задающих им – не должен нас обойти, ни один ответ не должен быть отклонен, и никто из усомнившихся в ответе – не попадет в "посторонние".

Редакция рассчитывает на дискуссию по вопросам, из поставленных автором "Бедности народов" или упущенных у него, но важных для обсуждаемой темы. Здесь мы публикуем отклик Н. Буржуадемова на последнюю главу книги А. Кузнецова. Полностью рецензия была напечатана в сборнике "В защиту экономических свобод", Выпуск 1, Москва 1978.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

к книге А. Кузнецова "Бедность народов"

Лестное для меня замечание автора, что лишь "К.Буржуадемов последовательно призывает к возрождению рыночного регулирования или, по меньшей мере, к НЭПУ", имеет на деле весьма горький привкус безнадежности и всеобщего непризнания. Кажется, я могу надеяться на взаимопонимание только с А.Кузнецовым.

Однако, даже эта надежда немедленно исчезает, ибо сам А.Кузнецов отнюдь не делает "подобных призывов". Он делает пессимистические выводы о невозможности выхода из "социалистического тупика" /в котором, оказывается, не так уж и плохо/, что становится очевидным в ходе спора "вольных прожектеров". Каждый из этих "прожектеров" не стрицает противников "рыночного регулирования", отнюдь, но пути перехода к нему, выдвигаемые ими, оказываются несостоятельными. А.Кузнецову как будто доставляет удовольствие выявить недостатки любого из предлагаемых вариантов развития, чтобы придти к итоговому: "Когда безнадежность всех этих словопрений по кругу вгоняет в полную меланхолию...", понимаешь, что "бедность не страшна", а переход страны к рынку — безнадежен.

Разберем основные возражения против "оптимистов":

1. Партаппарат никогда не согласится на НЭП.
2. От увеличения эффективности хозяйства лучше не нам, а "коммунистическому спруту".
3. Современные "дельцы", наживающиеся на дефиците и грабящие государство, на деле не способны работать при НЭПе.
4. Переход на "югославский путь развития", введение НЭПа, рыночного хозяйства приведет к неравномерному развитию разных областей страны, к росту материальных различий людей, групп, и самое главное, народов и национальностей в нашей стране, что способно привести к междуусобицам, войнам и распаду.

Похоже, что А.Кузнецову особенно близок последний

довод: худо ли, хорошо ли, но социалистическое руководство обеспечивало спокойствие на огромной территории. Что же будет без него? — Междоусобицы и смерть, что гораздо хуже нынешних хозяйственных неурядиц и подавления свободы. Недаром одна из главок так и называется: "Разве нет ничего хорошего?"

Однако неужели так страшны последствия распада многонациональных империй? — История знает много примеров таких распадов и конечные итоги их почти всегда оценивались народами положительно. Стоило ли освобождаться балканским славянам из-под турок, народам Австро-Венгрии из-под власти Вены? Стоило ли англичанам и французам уходить из своих колоний, опасаясь последующих пограничных конфликтов?

Но посмотрим дальше доводы А.Кузнецова против развития.

"А разве сама по себе возможность безответственно относиться к своей работе не является для многих бесценным благом? Разве отсутствие тревоги за завтрашний день — пустяк? А отсутствие открытого, режущего глаз неравенства?..

Произвол властей часто вызывает справедливое негодование. Но мало кто помнит, что такое произвол и бесчинства толпы, вырвавшейся из-под контроля, на что способны людская масса со столь низким уровнем правосознания, как в России. Много ли изменилось с тех пор, как Гершензон написал в 1909 году, что "мы должны быть еще благодарны этой власти за то, что она своими штыками и нагайками охраняет нас от слепой ярости народа". Тягостный груз бесконечных "нельзя" не спасает ли нас от бомб террористов, похищений, уличной стрельбы?

Да, деспотизм гнетет, но одновременно и защищает. Кто может предсказать, чем обернулась бы либерализация Москвы для поляков Литвы, евреев Украины, армян Грузии, корейцев Дальнего Востока?

Но главное, снова и снова: нет войны.

На огромной территории от Эльбы и Дуная до Аракса и Амура вот уже 33-й год царит почти не

нарушаемый мир. А тот, кто знает нравы населяющих эти земли народов и их давнишнюю рознь, не может не смотреть на столь длительное сохранение мира между ними как на истинное чудо, за которое можно много простить кремлевским правителям".

Столь неожиданный авторский поворот как бы зачеркивает содержание всей книги и вызывает удивление. Это парадоксы бесстрашной мысли, которая в поисках истины дошла до авторского предела, т.е. до внутренне нерешенной, непроясненной для автора темы, до области, где мысль теряется в недоумении: и так, и этак - и правильно, и неправильно.

Да, действительно, подавляющее большинство советских людей сегодня довольно - не конкретной властью, нет, а именно нашим общественным строем, социализмом, его прочностью и устойчивостью. Думается, что в этом - один из источников мучительных противоречий положения нашей инакомыслящей интеллигенции. Но если бы правда заключалась только в этом, если бы выбирать нужно было лишь между интересами довольного большинства и бунтующих диссидентов, то положила руку на сердце, сознаюсь - я тоже заколебался бы... Почему меньшинство должно навязывать свой стиль жизни большинству? С какой стати?

Но в том-то и дело, что наша система противоречит отнюдь не только интересам инакомыслящей интеллигенции. Она противоречит всем независимо действующим людям - во всех группах и классах - от рабочих до крупных чиновников. И потому в конечном итоге она обречена.

Устойчивое и спокойное ее господство - обманчиво. Ее развал неизбежен - об этом свидетельствует исторический опыт многих империй, многих азиатских деспотий, сменяющих периоды устойчивого загнивания на периоды смут и революций...

Не видеть выхода из такого "квазиустойчивого состояния" и ничего не делать - значит, безвольно ждать конца и гибели. Единственный же возможный выход из перспективы повторения смуты и нового, возможно, еще более худшего, сталинизма - это только выход страны из тоталитаризма на путь свободы и рынка. Выход, который

должен начинаться сегодня...

А. Кузнецов знает этот важнейший вывод, но не поддерживает его:

"ЧЕМ МЫ ЖИВЫ.

Скептики склонны утверждать, что нынешнее относительно благополучие не стабильно, что экономика родины социализма год от года сползает к пропасти, что развал системы неминуемо приближается. И хотя все содержание данной книги казалось бы подтверждает их тезисы, есть один весьма важный фактор, который не был здесь достаточно освещен, но которому по силам предотвратить или, по крайней мере, на многие десятилетия отсрочить катастрофу. Фактор этот состоит в том, что вопреки всем экономическим законам, вопреки всеобщей безответственности, уравниловке и приспособленчеству, вопреки бытию, которое должно было бы совсем по другому определить их сознание, открылось целое племя людей, которым просто не нравится плохо работать. Которые органически не могут выполнять порученное им дело небрежно, халтурно, спустя рукава. И хотя число их относительно невелико, рассыпаны они повсюду, на всех уровнях и во всех звеньях производственной структуры, и часто только они и обеспечивают необходимый импульс для движения вперед..."

Получается странная метаморфоза: добросовестные и бескорыстные работники-верноподданные, усилиями которых, действительно, только и жива социалистическая экономика, как связанное целое — оказываются вместе с тем и нашей единственной надеждой /?!\, почти единственным "импульсом движения вперед", развития. Это столь же удивительно, как и заявление, что единственной надеждой крепостнической России являлась не поднимающееся экономически свободное население, а трудолюбивые крепостные, которым нравится хорошо работать и исполнять порученное дело, как бы их не угнетали...

А автор делает вообще странный вывод о том, что поскольку хорошая работа ценна для людей сама по себе, то справедливо, если неработающие и бездари будут ком-

пенсировать свою ущербность и лень - властью и материальными благами:

"Разве нельзя взглянуть на ситуацию по другому? Почему должно быть так, что ленивый, вялый, неспособный оказывается обреченным всю жизнь жить с сознанием своей второсортности? Ведь энергичным и одаренным, как они сами говорят, качественный и эффективный труд приносит удовлетворение сам по себе. Так неужели им же отдавать и дополнительную оплату, и высокие должности? Не справедливее ли оставить им голое удовлетворение, а несчастным, обделенным судьбой лентяям и бездарям скрасить существование окладами, чинами, уверенностью в завтрашнем дне, утешительным лозунгом "дураков работа любит"?"

Легче всего к приведенному отрывку отнестись как к саркастической шутке, но на деле он полон и внутренней серьезности, и потому, я не могу не констатировать: "Автора явно заносит."

Конечно, бескорыстно работающие люди - прекрасны и почтенны. И мы, действительно, сегодня "живы их трудом". Но "жить ими" до бесконечности мы не можем. Мы не можем надеяться на их бессмертие. По самой своей сути эти бескорыстные и безотказные, послушные и смиренные работяги - замечательные рабы. Они очень хороши в свое время, но ведь возможен и иной труд - свободный. Возможно /а может и неизбежно/ наступление и иных условий, иного времени.

Очень странно, что А.Кузнецов сам же забывает о наших современных экономически свободных людях - частниках, приусадебниках, шабашниках и т.д., что возражая диссидентским авторам в их отвращении к частной собственности, он сам оказывается непоследовательным. Рассматривая экономику социализма и перечисляя последовательно А, Б, В, ... Ю, он как бы останавливается перед окончательным "Я" и поворачивает назад. Но тем самым еще рельефнее показывает всю трудность и остроту нашей темы - провозглашения и защиты экономических прав и свобод человека в нашей стране.

Выполнив некоторым образом задачу Адама Смита в

статике, Адам Кузнецов отказался следовать за ним в "динамике", в переходе. Мне остается только пожалеть об этом. Ибо зачем тогда была написана вся книга?

Ее последние страницы, озаглавленные "Чем платят за выбор?" обращены к другим народам, которые имеют возможность проголосовать на выборах за социализм:

"Но если какой-то народ вообще имеет право чему-то учить другие народы, то нечеловеческие страдания, перенесенные русскими за последние 60 лет, дают им безусловное право сказать тем, кто оказался сейчас у такой же развилки: мы знаем, что вас ждет, если вы выберете социализм..."

... И если какой-нибудь народ, подошедший сейчас к моменту выбора - португальцы, итальянцы, испанцы, французы или те, чья очередь наступит позже, - зная весь наш опыт, самоуверенно отмахнется от него, даст себя завлечь в сторону обещанных передовым учением молочных рек и кисельных берегов, их постигнет та же участь."

Конечно, давать уроки для народов мира на нашем примере - дело благородное, но, честно говоря, оно меня мало волнует. Я уверен, что европейцы уроки тоталитаризма усвоили очень хорошо, много лучше нас. Я уверен, что народы учатся главным образом на своей истории. Поэтому книга А. Кузнецова нужна и полезна прежде всего нам, советским читателям. Да и сам автор это чувствует, и поэтому последние слова в ней обращает все же к нам:

"Что же касается нашей собственной судьбы, нашего будущего, нам не остается пока ничего иного, как собирать по осколкам свою недавнюю историю, спасать ее от забвения, анализировать, обобщать и прилагать все усилия, чтобы не дать нашему народу - в который уже раз - закрыть глаза на пройденный путь, на скорбные тени прошлого, на истинную картину настоящего."

Нынешний участок нашего исторического пути похож на дорогу в горах: слева - стена тоталитаризма, справа - пропасть анархии, свернуть как будто некуда. Но ничто на свете не длится вечно.

Рано или поздно пейзаж начнет меняться, и впереди вновь забрезжит развилка, новый поворотный момент. Все, что мы как народ можем сейчас делать – это готовиться к нему, чтобы он не застал нас врасплох, и чтобы не оказались мы столь же политически и граждански незрелыми, как оказались раньше.

Готовиться – а, может быть, по мере сил и приближать."

Нельзя сказать, что авторский голос звучит здесь громко и уверенно. Это связано с его представлением о том, что народ выбирает свою судьбу только в переломные моменты своей истории, в периоды революций /например, для России – 1917 г./:

"В русской истории последний такой поворотный момент выпал на 1917 год.

В течение девяти месяцев – с февраля по октябрь – народы, населявшие Российскую империю, могли выбирать свободно в широком спектре предлагаемых политических возможностей, а потом еще в течение трех лет отстаивать свой выбор с оружием в руках."

На деле же никакого выбора в 1917 году и во все иные радикальные революционные периоды народы осуществлять не могут. В эти "смутные времена" действуют не граждане, а толпы, не разум, а стихия "революционного чувства". События развиваются по извечным схемам колебаний: – революция – реакция, анархия – диктатура. Народ, который допустил в своем развитии революцию, уже не может выбирать – ему впору лишь спасти свое бытие, хватаясь за любую сильную диктатуру, эту политическую предшественницу диктатуры экономической. Таким образом, допустив революцию, народ очень близко подходит опять к социализму.

Нет, иной, настоящий выбор народы способны сделать только в мирное время совей жизни и развития, каждый день выбирая духовную и экономическую свободу, отвергая бездумье и зависимость. Лишь такие народы оказываются достойными "жизни и свободы".

И я верю, что такой выбор будет сделан и нами.

М. Гефтер

ИЗ ПИСЬМА АМЕРИКАНСКОМУ КОЛЛЕГЕ

Публикуя, с согласия М.Я.Гефтера, набросок его письма американскому историку С.Козну, редакция руководствуется желанием раздвинуть рамки *диалога* в широком диапазоне участников и сюжетов. Привлекает внимание и поднятый здесь вопрос о месте отечественного диссидентства в современных мировых событиях: автор отвергает "версию" будто бы безысходного убывания и вырождения инакомыслия в СССР.

... С удовольствием прочитал недавно всю подряд рукопись русского перевода Вашей книги и убедился, что работа эта в высокой степени интересная, притом не только в качестве первой на эту тему и в данном ракурсе. * Не только - и потому сенсационные скороспелки ей повредить не могут. Ибо Ваша привлекает не одной лишь тематикой, но еще больше своей проблемностью: внутренним приглашением к размышлению и спору. Злободневность ее не только в том, что многие из вопросов, разрабатывавшихся Вашим героем и волновавших его, не утратили своей остроты и по сей день, а некоторые /и очень существенные/ обрели ныне вторую молодость. В неменьшей мере актуальна вся коллизия ищущей мысли - ее взлеты и ее спуски, ее победы и ее трагедия. Можно ли объяснить *финал* лишь действием обстоятельств, находившихся *за пределами мысли*? Так думать было бы легче, но вернее ли?

* Речь идет о политической биографии Н.И.Бухарина
/Ред./

Я имею в виду, при этом, не столько судьбу от-дельно взятых идей и концепций, сколько то, что можно вынести за их общую скобку. Именно: движение к альтернативе.

Впрочем, от нынешних злоупотреблений этим понятием оно стало расхожим, самоочевидным, между тем, если оно что-то значит, то не просто выбор между двумя "есть" - двумя наличными возможностями, и даже не только выбор между двумя "будет", двумя "может быть" ; здесь скрыто нечто среднее - и совсем иное ; здесь - выбор между известным и неизвестным - неизвестным в принципе, то есть еще недоступным сознанию, мозгу... Трудно ли, например, выбрать - на словах, разумеется, - жизнь либо смерть? Настоящий выбор, однако, внутри самой жизни. И он заставляет предполагать, что нет одной - единственной Жизни, а есть /множественное число! / ж и з н и . Не-тождественные и не-независимые. Много больше, чем варианты. /Варианты - они по ходу движения, а само движение?/ В границах жизни - к единству неединого, к различиям как закону, праву и смыслу. Поставьте теперь на место Жизни и жизнью - Историю и истории, и это будет в огрубленно-телеграфном виде мой взгляд. В заметках "Россия и Маркс", которые, надеюсь, Вы прочтете, я предлагаю такую - условную-редакцию этого заезженного понятия: историческая альтернатива не означает ничего другого, кроме *разноустраемленности всеобщего человеческого развития : правило, которым исключается и "встречается" всемирное выпрямление...*

Я отдалился от предмета Вашей книги? Мне кажется, что, напротив, к нему приблизился. В судьбе /и за судьбой!/ "последнего большевика" я вижу трагедию альтернативы. Еще не созревшей - и погубленной. Вместе с ней была погублена - распята, затоптана-и альтернативность: потребность и склонность мозга, человеческий облик, характер. Политическая инфантильность Н.И. /я употребляю не свое выражение, а слова близкого к Н.И. человека - прекрасного и справедливого/, эта его человеческая слабость - склонность к совестливой рефлексии, столь - по общему мнению - непригодная в полити-

ке и, действительно, сыгравшая пагубную роль не только в жизни самого Бухарина, — его ли только личным качеством она была, или также производным от "нежности" серого вещества у обыкновенно-незаурядного нормального человека?..

Личные судьбы, конечно же, не только отражение общих — они и преддверие их. Суровая правда истории: *жесты ответственны*, особенно если они взяли на себя ношу лидерства, руководства. И мозг тоже ответственен, и нравственность мозга — не пустой звук!

Вы знаете, что для нас здесь эта тема неугасающая. Отклоняя "суд истории" как нечто предполагающее право иных выступать в роли прокурора, мы освобождаемся и от претензий на адвокатуру задним числом. Не в оценках суть, а в *понимании*. Но в понимании *трагедии*, а не просто зигзага, "временного" отклонения в сторону. Самое сложное здесь — и если бы только для исследователя! — измерить масштаб необратимости происшедшего.

Гибель Бухарина — эпилог поражения Ленина. Это мост к Вашей теме от "моей". И вместе с тем — полагаю — мост ко многим сюжетам с гораздо более конкретным и преходящим /будто преходящим/ содержанием, старым и новым. Сталиным исключалась и альтернатива, и альтернативность как среда, как свойство. Легко ли вернуться к первой, созревшей к 1945-му /и дозревавшей позже — в 56-м, 68-м.../, не возродив второй? Вот наш поворот мировой проблемы: может ли нынешний Мир миров стать — и остаться — Миром-человечеством?!

Для этого, скажете /и говорите/ Вы, нужно время. Время и есть *разрядка*. Это-то и делает ее неумолимой: категорическим императивом 70-х и дальше, сколько видит глаз. Само собой. В этом прежде всего ее смысл. Ведь если даже иные весьма консервативные люди /умные консерваторы отнюдь не лишние/, если даже они понимают, что разрядка — *ныне* — не может ограничиться уменьшением риска ядерной войны, что ограничиться этим также рискованно, как и применять силу в мирной политике, — если к этому пришли умные консерваторы, то как же отставать от них не-консерваторам? Стоит ли им быть глупее?

Но "беда" в том, что у не-консерваторов есть свои заботы, превосходящие сохранение статус-кво. Они потому и не-консерваторы, что стоят за преобразования, за перемены — настолько фундаментальные, чтобы результатами их могли стать заметные и прочие улучшения для большинства, для всех людей, причем такие улучшения, которые не обернулись бы ухудшением условий жизни и жизнедеятельности всех следующих за нами поколений. Пренебрегающий *этим* радикал сегодня хуже консерватора. Доказать это проще простого. А предотвратить? А предложить иной путь — *радикальной умеренности*? Это — просто? Это доступно нынешним мудрецам — экстраполяторам?

Мы уже как будто привыкли жить в Мире предкатастроф. Мы даже приучили себя к мысли, что из каждой, из любой должен быть выход. Должен быть, а стало быть — есть. "Ведь, всегда налицо та или иная возможность". Вся история учит, если она вообще учит /натаскивает, указывает.../ : *не всегда*. Но, может, "человек исторический", собравшись с духом и силами, преодолеет былую свою склонность к импровизации, от которой и многие триумфы его, но и все беды? Нет, вероятнее всего, не преодолеет. Не сможет. Да и если бы смог, остался ли бы человеком? Такой же мираж как и "не-событийная" история, как раз навсегда "осознанная необходимость" в качестве свободы...

Повторяем, убеждаем друг друга: нет выхода у современного человека кроме *выбора*. Выбор — единственная допустимая свобода в Мире предкатастроф. Но разве ими же не сокращается, не сужается до минимума поле, вопреки выбору? Разве ими не диктуется срок: решай пока еще предкатастрофа? Самое очевидное — *это* — оказывается самым сложным, к чему не готов, перед чем пасует мозг.

То, что выше — отчасти заметки на полях Вашей статьи /давнишней — 77-го, но очень своевременной, еще более уместной сегодня/. И не то, чтобы спорю с Вами, и не то, чтобы соглашаюсь. Скорее: заостряю то, что Вы сглаживаете. Ставлю вопросы там, где у Вас ответы.

Две "цитаты" из Вас. Первая /о диссидентах/: мы

должны помнить, что в политической истории бывает так /хотя в истории России и не столь часто/, что ересь гонимого сегодня становится мудростью завтрашнего реформатора. И вторая /о близоруких, склонных привязать американскую политику к "специфическим событиям" или к "выдающимся диссидентам" в СССР/: они - близорукие - втягивают нас в такие сложности, в такую путаницу, которая не поддается контролю, в такие морально неоднозначные ситуации, которые "мы" не в силах разрешить.

Я не собираюсь сталкивать лоб в лоб - эти Ваши соображения и тем паче ловить Вас на несовпадениях. Я предлагаю лишь поразмыслить, откуда они, несовпадения? "Субъективные" - Ваши - или "объективные" - общие, всеобщие?

Предлагаю Вам обсудить следующую "модель". В силу сложной цепи исторических событий и обстоятельств, которые мы оставляем сейчас вне рассмотрения, в некоей стране, в некоем социуме совместились могущество /реальное!/ и груз неразрешенных проблем. Проблем, в отношении многих /и решающих/ из которых трудно, если вообще возможно, утверждать: они разрешимые. Не исключено, что не-разрешимы при данных условиях и обстоятельствах. Не исключено, что не - разрешимы посредством *всех* наличествующих в Мира "рецептов", опытов, прецедентов. Не исключено, что как раз это и более всего другого делает данную страну /в нынешних условиях/ *самой потенциально-альтернативной*. Судьбы Мира оказываются накрепко связанными здесь - и чем? Не просто сочетанием силы и слабости, что само по себе опасно и способно порождать опасные отсрочки и соблазны, но еще и сочетанием того и другого с альтернативностью, не находящей себя : свою суть и свой "статус". Именно - всем этим вместе и в никем не предвиденной пропорции. Из всех проблем самая трудная и наименее доступная - *выбор*. Приступ к выбору. Потребность в нем. Доступность его. Возможность его осуществления способами и средствами, *исключающими катастрофу - не локализуемую катастрофу*.

Не ради осторожности я не называю своим именем страну. "Модель" - не этикетка. Это - гипотеза. Такой

нашу ситуацию вижу я /то, что выше, предельно сжатый тезис и даже короче его/, не исключая других подходов и гипотез, если только они гипотезы, а не вывернутые наизнанку вчерашние прописи и самодовольный оптимизм, выдающий минимально-желаемое за единственную действительность. Вера в "аппаратный прогресс", которой Вы явно отдаете дань, - это, на мой взгляд, даже не увлечение, не инерция вчерашней возможности /особый вопрос : была ли она вчера?/, - это самообман, быстро перерастающий и уже переросший в обман. Даже в банальный.

Вопрос, таким образом, состоит в следующем: если не это, то что *Что* - в качестве способа, делающего достижимым выбор и недостижимой насильственную перетасовку? Ответ - Ваш: ересь сегодня гонимого может стать мудростью завтрашнего реформиста. Прекрасно! Но из этой посылки следуют, по крайней мере, два вывода: чтобы стать такой мудростью, ересь должна быть действительно ересью, а не подделкой под нее, и для этого нужно, чтобы завтра появился реформатор, то есть человек, способный не на паллиативы, а на преобразования, объем и характер которых - открытый вопрос. Итак, снова альтернативность, притом с двух сторон. *От альтернативной ереси к альтернативному реформатору!*

Вы отдаете должное нравственным качествам ряда известных /Вам и Миру/ диссидентов, но, как видно, не очень высокого мнения Вы об их интеллектуальном потенциале, об их реализме и способности противостоять искусствам - включиться в мировую политическую игру, - рассчитывая потеснить "свою" силу посредством чужой и становясь, вольно или невольно, "заложниками" чужой. Этот пункт столь серьезен, что его нельзя обойти. Голое отрицание и эмоции здесь мало что дали бы, как и пережевывание известных и неизвестных фактов. Больше таких фактов или меньше, *они не могут не быть*. Но - почему? Из-за чего?

Я уже сказал выше, что отклоняю превращение истории /старой и самой свежей/ в судилище. К тому же я не диссидент в узком смысле, какой придан этому слову преследованиями и акциями в защиту преследуемых. Я,

если угодно, аутсайдер или по Вашей терминологии - еретик. Я не знаю ответов наперед и пробиваюсь *к вопросам*, всегда готовый сделать посильное, чтобы помочь в этом другим, более молодым, - тем, кто, хотя и не обладает известными именами, но живет /сейчас!/ напряженной и весьма интересной духовной жизнью. Их, быть может, не так много, но и совсем не мало /да и кто считал?/. Их трудно разместить по клеточкам "номенклатур", предлагаемых западному читателю /движение №1, №2 и т.д. и т.п./; в качестве профессионала-историка, надеюсь, Вы не очень доверяете подобным картинкам, хотя они и в чем-то верны, а в чем-то симптоматичны /как не появляться еретическим номенклатурам в номенклатурном социуме с господствующим - номенклатурным-здравым смыслом?!/

Еще раз: я не прокурор, но и не адвокат. Я знаю лично некоторых диссидентов и уважаю их. Я позволю себе произнести имя Ларисы Богораз, в которой вижу образец нравственности, *демократической русской* нравственности, интеллектуальной в такой же мере, как и реализуемой в поступке. Как историк и как современник, я склонен видеть в А.Д.Сахарове не только идеалиста - убежденного, бескорыстного, мужественного, но и реалиста, каким бы странным это утверждение не показалось кому-то, - человека, являющегося живым воплощением потребности, необходимости и даже возможности *выбора* /повторяюсь : единственно возможной свободы в Мире предкатастроф.../. Убежден: существование и деятельность такого человека, "просто" человека столь же *переломни* для нас в 70-х, как на рубеже 50-х - 60-х - деятельность и слово А.Т.Твардовского.

И тем не менее я не отвергаю серьезности и уместности поставленного Вами вопроса. Я даже склонен его заострить. Ибо - если бы даже внешняя политика Запада, особенно США, - *разумная* политика, к какой Вы призываете, и была бы способной облегчить и ускорить процесс "либерализации" у нас /если бы... если бы.../, то никакая политика сама по себе /прямо, косвенно/ не в силах восполнить и заместить собою то, чего нет в ней самой. Нет способности предложить подлинную альтерна-

тиву; действительное *неединое единство* Мира - равновесие развитий; развитие, имеющее исходным пунктом /целью и самоцелью/ различия; развитие различий - обновленных, пересозданных-прежних, "очищенных" от шлаков великодержавия, расизма, своекорыстия, национальной узости, мании исключительности - и совсем новых различий, создаваемых диалогом культур, цивилизаций, миров, региональных и локальных *всеобщностей* /а не просто общностей.../.

Если этого нет в политике /пока? еще нет?/, то может ли она заменить собою нечто, от нее весьма далекое и по сравнению с ней столь хрупкое, как "ересь сегодня гонимых"? А без политики, вне политики удастся ли добиться превращения ереси в "мудрость" завтрашних реформаторов?

Если бы были на эти вопросы готовые ответы, то о чем бы спорить?.. И не отсюда ли диссидентство? И не потому ли столь неоднозначно и оно? И не оттого ли склонно соблазняться доступным, клониться к известному, вроде бы опробованному за счет неизвестного?

Полагаю, что в *этом* смысле феномен диссидентства поистине всеобщий, универсальный. Не берусь судить на расстоянии о непосредственных причинах нынешнего "брожения умов" у вас - по проблемам разрядки /и всего, что около, вокруг нее.../, но так ли конъюнктурны эти причины? Только ли сегодняшние они? Или то, что происходит сейчас, - новое внешнее выявление тектонических сил, пришедших в движение вчера и даже позавчера?.. В моих глазах это испытание *пост-уотергейтской* Америки /не администрации, а именно - Америки/, испытание ее на способность понять мир и принять его - со всеми его коллизиями - в себя. Ибо: человечество - пустой звук, если *все* народы не станут им, человечеством, *внутри себя*.

Станут ли? Смогут ли стать?

Простите, что мое письмо вышло во что-то похожее на исповедание веры. Но не так легко и просто для нас самое простое - сесть рядом, как сидели Вы у меня в гостях, и за чашкой чая излить душу. Нет, дорогой друг, мы все заложники Мира предкатастроф, и не станем

свободными врозь. И если не сумеем сообща преодолеть запрет на вопросы, на само вопрошание — то в лучшем случае будем продолжать балансировать на краю бездны, незаметно соскальзывая вниз. И потому, сдается, нет ныне более неотложной задачи, чем совместное отстаивание права — возможности — условий для выживания, для развития альтернативности серого вещества. Nabeat corpus act — и для него! Самый обычный, непреложный Nabeat corpus, оберегающий неприкосновенность каждого человека, и сверх того — особый всемирный Nabeat..., оберегающий независимость мысли от монополистских претензий, от снисходительного равнодушия, от пошлого третирования "утопистов", "смешных" одиночек, этих новых "лишних людей"... Не думаете ли Вы, что мудрости завтрашнего реформатора противостоит ныне /как мнимая перспектива, квази-выбор!/ даже не тот или иной прямой возврат, даже не та или иная голая попятность /неосталинистская ли, неомаккартистская ли/, а импровизация, ведущая *никуда*, а потому гибельная для *всех*? Возможно, не "голый остров", но лучше ли?..

Вопрос вопросов — как избежать этой "морально неоднозначной ситуации", которую мы не в силах будем разрешить? /Я снова Вас цитирую, но на сей раз объединяю словом *мы* и вас, и нас, всех/.

... Я начал писать Вам это письмо 21 июня, а кончаю 22-го. Памятные дни. В 1941-м Вам было, если не ошибаюсь, три года. А я, моя жена и мой друг, погибший на войне, готовились к последнему выпускному экзамену за университет. Теперь мы сравнялись — не годами, разумеется, и даже не опытом, а ответственностью.

На днях перечитывал письма Томаса Манна. Посмотрите написанное им 15 мая 1941-го Вашей соотечественнице. Там есть прекрасные строки и верные мысли. Он пишет Агнес Э.Мейер : "Как приятно слышать Ваши уверения, что мы понятия не имеем о том, что произойдет. Повторяйте их как можно чаще; я пью их, как сладкое вино. Однако в Вашей фразе "Полагайтесь на Америку в мрачные часы!" есть какая-то логическая погрешность. Ведь мрачные часы — это как раз часы сомнения..." И — в конце письма: "Я не требую "любви к отечеству". Но

я требую порядочности и глубокого уважения к великим решениям человечества".

Разве не об этом идет речь сейчас?...

Москва, 21 июня 1978 года

**ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
журнала "ПОИСКИ"
ПРОДОЛЖАЮТСЯ
ЗАЩИТИМ
Валерия АБРАМКИНА!**

В апреле 1983 года осужден на повторный трехлетний срок заключения (по ст. 190—1) один из редакторов свободного московского журнала "Поиски" — Валерий Абрамкин. Этот негнбимый, честный, обаятельный человек, искрящийся доброй улыбкой и глубокой человечностью, душевной теплотой и творческими замыслами — вновь за колючей проволокой. Мы знаем, что Валерий Абрамкин рассчитывает пройти все испытания без моральных потерь и без компромиссов со своей совестью, но знаем также, какой ценой достаются эти "адовы круги"...

Мы обращаемся ко всем, в ком теплится хоть малейшая воля к добру, с призывом поднять свой голос в защиту Валерия Абрамкина и сделать все возможное для того, чтобы не продлевать адские муки повторного срока. Помните, что В.Абрамкин отдал свою свободу за свободу слова, поэтому борьба за его освобождение — это одновременно борьба за наше с вами право думать и писать...

В последние годы стало уже нормой не выпускать политзаключенных на волю после отбытия лагерного срока. Это красноречиво свидетельствует о том, что повторные сроки — не пустая угроза, а целенаправленная, продуманная, даже неприкрытая политика, политика расправы за взгляды, за свободомыслие, политика изоциренной пытки. Вместе с тем — это симптомы возврата к мрачным временам превращения свободомыслящих людей в пожизненных политкаторжан.

Люди ! Поднимите свой голос против подобного ПРОИЗВОЛА !

Издательство "Поиска"

ИНТЕРВЬЮ ЧИТАТЕЛЯМ "ПОИСКОВ"

Пользуясь случаем, мы выражаем признательность нашим коллегам (это не оговорка: читатель самиздата, как правило, не просто потребитель печатной продукции, но соавтор, соредактор, а уж соиздатель наверняка) за неблагодарный труд по вытягиванию ниточки смысла из спутанного клубка многочасовой беседы. Именно оперативность наших интервьюеров позволила включить этот материал в данный номер "Поисков", работа над которым в момент интервью была уже завершена. К сожалению, мы не можем (по вполне понятным причинам) назвать здесь имена наших коллег (в тексте — К.Р. и К.М.), взявших и подготовивших к печати это интервью.

Петр Абовин-Егидес, Валерий Абрамкин

К.М. События последних месяцев не могут не вызвать беспокойства за судьбу "Поисков", в особенности у тех, кто является постоянным читателем и почитателем журнала. Сообщения о преследованиях сотрудников журнала идут так густо, что кажется обоснованным прогноз: "Поиски" выходить больше не будут. Прежде всего хотелось бы узнать истинное состояние дел, разумеется в тех пределах, в которых это не повредит журналу.

П.А.-Е. Я думаю, не имеет смысла повторять все, о чем говорилось уже в наших заявлениях, поэтому постараюсь обойтись без подробностей. Перманентная война, которую власти ведут с правозащитным движением, со свободомыслием, после Хельсинкских групп, приняла ныне особо ожесточенный характер в отношении самиздата, свободных периодических изданий. Цель, которую поставили себе власти на этом этапе, видна невооруженным глазом: расправиться с вольным словом, неподцензурной печатью, блокировать распространение неугодной информации, исключить всякую возможность творческой работы для людей, не подчиняющихся диктату государственной идеологической доктрины. Методы, которыми ведется эта война, хорошо прослеживаются на примере нашего журнала. После январских обысков и конфискаций последовали вызовы в прокуратуру членов редколлегии и ее со-

трудников. Не предъявляя нам никаких законных оснований для преследования, работники прокуратуры обрушились на нас с угрозами. В апреле против журнала возбуждено "уголовное дело" по обвинению в распространении заведомо ложных клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй". Характерно, что ни одного примера не то чтобы ложной, а хотя бы неточной информации, содержащейся в "Поисках", следствие так и не смогло привести. Были и попытки объявить одного из нас заложником за выход 6-го номера. В своем заявлении редколлегия "Поисков" отвергла наглый шантаж, подтвердив, что все члены редколлегии несут неразделимую ответственность за материалы, помещаемые в журнале. Затем последовали новые обыски, конфискации, вызовы в прокуратуры. Теперь "беседы" проводились не только с членами редколлегии и сотрудниками "Поисков", но и с авторами журнала, нашими друзьями и близкими, просто знакомыми, фамилии которых выуживались из наших записных книжек и данных наружного наблюдения. Их пытались превратить в сексотов, пытались запугать, чтобы таким образом оказать психологическое давление на нас.

Применяются и другие меры воздействия: увольнение с работы, обыски на улицах без всяких санкций и законных оснований, аресты на 15 суток по откровенно сфабрикованному обвинению, выключение телефонов, угрозы возбудить дело о "тунеядстве", угрозы прямой физической расправы "без суда" и т.д. Можно ли в условиях подобной "осады" нормально работать, писать, редактировать, шлифовать материалы, собираться для обсуждения очередного номера?

В одном из недавних заявлений мы упомянули, что в результате незаконных акций власти редколлегия "Поисков" понесла материальный урон в 15 тысяч рублей. Но в каком выражении измерить похищенные у нас материалы редакционного портфеля, личные архивы, наброски и черновики к будущим книгам, статьям?

Ответить конкретно на вопрос о наших планах пока не могу, но будем надеяться, что этот конкретный ответ вы получите в самое ближайшее время. (Впрочем, тыфу, тыфу, тыфу, как бы не сглазить).

К.Р. Прошлой осенью, близкие к журналу люди, не дочитав одного номера, узнавали о выпуске следующего. В последнее время (кажется, уже более полугода) вместо очередного номера мы

читаем лишь заявления о преследованиях редколлегии и ее сотрудников. Невольно возникает вопрос: только ли в гонениях на журнал дело? Смогли же вы в марте, уже через месяц после разгрома, выпустить конфискованный пятый номер, а ведь тогда и обысков было больше и наблюдение пристальнее. Может быть, такая обстановка вызвана причинами внутреннего характера, скажем, недостатком материалов, внутриредакционными разногласиями и т.п. Я специально ставлю вопрос в такой заостренной форме. Мне кажется, мы мало внимания уделяем анализу причин, по которым прекращаются самиздатовские периодические издания, относя все на счет КГБ. Но такой анализ необходим и прежде всего для того, чтобы реально оценить возможность существования в СССР неподцензурной прессы, т.е. важно учитывать не только объективно существующие внешние условия (репрессии за всякую попытку реально использовать право на свободу слова), но и потенциальные возможности демократического движения, не только творческие, а тактические, организационные, технические, если хотите.

В.А. В последние два года выходило около двадцати самиздатовских журналов. Перечисляю названия только тех, что могу вспомнить сходу: Хроника текущих событий, Хроника литовской католической церкви, в Ленинграде журналы "37", "Весы", "Ча-сы", "Община". да еще "Евреи в СССР", "Воскресенья", "В защиту экономических свобод", ну и чтобы замкнуть первую десятку — наши "Поиски". . . Вроде бы немало. Но вспомним о тираже — это, как правило, десять, двадцать экземпляров.

В одной фразе вы соединили "неподцензурную прессу" с "техническими возможностями", и речь идет, по-видимому, об изданиях с тиражом несколько сот и даже тысяч экземпляров. Такой неподцензурной прессы у нас нет. Может ли она появиться в ближайшем будущем? Вообще-то, я оптимист и считаю, что вопрос о технической стороне массового тиража самиздата будет скоро решен. Для конкретности назову срок в пять лет. Нет, нет, упаси Бог, я не имею в виду подпольные типографии или организацию зарубежного центра наподобие большевистской "Искры". Времена, да и условия не те, что даже при царе-батюшке были, это и самому разоптимисту ясно. Также наивно уповать на ближайшие в области свободы информации перемены. Но есть вещи, которые никакое КГБ не остановит. Чтобы было понятнее, сошлюсь на близкий мне пример. Неподцензурные песни существовали у

нас и в пятидесятых годах. Взрыв же в песенном движении, в деле распространения этих песен произошел в начале 60-х годов, когда появились доступные для обычного человека записывающие устройства. Квартиры, на которых пел Галич, вмещали от силы 20-30 человек, а записи его песен, благодаря т.н. магнитофонщикам, расходились сотнями копий.

Даже по международным выставкам, которые происходят у нас, заметен прогресс существенный в области множительной техники. Сейчас появились устройства размером в толстую книжку, удобные в обращении и не требующие специальной подготовки, которые позволяют изготавливать неограниченное число копий с печатного материала. В том, что через несколько лет такие устройства станут для нас не менее доступными, чем, скажем, японские магнитофоны, я не сомневаюсь. Уже сейчас, когда власти сверхжесточенно бдят за ксероксами, черный рынок наводнен ксерокопиями редких книг, и если "Архипелаг ГУЛаг" в виде машинописной копии или западного издания почти не встретишь, то ксерокопия книги Солженицына — вещь, по крайней мере в Москве и Ленинграде, вполне доступная. Так что не наше это дело — техническая сторона. Немного терпения, придет время, и каждое самиздатовское (и не только самиздатовское) произведение будет расходиться таким тиражом, какого заслуживает с точки зрения читателя. Прикрыть этот поток власти будут не в состоянии, точно так же, как ничего они сделать не смогли с песенным самиздатом. Можно ли представить, чтобы изъятиями или какими другими мерами был бы нанесен сколь-нибудь существенный урон распространению неподцензурной песни?

В то же время, техническая сторона — дело существенно, но не главное. Если продолжать ту же аналогию с песенным самиздатом, то без ведущих бардов (Галич, Ким, Окуджава, Н. Матвеева, Высоцкий и др.), без людей, которые устраивали их выступления, организовывали записи и перезаписи, наш фонсконтинуум, в лучшем случае, был бы заполнен битлами и рок-музыкой.

Процесс духовного, религиозного, культурного возрождения, начавшийся в России с середины пятидесятых годов, не так уж гладно протекает, болезненно, с трудностями и срывами. Но именно этот процесс является содержанием последних десятилетий, и без него все технические достижения и предоставляемые возможности ничего не значат. И роль свободной прессы. Я не хочу сказать, что свободные журналы, выставки, дискуссии, семина-

ры воспитывают нам талантливых поэтов, проповедников, художников, писателей, публицистов и ученых. Путь Мастера не этими внешними обстоятельствами определяется. Но если говорить о рациональном возрождении, то оно не только от отдельных фундаментальных достижений зависит, но связано и с широким общественным движением.

Процесс духовного развития только с осуществлением ступенечек, по которым мы поднимаемся, делает его устойчивым. Что может здесь самиздат, неподцензурная периодика? Помочь восстановлению связей и ниточек преемственности, формированию школ, направлений, традиций, появлению тенденций общественного развития, помочь связать в единую картину разрозненные фрагментарные части культурного процесса, не говоря уже о самой видимой задаче: попытаться сделать все это достоянием гласности, национальным достоянием. По силам ли это нашей свободной прессе? Кто читает эти десятки экземпляров? Мне не хочется повторять в манере расхожей мудрости: "Всему свое время", говорить о том, что это необходимый этап. Мы, действительно, делаем все, что можем на сегодняшний день. "Другие, — как сказал когда-то Богданов, — возможно сделали бы это лучше, талантливей нас, но этих других приходится ждать."

К.Р. Аждемся мы этих других? Что-то в последнее время все чаще приходится слышать о том, что демократическое движение исчерпало свои возможности, И действительно как-то тише становится, глуше . . .

В.А. Десять лет назад я просиживал ночи в подвале с кобальтовым источником и на старенькой лабораторной "Оптиме" выстукивал до утренней никотиновой одури: "А король-то голый!" Что изменилось с тех пор? Наши реальные короли, в отличие от андерсоновских, продолжают разгуливать нагишом и утверждать, что костюм их в полном ажуре. Конечно, можно бы попробовать кричать громче, или организовать "хор мальчиков". Ну, прицепят они к своему "платью" какой-нибудь затейливый бантик, настроят еще лагереи и психушек. Я думаю, что не демдвижение кончилось, а исчерпал себя один из способов действия, какой-то период развития, который можно назвать условно "эпохой мальчиков". Пришло время заняться п о и с к а м и , изучением свойств той странной материи, которая, с одной стороны, не существует, а с другой стороны, очень даже восхитительно существует. Многое из присходящего сейчас в области, независимой от опеки государ-

ственной идеологии, не так заметно взгляду, жаждущему быстрых перемен и скорых решений. Но "тише" и "глуше" не всегда значит несущественней. Не будем гадать, чем все это кончится, оценивать сегодняшние действия в зависимости от прогнозируемого на их основе результата — неблагоприятное занятие. Сошлось только на один пример, который привел мне недавно в частной беседе молодой художник православной церкви. Представьте себе Русь середины XIV века. Утвердившаяся среди татарского разгрома бездуховность, разрозненность и беспорядки, раздавленная русская культура . . . (Я думаю, нам, сегодняшним, несложно вот так все себе представить). Так что бы вы предпочли делать? Обличать нравы современников? Ходить по земле русской и призывать к борьбе? Но вот перед нами пример другого рода. Преподобный Сергей Радонежский уходит из мира и начинает жизнь пустынника. Проходит время, исполняется святое откровение — в обители община многочисленная, как стая птиц, — чем не дружина? Но образ жизни Сергия почти не изменился, разве что он чаще покидает обитель, исполняя поручения митрополита Алексия, примиряет враждовавших князей. И разве нет его заслуги в том дне, когда все сами взялись за оружие, в том долгожданном дне, когда он благословил на борьбу с Мамаем великого князя Дмитрия Ивановича: "Иди, иди, князь, и надейся на помощь Божию", и дал ему в сподвижники двух иноков — Пересвета и Ослялю . . .

П.А.-Е. Иначе говоря, всякому массовому движению (в том числе и исключаящему вооруженную борьбу, на чем мы стоим) предшествует период теоретическо-идеологической подготовки. В этом по сути и заключен смысл самиздатовской литературы, в том числе и "Поисков". Особая важность этой подготовки состоит в том, чтобы движение в критический момент не было застигнуто врасплох, чтобы имело не только негативную программу ("против чего"), но и позитивную программу ("за что"), иначе оно может обернуться междоусобной резней.

К.М. Мне бы хотелось в связи с этим коснуться вопроса о роли в подобной подготовке и в жизни самиздата такого феномена, как "Метрополь". Не находите ли вы, что имеются какие-то параллели в судьбах "Метрополя" и "Поисков"?

П.А.-Е. Думається, что тут не только параллели, а и нечто общее имеется. Во-первых, и там и тут имеем дело с тем, что люди замахнулись на цензуру явочным порядком. Во-вторых, и матери-

лы "Поисков" и художественные ткани "Метрополя" — это приговор тоталитарному режиму. Конечно, каждый в отдельности рассказ или каждая повесть, помещенные в "Метрополе", могли бы быть напечатаны и в подцензурных изданиях: вкрапленные в серии "идейно выдержанных", полулакировочных сичинений, эти художественные зарисовки нашей были, нашего социального бытия, к а к о н о е с т ь , несмотря на свою кажущуюся разншерстность, не являются случайным конгломератом: альманах имеет единый стержень, который можно назвать "С м е р т ь ц е л и". В "Метрополе" по существу п о к а з а н о , к какому духовному убожеству, к какой нищете чувств, к какой "тяготе" мы пришли в конце нашего 60-летнего пути. П р и ч и н у этого и стараются обнаружить "Поиски", узревая ее в тоталитаризме, в моноидеологичности.

И если бы метропольцы остались верны своей антицензурной позиции, то это было бы для нас, поисковцев, огромным подспорьем, равно как и для потенциальных антицензуристов в нашей литературе, что весьма важно для всего будущего России. Если же, паче чаяния, многие метропольцы попадутся на удочку интриг (метода "кнута и пряника") литературных функционеров и окажутся рассеянными, если сдадут позиции, если не будет в ближайшее время второго выпуска "Метрополя", если "Метрополь" умрет, то это надолго парализует начавшееся а н т и ц е н з у р н о е движение, которое является важным звеном в демократическом движении в целом.

К.Р. Но вернемся к "Поискам", к перспективе их дальнейшего существования . . .

В.А. Вы затронули вопрос о перерыве и регулярности выхода нашего журналах. Здесь стоит внести некоторые уточнения. Еще в самом начале мы рассчитывали выпускать 4-6 номеров в год, но и тогда речь шла не о строгой периодичности, вроде того, что журнал будет выходить раз в квартал или раз в два месяца. Кстати в 78-м году между первым сдвоенным номером, вышедшим в мае, и следующим, 3-м номером в ноябре, тоже был полугодовой просвет. Есть, правда, существенная разница в ситуациях этого и прошлого года. В 78-м году мы испытывали недостаток в хороших материалах, и только после того, как первый номер достиг читателя и, соответственно, нашего потенциального автора, положение изменилось. 4-й номер был готов через месяц после 3-го (10 декабря). 5-й должен был выйти в середине января, но

тут произошла задержка, оказавшаяся для нас роковой. 25 января, в день завершения работы над номером, прокуратура провела обыски на квартирах сотрудников журнала и конфисковала весь подготовленный к выходу тираж. . .

К.М. То есть, время и место для нанесения удара было выбрано поразительно точно. . .

П.А.-Е. Ничего удивительного. Наш журнал л е г а л ь н ы й : мы его издаем открыто, объявив состав редколлегии. Кстати, если бы после того, как мы объявили о выходе нашего легального и в то же время свободного журнала, власти попросили нас вежливо, по-джентльменски дать им почитать журнал, дать им возможность познакомиться с его содержанием, мы бы это сделали. Но они предпочли этому варварский налет и насильственный захват журнала. Почему? Просто из-за невоспитанности, бескультурья, из-за привычки к насилию? Из-за безнаказанности? Или из-за всего этого вместе взятого? Привыкшим к насилию в голову не приходит, что можно действовать иначе, что есть на свете иные способы.

К.Р. А не кажется ли вам, что в наших условиях такая открытость и легальность несколько наивна? И можно ли считать такую тактику верной, понимая, в каких условиях мы живем?

П.А.-Е. Думаю, не в наивности дело. Легальность, открытость — это не вопрос тактики, а фундаментальный принцип демократического движения. Мы действуем в рамках законности, на основании Конституции СССР, международных соглашений и пактов, подписанных и нашим правительством. Но не грех помнить, с кем мы имеем дело.

В последние годы представители властей на самом высоком уровне заявляли, что за мысли у нас никого не судят, стало быть, что оппозиционная мысль не преступление, что судят лишь за преступные действия. Но журнал, как известно, есть орган мысли, есть способ существования мысли. Суждение же, что мышление есть тоже деятельность, что свободное слово есть тоже дело — в ю р и д и ч е с к о м п л а н е несостоятельно: тогда стирается грань между действием и мыслью и открывается путь для ликвидации свободы мысли и свободы слова. И можно ли верить декларациям руководства страны, что оно не будет больше преследовать за мысли, если прокуратура своими варварскими акциями действует вразрез с этими декларациями? И не превращаются ли в этом случае следователи из ищущих истину исследователей в

преследователей?

В "Правде" не так давно было опубликовано сообщение о том, что представители СССР, УССР, БССР подписали в ООН (ЮНЕСКО) документ, в котором предписывается странам, его подписавшим, организовать вузовское и вневузовское изучение курса "Права человека". Наш журнал ставит своей целью, в частности, и распространение знаний как о самих правах человека во всех сферах социальной жизни, так и о нарушениях их, равно как о необходимости преодолевать эти нарушения. Пресечение же властями этого благородного дела ставит под сомнение искренность указанных выше подписей и заставляет полагать, что перед нами очередное очковитительство, обман общественного мнения в мире.

В Китае и то порой разрешаются дацзыбао, в которых диссиденты критикуют верховное руководство, его политику и даже военные акции, предпринимаемые им. А у нас, где объявлен "развитой (!) социализм", и к 80-му году обещан "коммунизм", иначекомыслие возведено в ранг преступления! Это же несусветный позор!

Разгром 5-го номера "Поисков" — не исключение, а правило для наших карательных органов: аналогичная акция была принята не так давно и против журнала "Евреи в СССР". Как нам стало известно, на допросах в прокуратуре, еще в 1976 г. возбуждено уголовное дело против "Хроники текущих событий". Громили свободные периодические журналы и в прошлые годы. Стало быть, власть ведет перманентную войну с Мыслью, с Культурой.

Таким образом, предельно ясно, что не редколлегия журнала совершает преступление, а те, кто преследуют оппозицию, репрессировывают правозащитников, отказываются отменить как позор России антиюридические статьи 70 и 190-1 УК РСФСР, отказываются амнистировать политзаключенных, отказывают крымским татарам в возможности вернуться на их исконные земли, и кто совершает другие антиконституционные, антидемократические (а стало быть, антисоветские, антисоциалистические) акции, которые в нашем журнале лишь критикуются.

И обратите внимание, какая происходит "метаморфоза". Мы выступаем открыто, не скрывая ни своих убеждений, ни своих фамилий, более того, объявляем, что готовы предоставить место в нашем журнале и защитникам официальной идеологии (причем не

только цензурировать, а и редактировать их материалы не стали бы). А что же "блюстители законности"? Даже фамилии свои называть побоялись, когда проводили обыски у нас (только работник прокуратуры, выполнявший чисто секретарские функции, предъявлял свое удостоверение!) А как же насчет предложенного нами диалога? Да никак. Сосредоточили в своих руках чудовищно-огромный пропагандистский аппарат, а в открытый спор вступить не решаются, и не решатся: по существу им нам нечего возразить. Единственно на что они способны, так это стряпать грязные пасквилы на диссидентов, где ложь на лжи нагромождена, благо в их руках типографские станки. И действуют, как грабители . . . Совсем недавно я чисто случайно узнал, что еще 15 мая был изъят у моей знакомой весь мой многолетний архив, в нем содержались материалы для книг, которые я собираюсь написать, когда появится необходимое для этого свободное время . . . Это самый большой удар из всех, что обрушились на меня за последние годы . . .

Причем архив был изъят без предъявления ордера, без составления протокола — описи содержимого. Лишь на следующий день вызвали эту женщину и составили протокол-опись. Но и опять допустили произвол: копию ей на руки не дали. К тому же предупредили, чтобы она мне об этом злодеянии — об изъятии архива — не говорила. Так она, запуганная, и сделала. Таков наш "новый человек". И ведь не какой-то там малограмотный она человек, а образованный, читающий. О Боже, когда же наши "образованные" изживут в себе рабскую психологию? Ведь пора же, черт побери, давно пора! И пока это не произойдет, удушение мысли будет продолжаться!

Я уже не говорю о шпионаже, филерах, стукачах, подслушиваниях телефонных разговоров. Кстати, и действуют они порой как мелкие воришки. На обыске у Владимира Гершуни, кроме того, что забрали по протоколу, было у к р а д е н о, как он обнаружил, несколько ценных книг. И это не единственный случай. Например, при обыске у художника Сысоева исчезла записная книжка с вложенными туда деньгами, как он утверждает.

И тем не менее уходить в подполье мы не собираемся: почему мы, действующие конституционно, а рамках законности, должны конспирироваться? Правда, учитывая уже собственный опыт, мы вынуждены принимать определенные меры предосторожности.

К.Р. Ну вот именно это я и имел в виду, говоря о необходимости конспирации. При таких действиях властей вы не имеете права беззаботно относиться к судьбе врученных вам рукописей. Вы помните, наверное, о трагической гибели Мельника, покончившего с собой после изъятия книги, над которой он работал всю свою жизнь.

В.А. Безусловно. Пока не вышел номер, пока не прошло время критическое для той или иной, имеющейся в редакционном портфеле работы, мы обязаны принять меры, чтобы уберечь все это от современных геростратов. Но Петр Маркович абсолютно прав: в этом случае речь идет не о конспирации, не о нарушении фундаментального принципа открытости, а о мерах против беззакония. Нашим долгом является также сохранение тайны псевдонима, тайны источника информации, сохранение в тайне сотрудничающих с нами людей, когда просьба о неразглашении исходит от автора, сотрудника или от человека, передающего нам информацию. Правило, естественное для любого журнала, где бы он ни выходил, для наших же условий вдвойне обязательное. Не всегда, правда, это получается: ведь в руках КГБ все современные технические средства для шпионажа и слежки.

Меры против беззакония мы принимали (вы помните, что 5-й номер "Поисков" вышел через три недели после конфискации его тиража и материалов редакционного портфеля) и будем принимать. С очередного номера "Поисков" перестают указывать состав редколлегии и сообщать об изменениях в ее составе. Но меры по сохранению материалов до выхода их в свет и распространения, как и вся правозащитная деятельность, направлены лишь против беззакония.

К тому, что сказал Петр Маркович, мне хотелось бы добавить — "поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, ибо они в Боге содеяны"...

К.Р. Простите, что я опять вас перебиваю — не могу удержаться от замечания. Путь-то этот известно куда идет: в тюрьму, в психушку, в лагерь. Не слишком ли большая жертва, не дорога ли цена?

В.А. В классических рамках принятие жертвы предполагает прежде всего ситуацию выбора и осознание человеком, как той цены, которую он платил, так и того, что он может получить. У Толстого и Достоевского мы таких классических ситуаций найдем сколько угодно, но попробуйте их выскрести у Солженицына.

И дело здесь не в особенностях творческой манеры, а в коренном отличии данной им реальности в "Архипелаге" — отсутствие даже видимости целесообразности, смысла в происходящем, так что на каждой странице возникает страшное чувство нереальных событий, судеб, людей (и без этого чувства книгу было бы невозможно читать, если совсем наша душа не загрубела). Перебирая все это не в категориях национальной жертвы, а идя от жертвы личной мы должны признать полное отсутствие последней. Какую цену и за что платили миллионы туземцев Архипелага, о какой ситуации выбора можно здесь говорить. Ну хотя бы в том эпизоде, где девушку забирают прямо со свадьбы, в "черном воронке" урки снимают с нее туфли и подвенечное платье, у конвойных меняют все это на спиртное, насилуют ее, а офицер НКВД объясняет все происходящее нехваткой машин, из-за чего не могут возить женщин отдельно от мужчин. Океан абсурда, захлестнувший нашу страну, не мог быть придуман писателем, каким бы талантливым бы он ни был. Гениальные в своей жуткости творения Кафки покажутся на берегу этого океана наивными и смешными. Стоит ли всерьез принимать какого-нибудь высокопоставленного паяца, вроде Крыленко, за демонического злодея? Фауст хоть знал, за что продает душу дьяволу, а за что выплясывал это шут гороховый на трибуне Съезда Советов, требуя смертной казни для двенадцатилетних (!) детей? За девять граммов свинца в затылок, которые и получил через 4 года. Кстати, опус Крыленко "Ленин о судах" следовало бы признать вершиной искусства абсурда. Александр Исаевич в "Архипелаге" даже не добрался до этой вершины, настолько широк был у него выбор.

"Реальность" сегодняшнего дня отличается от "реальности" времен, описанных Солженицыным, разве что меньшим потоком крови. За что платят безразличием, бездуховностью и одеревенением миллионы наших соотечественников, вся жизнь которых — валяние дурака на службе, выстаивание в бесконечных очередях за накрахмаленной колбасой (и та в радость, когда появится в магазине) да вечные склоки вокруг очереди на квартиру (а для того, чтобы в очередь встать, надо иметь меньше пяти метров на душу)? Можно ли всерьез говорить о жертве, когда за право на любимую работу мы должны платить — вначале формальным принятием навязанных оценок и суждений, заменой ими в конце концов своих собственных, а что дальше? Деградация и духовный распад. И чем после этого будет самая любимая работа?

Не между добром и злом идет сейчас борьба, эта попытка вырваться из Хаоса, в котором нет ни Бога и дьявола, ни правды и лжи, ни трагедии и Катарсиса, ни самих добра и зла. Это борьба за право на выбор, за "потерявшие значения слова и предметы", за право на жертву, на самую нормальную человеческую жизнь, в которой отнюдь не гарантировано счастье, устроенность, "светлое будущее", и в которой человеку хватит бед и трагедий, нормальных бед и трагедий . . .

Если рассматривать жертву диссидента по ее внутренней значимости, не так уж она и велика, и основана на естественных человеческих стремлениях. На сострадании, сочувствии ближнему, на стремлении к счастью не такому, каким нам его навязывают, а каким мы его сами представляем, на потребности к самовыявлению, потребности в любви, в конце концов.

Непомерная плата, что ждет нас за естественные для человека поступки, придает этой жертве зловещую значительность. Я имею в виду не только неизбежные житейские трудности, неустроенность, не только перспективу ареста, но и ту боль, страдания, неприятности, на которые мы обрекаем своих близких (а ответственности за это с себя никакой естественностью стремлений не снимешь). В лагере жизнь политзаключенного просто невыносима не из-за лишения свободы, а из-за непрерывных издевательств и унижений администрации . . .

К.М. Если продолжить тему взаимоотношений с беззаконием, то как вы считаете нужным вести себя на допросах?

П.А.-Е. Я не считаю, что в любом случае надо отказываться от дачи показаний. Если речь идет о действительно преступных, действительно уголовных, антизаконных действиях кого-либо, показания, думаю, давать следует. Но следователь должен р а н ь - ш е о б о с н о в а т ь (д о к а з а т ь) , что дело, по которому он желает получить показания, является п р е с т у п н ы м хотя бы по нашей конституции и уголовному кодексу (я говорю "хотя бы", ибо всем ведомо, что оба эти документа содержат много антиюридического, антидемократического).

Иначе говоря, не я, вызванный к следователю, скажем, по делу о нашем журнале, должен доказывать невиновность, некриминальность "Поисков" — он мне должен доказать преступность журнала, — и лишь тогда я обязан давать показания. Но давайте посмотрим, сможет ли он это доказать, хотя бы в принципе.

В "Поисках" приводятся ф а к т ы , как правило, известные

всему миру. Например, что на "выборах" в любом бюллетене значится о д и н к а н д и д а т на одно депутатское место; что у нас однопартийная система, что рабочие не выбирают заводскую администрацию, что не они, а назначенная сверху администрация решает дела на производстве, что, стало быть, лозунг Октябрьской революции "фабрики — рабочим" не осуществлен, что колхозы не имеют права устанавливать цены на свою продукцию и, таким образом, не пользуются правами кооперативных хозяйств, что у нашего профсоюза нет права объявлять забастовки, нет эффективных средств для защиты интересов трудящихся от работодателя, что уже не один год в провинциальных магазинах нет мяса, что изнурительные очереди — долготелая черта нашего образа жизни и т.д. Клевета, как известно, содержит измышление "фактов", ложь. Но разве в том, что я перечислил, есть хотя бы один придуманный факт? Ну, а то, как тот или иной человек о ц е н и в а е т или н а з ы в а е т всем известную, невымышленную совокупность фактов — это уже его личное дело, а не очернение. Так, наши власти называют (расценивают) всю совокупность вышеперечисленных фактов демократией и социализмом (социализмом называют наш строй и ряд диссидентов, хотя ценностное отношение к нему у них разное), а сторонники демократического социализма, к которым я себя отношу, расценивают (называют) все это как тоталитаризм, антидемократизм). Власти говорят, что мы порочим этим наш общественный и государственный строй — мы же говорим, что власти порочат этим самое суть демократии и идею социализма. Кто из нас прав, зависит от того, какой смысл вкладывается в термины "демократия" и "социализм", от объема и содержания этих понятий. Но никому, кроме адептов тоталитаризма, никогда в голову не придет считать криминалом т о л к о в а н и е какого-либо термина, понятия: тогда развалится всякая юрисдикция, всякое право.

Помещенные в журнале "Поиски" статьи (даже неприемлющие идею социализма) и приводимые в нем правозащитные материалы не противоречат УК и Конституции, ибо не наносят ущерба ни интересам народа, ни социализму: социализм, если он подлинный, демократический, предполагает диалог, дискуссию, нуждается в них, нуждается в выслушивании различных точек зрения, различных социальных концепций (в том числе и антисоциалистических), предполагает соровнование умов и различных мировоззрений, предполагает, что с идеями надо бороться идеями же, логи-

ческими обоснованиями, а не запретами, не различными "табу", не оружием, не репрессиями, не попиранием элементарных прав человека. Свободная литература (в том числе весь самиздат), как и правозащитное движение, по сути своей не могут нанести ущерба народу, стране, обществу, действительному социализму, а наоборот, могут принести им только пользу.

Заведя "дело" против "Поисков" и устроив разгром его 5-го номера с конфискацией всего тиража, власти совершили очередное злодеяние, очередную акцию в цепи перманентной войны их с МЫСЛЬЮ, а не с преступными действиями.

Наши преследователи говорят: у вас нет разрешения на издание журнала. Но ведь нет такого закона, который предписывает необходимость испрашивать разрешение на изготовление и распространение рукописного журнала. Пишущие машинки и бумага продаются у нас пока свободно. К тому же, общее разрешение "свободно излагать свои мысли" зафиксировано в конституции. В виду всего вышеизложенного я имею основания отказаться от дачи показаний по журналу "Поиски".

Что же касается моих собственных взглядов, то они изложены в моих статьях в журнале "Поиски", и о них показания я тоже стал бы давать, лишь если бы мне доказали, что они криминальны, но таких доказательств в природе не существует. В 1970-м году, когда была конфискована моя книга "Единственный выход" (в которой я отстаивал идею демократического социализма), я давал показания о содержании моих взглядов, изложенных в ней. И зря: во-первых, эти показания просто повторяли содержание книги (пусть бы следователь ее и читал бы), а, во-вторых... если следователь в душе и убедился в какой-то моей правоте, то делал он все равно только то, что ему указывали свыше; в-третьих, как я уже говорил, не я должен доказывать юридическую непорочность моих работ, а следствие должно доказать обратное (в соответствии с принципом презумпции невиновности).

Поэтому и о своих взглядах показаний я давать не обязан, имея на это полное основание: показания ведь дают о том, о чем доказано, что оно юридически преступно. Дача же показаний не о преступном унижает человеческое достоинство и наносит ущерб правопорядку соучастием в беззаконии.

Пока всем вызываемым по делу о "Хронике" и делу о "Поисках" говорилось, что они являются лишь свидетелями, а обвиняемых, дескать, нет. Кто из свидетелей попадет затем в обвиня-

емые, пока-де неизвестно: это "забота" прокуратуры". Известно, что по закону обвиняемые имеют право отказаться от показаний. Однако, если они уже их раньше дали как свидетели, то их право на отказ от дачи показаний становится фикцией, стало быть, налицо явная ловушка, западня, юридическая нечистоплотность.

Из нашей судебной практики известно, что свидетелей защиты в делах инакомыслящих, как правило, не допускают на судебные процессы; в такой ситуации свидетельские показания лишаются юридического смысла.

К.Р. Вы знаете, что отказ от дачи показаний может быть использован как "аргумент" для объявления человека психически нездоровым. Вас и Гершуню уже подвергали психиатрическому преследованию. Как вы думаете, возможна ли попытка в случае "Понсков", вместо судебного процесса, применить "психиатрическую" меру наказания?

П.А.-Е. Ныне, после того, как наша полицейская психиатрия была пригвождена к позорному столбу в Гонолулу, после целого ряда разоблачений ее преступных акций, становится у нас все меньше психиатров, которые хотели бы играть роль подручных у карателей и быть высмеянными и заклеяменными мировой прогрессивной общественностью. Когда английский психиатр профессор Гарри Лоубер был у меня в гостях, он гомерически смеялся над тем, как наши психиатры могли В. Гершуни, меня и некоторых других диссидентов, с которыми он здесь виделся, "счесть" психически больными.

Хочется верить, что и работники юстиции, госбезопасности и, тем более, психиатры не посмеют взять на себя ту роль палачей, казнящих мысль, которая в нормальном обществе противопозказана им по определению.

К.М. Обычно следователи отказавшимся от дачи показаний предлагают "частную беседу", как "с просто людьми". Как вы относитесь к такому предложению?

П.А.-Е. Что касается меня, я от частной беседы не откажусь конечно если следователи сумеют доказать, что они "просто люди".

К.М. Ну, а как они могут это доказать?

П.А.-Е. Во-первых, вернуть все, что взято у меня при обыске в 70 г., в том числе рукописи книги "Единственный выход", мои философские рукописи, черновые наброски . . . В-третьих, извиниться за эти, нежно говоря, бесчинства, бесчеловечные акции, по-

пирающие права человека.

К.М. Петр Маркович, вас ведь тоже вызывали в прокуратуру. Интересно, как вы практически реализовали ваши принципы по отказу от дачи показаний. Мне не раз уже приходилось читать советы на тему "как вести себя на допросах", но ни разу не попадалось описания реальной беседы в КГБ или в прокуратуре. Мне кажется, это существенное упущение самиздата. Теория теорией, а учиться в данном случае лучше всего на живом опыте. В идеале было бы прекрасно иметь некую картотеку по всем известным следователям КГБ и прокуратуры, чтобы любой человек, вызванный к кому-нибудь из "уже известных", мог бы накануне или даже за несколько дней полистать описания допросов, составить себе представление о (будем называть вещи своими именами) "противнике". Вообще мне кажется, что долгом каждого допрошенного (долгом перед теми, кого еще будут вызывать на допросы) является подробное описание допроса в КГБ, милиции, прокуратуре, с характеристикой следователя и т.д.

П.А.-Е. Ну, что ж, мысль интересная. Хорошо бы, чтобы эта идея нашла своего реализатора . . .

В прокуратуру меня вызвали не сразу после обысков, как некоторых других членов редколлегии, а в мае месяце. Кстати, чуть раньше началась возня по поводу увольнения меня с работы.

На протяжении всего допроса следователь Бурцев был устал-безразличен, вежлив. Вежливость эта, конечно, внешняя, тактическая: не далее как за день до этого он грубил и "тыкал" на допросе сотруднице "Поисков" Соне Сорокиной. В отличие от других, розовошеких, упитанных следователей и гебистов, с которыми мне приходилось встречаться, Бурцев худ и бледен. Правда, как почти все они, малограмотен (в чем я скоро убедился), мышление его паралогистично (я же всегда "мечтал" встретиться с образованным следователем), как у любого обывателя-функционера.

-- Надеюсь, вы знаете, зачем я вас вызвал, — начал он.

-- Нет.

-- По поводу вашего журнала заведено дело (он назвал номер дела, который я не запомнил) по факту распространения клеветнических . . . (и далее формулировка ст. 190-1 УК РСФСР) — за клевету на наш строй. Начнем с ваших анкетных данных. Фамилия, имя, отчество?

-- Вы же это знаете, раз вызвали меня. Да и заглядываете в

папку, которая у вас под рукой.

— А приставку тоже писать?

— Какую? — изумился я, пытаюсь припомнить, когда же моя фамилия соседствовала с каким-нибудь "фон", "бен" или "де"?

— "Абовин"

— Дело ваше ("приставкой" оказался мой литературный псевдоним). Далее заполнение данных пошло уже без моего участия. И только, когда следователь, дойдя до вопроса "судимость", бодро ответил сам себе "судим", — я вмешался, дабы не угодить в "рецидивисты".

— Но вы же сидели с 42-го восемь лет (этакий пробный шарик на мою юридическую грамотность).

— Сидел, — говорю, — но был реабилитирован. А, как юристу, вам известно, что это — значит "не судим".

— М-да . . . — разочарованно тянет он и пишет: "не судим". О втором, психушечном сроке в 70-72 гг., вспоминать не стал: ясно, что не пройдет.

Заполнив анкетные данные, Бурцев протягивает мне лист:

— Подпишите.

Отдаю лист обратно:

— Подождем. Посмотрим, что дальше последует.

И снова протягивает мне лист:

— Вот прочтите о правах и обязанностях свидетеля.

На листке — перечень ряда статей УПК.

— Но я ведь их не читал.

— Дальше разъясняется их содержание.

Прочитал.

— Подпишите, что ознакомились.

— Подождем и с этим.

Он выводит, не торопясь, как обычно все следователи, с которыми я доселе имел дело (правда, в отличие от них, у него почерк некаллиграфический — это уже приятнее):

— Где, кем, когда был задуман журнал "Поиски"? (содержание вопроса воспроизвожу по памяти). — Отвечайте, пожалуйста.

— Пишите все вопросы.

— Нет, вы раньше ответьте на этот вопрос.

— На вопросы я вообще отвечать не буду, а в конце дам объяснение, почему.

Бурцев пишет: "На вопросы отвечать отказываюсь, а в конце дам письменное объяснение".

— Нет, вы тут поставьте, пожалуйста, запятую и допишите: "дам письменное объяснение, почему не буду отвечать на вопросы" (иначе это можно понять, как "дам объяснение по поводу вопросов", — а это уже почти то же самое, что отвечать на них).

— Гм, — сказал Бурцев и дописал все же. А затем, к моему удивлению, стал писать подряд все вопросы.

Их оказалось целых 18. Когда я вышел от него, мог вспомнить только 11, а сейчас, очевидно, и их не смогу все восстановить в памяти. Но основные запомнил (правда, я попросил разрешения списать вопросы. Бурцев вначале разрешил, а под конец передумал и затребовал вернуть их ему).

— Я, — говорит, — все же надеялся, что вы на них станете отвечать, а раз не стали, то вопросы придется вернуть.

— Каким отделом журнала ведаете вы?

— Кто главный редактор?

— Кто авторы журнала?

— Какова техника изготовления журнала?

— Как распространяется журнал?

— Где хранятся материалы журнала?

— Кто изготавливает журнал?

— Выйдет ли очередной 6-й номер журнала? Если да, то будете ли вы участвовать в его выпуске? Если будете, то почему? Если не выйдет, то почему?

На некоторые вопросы я мог бы дать ответ без ущерба для кого-либо. На иные даже хотелось бы ответить. Но я решил, что принципиально безнравственно давать показания по подобным делам, особенно когда подследственной оказывается МЫСЛЬ.

— Прежде, чем написать свое объяснение, — говорю я ему, — хотел бы задать вам два вопроса.

Бурцев настаивает:

— Какие же?

— Имеется ли какое-либо письменное заключение, из которого следует, что есть основание завести на наш журнал "дело" по ст. 190-1?

— Обвинительного заключения и обвиняемых еще нет.

— Я не об этом. Ведь для того, чтобы начать "дело" по ст. 190-1, т.е. "дело" по клевете на государственный и общественный строй, должны же быть у вас в наличии какие-то факты. Есть у вас перечень этих фактов?

— Я не обязан вам это говорить.

— Ну, хотя бы один клеветнический факт приведите.

— Вещественным доказательством, — уходит он от ответа, — является сам ваш журнал, все пять номеров его, которые у нас уже имеются.

— Ну знаете ли . . . Журналов у нас в стране уйма. Что же они — вещественные доказательства преступлений? Приведите все же хоть один факт, вымышленный нашим журналом.

Следователь мнется. . . Не может.

— Ну, а второй вопрос?

— Вы мои статьи в журнале читали?

— Просматривал.

— Можете ли вы сказать, каковы мои основные взгляды?

— Я пока что в это не вникал.

— Как же вы начинаете вести "дело" против Мысли, не зная о том, в чем она состоит? Значит, вас не интересует *содержание* журнала, вас интересует лишь, кто и как его делает, поскольку есть *указание* свыше завести на него дело. И это называется *независимостью* юридических органов? Вы вызываете на допрос человека, даже не вникнув во взгляды его. Вы хотите преследовать человека за мысли, смысл которых не удосужились узнать.

— Мы не преследуем за мысль. У нас свобода мысли. Мы преследуем лишь за действия.

— Какие же у нас преступные действия?

— Вы распространяете свои мысли, а это — уже действия.

— Но свобода мысли означает не что иное, как именно свободу **р а с п р о с т р а н я т ь**, передавать мысли другим. "Свобода" же мысли, как вы ее понимаете, есть именно рабство, закрепощение мысли в своем собственном мозгу. Ведь запретить человеку мыслить не могли даже самые страшные деспоты: нет, к счастью, машин, которые читают мысли в мозгу человека. Вы воюете не с преступными действиями, а именно с мыслью, — и как же вы будете выглядеть лет через десять, когда у нас будет демократия! Как вы смотреть тогда людям в глаза будете, что взялись вести такое, позорящее вас дело?

— Но это дело у меня попутное . . . У меня есть и другие дела. Например, дело об интернате: растление малолетних, подростков . . .

— Вот этим бы и занимались. Однако тут вы снисходительны: это же "свои" растлевают, "наши" . . . Но потому и растление идет, что людям **ж и т ь н е ч е м**, что они духовно нищи, духовно

обворованы. А все потому, что вы воюете с мыслью, с тем, что вас — органы юстиции — совершенно не должно касаться . . .

— Ну, так уж? . . . — он слегка покраснел даже.

И я стал писать весьма краткое объяснение, которое несколько отличалось от той подробной аргументации, о которой р е ч ь шла выше. Примерно так (дословно не помню уже): "Я отказываюсь отвечать на все вопросы, ибо:

1) Нет никаких обоснований (следователь не мог привести ни одного) того, что речь идет о преступном деле. Давать же показания о чем-либо непроступном безразвратно.

2) У следственного отдела имеются все материалы (все номера "Поисков"), давать же показания означало бы лишь повторять то, что вы знаете, а это бессмысленно.

3) Высшие власти страны не раз заявляли, что у нас не судят и не преследуют за мысль. Журнал же является одной из форм бытия мысли. Стало быть, затевая "дело" против журнала "Поиски", горпрокуратура выступает против властей, против их обещаний, т.е. сама совершает преступление против законности.

4) С идеями (а журнал ничего другого, кроме отстаивания тех или иных идей не делает) борются только идеями, а не прокурорскими преследованиями. На критику словом (а журнал ничего другого, кроме слова, в своем арсенале не имеет) преступно ствечать критикой оружием, что означает фабрикация "дела" против "Поисков".

5) Статья 190-1, которую вы вменяете в вину журналу, направлена против клеветы. Понятие же клеветы по своему содержанию есть синкретизм двух обязательных компонент: измышление "факта" (т.е. того, чего нет или не было в действительности) и очернение им субъекта (индивидуального или коллективного). При отсутствии одного из этих двух моментов "клевета" перестает быть сама собой, т.е. клеветой. Ибо если есть измышление "факта", но оно не чернит, а восхваляет субъекта, льстит ему, то это лакировка, лесть, подхалимаж, но никак не клевета; если же нет измышления "факта", но есть оценочное суждение, которое субъекту не нравится, то это опять-таки никак не является клеветой. В нашем журнале нет ни одного заведомо вымышленного "факта" — оценочные же суждения имеются, но это дело субъективное (зависит от точки зрения субъекта), и преследовать за это — акция антиконституционная, стало быть преступная!/. Способствовать своими показаниями преступным акциям преступно —

поэтому я их давать не должен”.

Бурцев читал ”Объяснение” медленно — пункт за пунктом, сопровождая чтение своими замечаниями:

— Гм . . . Вот в 1-м пункте вы пишете: ”о преступном деле”. А ведь я вам давал читать пункт, в котором написано, что свидетель обязан давать показания . . . по любому делу, по которому его вызывает следователь.

— По любому, — подчеркнул я, — преступному делу.

— А тут, — показывает он мне снова раздел об обязанностях, — написано просто ”по делу” . . .

— Да, но это для краткости, ибо в юристике под ”делом” имеется в виду не торговое или любовное или какое-либо иное дело, а именно преступное дело. Ни по какому иному делу следователь не имеет права вызывать свидетелей, ни спрашивать их о нем, а свидетель не только не обязан давать показания по преступному делу, а, наоборот, обязан (нравственно обязан) не давать показаний по нему.

Бурцев молчит — и переходит к чтению 2-го пункта.

— ”. . . Имеются все номера ”Поисков”. Не все, только пять, а где 6-й?

— 6-го вообще нет. Не издавался.

— Но будет? Будет?? — Бурцев многозначительно смотрит в упор. Он весь внимание.

— Я же сказал: нет 6-го номера.

— Ну, а все-таки, будет? Когда?

— Еще раз удостоверяю. 6-го номера нет, и волноваться вам о его наличии нечего.

Следователь делает кислую мину: недоволен, ибо вопрос остался для него открытым. 3-й пункт он проглотил, не жуя, как нечто горькое. Читая 4-й пункт, вдруг ”умно” заулыбался:

— Ишь захотели — с идеями бороться идеями же! Для чего же, извините, в октябре 17-го власть пролетариат брал? Чтобы буржуазные идеи потом, через 60 лет, допустить пропагандировать?

— Вот в этой фразе вся суть вашего антиюридического мышления, которое ярко свидетельствует, что никакой законности у нас просто быть не может: юстиция по определению, по существу своему предназначена для борьбы с преступными действиями; с идеями же должны бороться только идеологические институты и только с помощью идей (в нормальном обществе, конечно). Вы

же все спутали в одной фразе: власть у нас — не в руках пролетариата и даже не в руках его партии, а в руках партийной олигархии, которая подавила пролетариат; чтобы преодолеть буржуазные идеи, надо не в тюрьме держать их носителей, а создать такой, полностью демократический строй, при котором могло бы возникнуть такое подлинное социалистическое общество, от которого никто бы не захотел возвращаться к буржуазному. Это не так уж трудно понять, если мыслить не мозанчно и не паралогистично.

— Но в "Поисках" есть и статьи антисоциалистические . . . А каждое государство защищает себя . . .

— Опять логический затор. Ведь в "Поисках" есть много статей и социалистических, которые спорят с антисоциалистическими. Истина же, как еще древние греки говорили, рождается только в споре. Причем подлинному социализму диалог с антисоциалистическими идеями только на пользу. Государство же, если оно нормальное, силой защищает себя лишь от тех, кто стремится вооруженным путем свергнуть конституционные институты. А если режим воюет с оппозиционными идеями, то он не защищает государство, а позорит его.

Бурцев сделал вид, что последние слова не слышит: уткнулся в 5-й пункт.

— Да-да. . . — выдавил он вдруг, — разгром . . .

— Чего? Вашей затеи?

— Ну, зачем . . . уж так?

— Я, между прочим, полагал, что вы вызываете меня, чтобы сообщить, что прокуратура решила закрыть это "дело", позорящее ее.

— Ну, это не так скоро . . . Надо все изучить и решить — закрывать или в суд передавать . . . Вот экспертная комиссия будет создана и даст заключение. Надеюсь, ей-то вы доверяете?

— Да, если в нее войдут и представители оппозиционного, демократического движения, и представители международной ответственности. А если в нее войдут лишь официальные идеологи, то заранее известно, на что они способны. Да и при чем тут экспертная комиссия? Это ведь значит, что вы все толчетесь в том же антиправовом, софистическом круге: считаете, что можно судить идеи, заковывать их в прокурорские цепи.

— Ну, ладно, — поднимается со стула Бурцев, — спорить мне с вами трудно, но, надеюсь, мы с вами еще встретимся . . .

К.М. В свое время в самиздате широко ходили работы Есенина-Вольпина и позже Виньковецкого о том, как следует вести себя на допросах. С тех пор прошло много времени, и мне кажется, изложенное в этих работах нуждается в уточнении. Опыт, полученный различными людьми, прошедшими через систему обысков, допросов, судебных расправ, имеет смысл обобщить, чтобы выработать специальные правила, принципы поведения. Все это могло бы оказать конкретную помощь многим из нас, предостереечь от ошибок . . .

В.А. Мы уже битый час вертимся вокруг одного и того же вопроса: в какую внешнюю форму рациональнее облечь наши отношения с тоталитарной властью. Знание тех или иных процессуальных норм, прав свидетеля, обвиняемого безусловно поможет ориентироваться в дебрях советского судопроизводства, но стоит ли придавать этому вопросу то значение, которого он явно не заслуживает?

Не так давно на беседу с "работниками органов" (по-моему, так они представились, не предъявив никаких документов, беседа проходила в отделе кадров одного НИИ), был вызван некий Г. Речь шла о знакомом Г. (назовем его В.). Довольно-таки легко Г. признал, что В. давал ему одну самиздатскую работу, кроме того, добавил, что В. является ее автором (работа была подписана псевдонимом). Все это Г. рассказал мне сам без тени смущения, переполненный чувством собственного благородства (он просил меня передать В, что им интересуются) и был крайне удивлен, когда я назвал его подлецом и попросил больше мне не звонить. — Вы ведь сами знаете, у меня трое детей, да и диссертацию скоро защищать, а они и так уже все знали, — попытался Г. хоть как-то смягчить происшествие.

Удивительно "во-время" вспоминаем мы об "особых обстоятельствах". О том, что у него дети и диссертация, Г. прекрасно знал, когда брал у В. книгу и обсуждал с ним прочитанное. Честно говоря, мне в голову не пришло спросить, читал ли он Вольпина или Виньковецкого. Дело тут не в каких-то особых правилах или принципах, а в элементарной порядочности. Известно, (и Г. об этом безусловно знал), что единственным доказательством "преступления" по политическим статьям является факт распространения ^{или} незатированного слова. Ни на одном, известном мне процессе следствие и суд не утруждали себя доказательством **з а в е д о м о й л о ж н о с т и** распространяемого (а именно это

входит в состав преступления по ст. ст. 70 и 190-1 УК РСФСР). В рамках *нормальных понятий* честности и порядочности факт распространения самиздата является безусловно конфиденциальным и обсуждению с третьими лицами не подлежит. Кроме того, как уже отмечал Петр Маркович, дачу показаний по распространению неподцензурного слова следует рассматривать как *соучастие в преступлениях* существующего режима.

Гражданское мужество, смелость, героизм не могут рассматриваться как обязанность человека. Если по каким-то причинам мы не можем отказаться отвечать на подлые вопросы, не лучше ли жить и поступать так, чтобы отвечать было нечего: не брать и не читать самиздат, не входить в разговоры за пределы тем, запретных для "простого советского человека" и т.д.

Что же касается "специальных принципов, норм, правил", то дай вам Бог, без них обойтись и вообще не ставить свои принципы в зависимость от того, где вы находитесь и с кем говорите.

Конечно, даже освободившись от очарования с детства заученных мифов, не так-то просто перевести понимание окружающей действительности в область внешнего действия, не для каждого немедленно возможно, не всегда представляется безусловно необходимым. На десятки и сотни живущих "не по лжи", приходится тысячи, десятки тысяч честных людей, вынужденных не выходить за грань проявления открытости своей позиции, своих убеждений и принципов. Без этих последних сколь-нибудь успешная деятельность открыто действующих правозащитников вряд ли была бы возможна.

Степень открытости позиции, характер деятельности человека, другие обстоятельства могут определить ту или иную степень контакта с работниками уже не раз упомянутых ведомств, но информация, сообщаемая этим работникам, как я уже говорил, не должна принести ущерба третьим лицам, не должна способствовать беззаконию.

В одном из ближайших номеров "Поисков" вы прочтете предсмертные записки Гелия Снегирева — документ страшный, не только своей обличительной силой, но и запредельной личной трагичностью. Я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь стал осуждать писателя за ложь официального раскаяния, прочтя его записки, но не сомневаюсь, что стойкость Гелия Снегирева, проявленная им в условиях невыносимых, отказ совершить предательство в отношении других людей, вызовет только уважение, восхищение

силой человеческого духа.

К.Р. Ну, а ваша личная тактика поведения на допросах?

В.А. Самая простая, насколько возможно, я отказываюсь от контактов с работниками прокуратуры, КГБ и пр. не даю показаний, не отвечаю на вопросы, отказываюсь ставить подпись под какими-либо документами, такими, как ордер на обыск, протоколы обысков и допросов, анкетные данные, предупреждения и уведомления, и т.д. (поскольку в арсенале средств имеется привод, на допросы ходить приходится). Отказываюсь по одной простой причине: все эти организации действуют незаконно и являются неконституционными.

Некоторые обстоятельства в истории моих частых сношений с работниками карательных ведомств значительно облегчают мне задачу доказательства их незаконности. Можно было бы воспользоваться материалами Хроники, документами Хельсинкской группы, но мне проще сослаться на факты нарушения законности в отношении лично меня.

К.Р. А подробнее вы могли бы остановиться на ходе ваших доказательств?

В.А. Для того, чтобы слишком не расплываться, из целого ряда фактов незаконных действий работников КГБ и прокуратуры в отношении меня, нарушений прав, предоставленных мне конституцией, как гражданину СССР, рассмотрим только один. Я думаю, и его будет достаточно. В 76-м и в 77-м годах сотрудники КГБ дважды отобрали у меня лично мне принадлежащие вещи: рукописи, журналы и книги (кстати, в основном изданные в СССР), магнитозаписи (в основном песни с официально разрешенных властями концертов, были также записи литературных вечеров Андрея Вознесенского, Булата Окуджавы, были и просто чистые кассеты), материалы моего архива. Я говорю "отобрали", а не "изымали, конфисковали", поскольку в обоих случаях не было и видимости формально-законной конфискации: самый натуральный грабеж. В обоих случаях мне не вручили копии протокола с описью изъятого, и я до сих пор не знаю, что именно у меня было отобрано и по какой причине. Что же касается самого протокола, то в одном случае я его не видел (не знаю, составлялся ли он вообще), а в другом случае это был не протокол, а филькина грамота, составленная так, что в нее можно было все что угодно внести задним числом, и что угодно исключить (из 15-ти, кажется, листов, только последний, на котором не было ничего, кроме мое-

го протеста, имел подписи лиц, производивших "обыск", "понятых" и лиц, присутствовавших при "обыске".

Можно было бы рассматривать этот факт, как случайное нарушение законности отдельными должностными лицами, если бы при рассмотрении в соответствующих государственных ведомствах были бы приняты меры к их устранению, а виновные наказаны (есть ведь и соответствующая статья в УК РСФСР). Но ни на одно из своих заявлений ответа по существу я не получил. Кстати, московская прокуратура, которая сейчас ведет дело по журналу, на первое письмо вообще ничего мне не ответила, и лишь после жалобы прокурору РСФСР прислала на официальном бланке потрясающий по краткости ответ, своего рода шедевр эпистолярно-прокурорского жанра: "... ни в Москве, ни в Московской области никаких нарушений не обнаружено". Можно подумать, я спрашивал их о том, что они обнаружили в Москве и области. В заявлении была изложена фактическая суть дела, кроме того, я попросил: 1) либо вернуть мне все незаконно изъятое; 2) либо оформить изъятие в соответствии с действующим законодательством; 3) либо указать законоположения, которые подобные действия допускают.

К.Р. Как вы думаете, а почему они просто не оформили изъятие, в соответствии с процессуальными нормами? Ведь с нашим УПК сделать это было элементарно просто.

В.А. Вот на этот вопрос я, право, затрудняюсь ответить. Может быть, лень им возиться с такими "мелочами". Может быть, все изъятое таким образом поступает в личную собственность особо отличившихся чекистов, и через некоторое время им уже трудно все это вспомнить и описать: что там, у кого и когда было изъято. Кстати, следователя Бурцева, который ведет наше дело от мосгорпрокуратуры, я просил прежде, чем задавать мне вопросы как свидетелю, погасить старый прокурорский должок, посодействовать мне в получении ответов по существу на прежние заявления, и сделать это было бы не так уж и сложно: вся моя переписка с КГБ и прокуратурой была изъята на январских обысках и должна быть у него под рукой. Но никакого ответа так до сих пор и не дождался. Естественно, пока прокуратура и КГБ не выполнят возложенных на них законом обязанностей, я не могу рассматривать их как конституционные органы правопорядка.

Вы знаете, наверное, что следователь Бурцев угрожал мне арестом и заключением за выход следующих, начиная с шестого,

номеюов "Поисков". Работник прокуратуры, должностной обязанностью которого является надзор за соблюдением законности, угрожает мне арестом за действие, которое еще не произошло, неизвестно каким будет (чисто формально, неизвестно, будет ли оно криминальным, т.е. будет ли 6-й номер содержать заведомо ложные для меня измышления), к тому же неизвестно, буду ли я иметь к нему отношение! Так за кого после всего этого прикажете их принимать?

Ну, это с чисто формальной точки зрения, а если взглянуть чуть пошире. Нам уже известны десятки процессов над правозащитниками, проходившими с вопиющими нарушениями законности, прежде всего с нарушением принципа гласности судебного разбирательства. В большинстве случаев "подсудимые" избирали юридически активный способ действий и доказывали всю несостоятельность выдвинутых против них обвинений (что, заметим попутно, не помешало суду вынести жесточайший приговор. Я думаю, так называемые "народные суды" являются незаконными, антиконституционными организациями. Хватит уже искать основания для отказа от участия в этих разыгрываемых по дурацким сценариям фарсах. Пришла пора от них потребовать доказательства законности их деятельности. Способ действий, который избрали на недавних процессах Александр Подрабинек и Балис Гаяускас, представляется мне наиболее верным в настоящее время. Отказ присутствовать на суде и играть роль подсудимых сделали несостоятельными претензии этого театра абсурда и на видимость осмысленности. "И первосвященники обвиняли его во многом. Пилат же опять спросил Его: "Ты ничего не ответишь? Видишь, как много против Тебя обвинений". Но Иисус и на это ничего не ответил, так что Пилат дивился" (Мф. 15, 3-5). Не слишком ли уж вытвердили мы "кесарево кесарю", совсем отбросив "а Божие Богу!"

К.М. Ну, а как другие члены редколлегии и сотрудники журнала относятся к вопросу о даче показаний?

В.А. В самом начале, сразу после январских обысков, некоторые из наших коллег отвечали на несущественные вопросы следователей (и никакого греха я в том не вижу), другие отказались сразу отвечать на какие-либо вопросы. Сейчас, по тому, что мне известно, все вызываемые по "делу" нашего журнала от дачи показаний отказались. Это не результат со стороны давления со стороны "неотвечающих" коллег, не результат принятия

какой-то общей тактики (я полагаю, вопрос о даче показаний — дело сугубо личное, и какое-либо давление здесь просто неуместно), а результат все большей наглости в действиях властей.

К.М. В свете сказанного вами о роли самиздата и месте в нем "Поисков" хотелось бы — в заключение — уточнить вопрос о направлении журнала. Не собирается ли редколлегия изменить его, т.е. направление? Я спрашиваю об этом потому, что есть читатели, которые сетуют, что он недостаточно "розовый" или слишком "голубой". Не потеряете ли вы ряд читателей, сторонников журнала при такой, плюралистической его платформе? Не перестанут ли им интересоваться одни из-за того, что в нем публикуются авторы социалистического направления, другие — из-за авторов почвеннического направления, а третьи — из-за западного?

П.А.-Е. Но ведь можно рассуждать и в обратном порядке: одни интересуются журналом из-за работ, отстаивающих социализм, другие из-за работ, отстаивающих западный образ жизни, третьи — из-за работ, отстаивающих религию и почвенничество, а вот четвертые — как раз из-за того, что нет в традиционных журналах — свободной полемики, равноправного диалога между различными позициями, т.е. эти читатели вместе с нашим журналом находятся в *поисках* истины, поскольку и с т и н а есть процесс, а не нечто застывшее, раз и навсегда данное, однообразное, как раз плюралистичность нашего журнала и составляет его новизну, его лицо и нашу гордость. И такая направленность, полагаю, отражает потребность нашего времени, нашей эпохи и особенно потребность демократического движения, которое должно стать альянсом людей (как внутри страны, так и эмигрировавших), придерживающихся различнейших позиций, точек зрения, но кладущих в основу неотъемлемое право человека. Что касается меня, то я стою на том, что в своей подлинности социализм, почвенничество, научно-техническая демократическая цивилизация, христианская личностная мораль не противоречат друг другу, а являются ипостасями одной и той же цели — гуманистической, хотя и подходят к ней с различных сторон.

К.М. Но не ведет ли такая направленность журнала к всеядности? Не эклектика ли это?

П.А.-Е. Думаю, что нет. Эклектика — это винегрет, конгломерат, механическая смесь различных платформ, а мы стремимся общими усилиями привести к чему-то синтетическому, целостному, вписывающемуся в общечеловеческую культуру и одновре-

менно самобытному для нашей страны. Далее: диалогичность, терпимость не следует путать со всеядностью: последняя предполагает терпимость даже к нетерпимости, что уничтожает возможность самой терпимости, т.е. превращает ее в свою противоположность. Ввиду этого наш журнал не может не быть нетерпимым единственно лишь к нетерпимости (от нее ведь рукой подать и до человеконенавистничества) и ее ипостасям — таким как тоталитаризм ("правый" и "левый"), шовинизм (он является следствием великодержавного "почвенничества"), различные формы диктатуры (то ли советской, то ли теократической) над личностью, моноидеологичность (как коммунистическая, так и религиозная), особенно когда она становится основой государства (нетерпимость является неизбежным атрибутом как марксистско-ленинского, так и исламского или православного государства, ибо все они моноидеологичны по определению).

Итак: мы не можем быть терпимыми лишь к нетерпимости — ко всему остальному мы терпимы. В этом плане у нас в редколлегиях всплывали разногласия, но позиция подлинной терпимости, равноправной диалогичности осталась неизменной. На этом мы стоим.

С этим, кстати, связано и наше принципиальное нежелание иметь главного редактора: там, где есть главный, начинаются ограничения демократичности и терпимости, да и открывается путь интригам. В этом плане, быть может, не нужны ни президенты, ни генсеки, ни премьеры, ни лидеры, ни тем более наследственные монархи, а должно быть коллегиальное руководство (но, конечно же, не такое, как ныне в нашей стране, установавшее свою диктатуру как над народом, так и над собственной партией, а полностью подконтрольное народу, избирателям).

К.М. Что ж, спасибо за столь обстоятельную беседу. Хотелось бы, конечно, узнать подробности и ваших Валерий, допросов, а также о том, как увольняли Петра Марковича. Последнее важно и в связи с тем, что наши власти уверяют, будто у нас нет "запрета на профессии". Но, видимо мы уже вас утомили...

В.А. У меня есть предложение. Поскольку Петр Маркович, как мне известно, успел записать по свежим следам комедию, разыгранную вокруг его увольнения, а также "беседу" капитана КГБ Алехина с его родственниками, то это можно бы дать в качестве приложения к нашему интервью. Видел я у него и любопыт-

ный набросок о том, в каком случае он готов давать свидетельские показания — это, мне кажется, также стоит дать в приложении.

К.М. и К.Р. Что ж, мы согласны !

Примечание от издательства : 1) На процессе Валерия Абрамкина суд расценил данное интервью как клевету на общественный и государственный строй... Но любой нормальный человек видит, что тут нет ни одного вымышленного факта, т.е. ни грана клеветы. 2) Записи П. Абовина-Егидеса, о которых идет речь в самом конце интервью, пропали во время обысков. В упомянутом наброске П. Абовин-Егидес писал о том, что лишь в одном случае готов дать свидетельские показания — в случае предъявления диссидентского иска члену Политбюро Гришину, оклеветавшему в своем докладе диссидентов, будто они стали на путь борьбы с режимом из-за честолюбия и корыстолюбия.

Г. Арсеньев

С Т И Х И

МОЛИТВА ВАН ВЭЯ

Да не изглядятся ни Путь ни Пустота
и странствует душа к Пределу
И травяная тайна одиночества густа
и облачная пена поредела
здесь ветер губ прошел
светлеет мхов лазурный шелк
и музыка нетленна.

24.3.78

* * *

Я только лишь в центре круга
а по кривизне
глиняная черепаха
подарок умерших
впадина блюда
в ней семь мудрецов в синей бамбуковой роще
я только лишь в центре круга
а по кривизне
промоина стекла
настежь снежный декабрь
кипучие огни
мне нравится разглядывать паутину и детей
беречь скороговорку сговора
и нянчить дикую виру.

7.11.77

★ ★ ★

Неотгаданные орбиты
Неотгаданные глаза
мы еще лишь пылью прибиты
нам еще быть нельзя
один на один
с пустотой и зрачками
я квит с тобой
лекарь фантазии Квин
тридесятих галактик
водоросли над нами

26.2.78

★ ★ ★

Спроси
 что такое ребенок
отвечу
 черный грач на жнивье
спроси
 что такое музыка
отвечу
 зеленожелтое раскосье кошачьих глаз
спроси
 что такое женщина
отвечу
 цветущая изгородь
спроси
 что такое жизнь
отвечу
 вечная пятница янтарей
спроси
 что такое смерть
отвечу
 семь всплесков синего льна
спрашиваю
 добрый дух будет ли благосклонен ко мне
отвечают
 добрый дух самопознания сродни вкусу чая.

15.10.77

★ ★ ★

На полдороге к Единому
на привале откровенностей тьмы
тень пустоты укрыла немых
шепотка полчанья в кадилъницах дому сему.

28.12.77

★ ★ ★

НАДПИСЬ НА ПЕЧАТИ. ПЕРЕВОД С КИТАЙСКОГО
ДЛЯ МЕНЯ РАЗНОЦВЕТНАЯ ТУШЬ ГОРЯЧА И ВПОТЬМАХ
ПОТОКОВ И ГОР КАЛЛИГРАФИЮ Я ТОЛКОВАЛ
ХУДОЖНИК МОНАХ
ПО ИМЕНИ ГОРЬКАЯ ТЫКВА

Перев. 12.11.77

★ ★ ★

Скажи мне учитель почему печален запечатленный ангел
спроси тех за кем сумерки
скажи мне учитель почему жестка хвоя и мягок родник
спроси тех кто был ситом песка
скажи мне учитель зачем греется ящерица сердца
спроси тех кто был зеленой тенью плесени
скажи мне учитель зачем разбивает скорлупу птенец
наших глаз
спроси тех чья судьба играть в жмурки с огнем.

21.11.77

★ ★ ★

Это вечер
это лиловооранжевый пони
похрустывает травую
вспомни

сливы синели
фонарики вечера
августом венчанные

старинная старость
преклонным поклоном моля

инок любословия
сердца сладость и казна моя.

11.12.77

* * *

Цветов зажженные фонари
просьшаются изнутри

четыре
семь
мне
и всем из благостной бессоницы
повелено стеречь
сонный огонь

по-кошачьи дремлет зной
да старчесткая горечь.

10.6.77

* * *

Я не дострою своего дома
ибо раздарил силу мышц и души
я уйду
оставляя ребенка кошку и музыку
только о них и будет болеть моя мертвая совесть.

15.6.77

* * *

Взгляду божевольному дано
двойчатками причуды володать
синее вино
клеверная вода

дегтярных снегов жар
стужи карминный звон
божевольному взгляду жаль
звонниц тающий аквилон

торосы травы ледяны
ознобно хрустит зной
зрачки божевольной страны
льдинками за упокой

половодьем жухлая оттепель
фейерверки дозрели всласть
холод ожогов терпел
ожоги картами в масть

божевольной игре. Морозов сады густы.
Прозрачен яблока наст.
Зеницы прохлады божевольные златоусты
бог вам счастье подаст.

7.3.78

★ ★ ★

*Есть у меня подушка да цыновка и жизни
облачный дым.*

Ван Вэй.

И все дороже
дорога
пыль
и подорожник

22.10.77

М. Яковлев (Лиятов)

ВСЕ ЗЛО ОТ ЖЕНЩИН
(Рассказ)

Старый Лука, по прозвищу Лоб /это прозвище и не отражало, может быть, каких-либо черт, свойственных одному только Луке, но между тем крепко привязалось к нему с незапамятных времен/, прежде чем вернуться на родину и окончательно осесть в Ураганске, весьма, кстати, дрянном городишке, немало поскитался по свету, немало повидал – повидал столько всего, что ему наверняка позавидовали бы даже лошади римских полководцев, покорителей древнего мира. Мы упивались рассказами этого человека, длинными вечерами, когда над Ураганском проносились черные северные тучи, мы слушали его, разинув рты, и особенно нравилось нам слушать о его удивительных приключениях на острове в Карибском море. Старый Лука уверял: негров на том острове не больше, чем в Ураганске, сплошь и рядом белые, и от них все зло.

Как остров тот называется, говорил Лука, не помню, и каким меня туда ветром занесло, тоже, признаться, не помню, но вот все, что я на этом распроклятом острове претерпел, все, что мне как вилами в бок въехало, все, что мне как терновый венок на голову легло, – все помню, все так до сих пор и стоит перед моими глазами, как вот этот стул, честное слово.

Лука встает, переставляет стул на другое место, однако тот по-прежнему стоит перед его глазами. Лука смотрит на стул, не отрываясь. Что-то зачаровывает его в этом стуле.

Жизнь на том острове сразу не по нутру пришлась, потому как стал я голодать, едва только ступил на его землю, как если бы голодный и приехал. В карманах пусто, работы никакой для меня не находилось, хотя я услу-

ги свои и без особых претензий предлагал, попрошайничать я никогда не умел, да вряд ли и подали бы, сидя по тамошним рожам. Вот уж истинно край света, дыра из дыр. Мужчины там единообразные, все, как один, какие-то унылые, забитые, словно печалились, что их на свет божий произвели, ходили как в полусне, и только те, что выбились, как говорят, в люди, в начальники, шевелились, но вы еще узнаете, какого сорта и облика эти господа. Я еще скажу. Я пока лишь первые свои впечатления передаю. Так вот, мужчины, рядовые мужчины, в соломенных, с дырочками на макушках, шляпах и до непристойности протертых штанах, эти мужчины, дни напролет околачивающиеся у пристани и возле деревенских таверн, ужасно смахивали на издыхающих червей, которых шутки ради заставляют ползать под палящими лучами солнца. Женщин почти и не видно было, а тех, что изредка встречались, я принимал за откровенных дурочек. Ну, вроде старух, подвизавшихся выдавать себя за таинственных незнакомок и каждый день отсылать по любовному письму.

Голодал я там нестерпимо, свирепо. Семь дней голодал. Нигде ничего не сорвешь, не урвешь, не прихватишь... понимаете, того, что плохо лежит, ибо плохо там разве что козье дерьмо на дорогах лежало, и не от образцового это порядка, не от какой-то особой философии или основательного знакомства с политической экономией проистекала такая плачевная для меня ситуация, а от пустоты, бедности. На восьмой день я спустился к морю, забросил с камня самодельный крючок в надежде выловить что-нибудь из того, что сытые бездельники называют дарами моря, но не успел и с ноги на ногу переступить, как сбежались окрестные мальчишки и угостили меня градом камней.

— В чем дело? — спрашиваю.

— Рыбья деликатасьон есть, — охотно объясняют они мне на ломаном русском языке, на каком мы с вами, мои юные друзья, никогда говорить не стали бы, — кушать ея могут только гнусноголосые.

"Гнусноголосые" — это они вполне прилично выговорили. Я попробовал свой голос. Назвать его гнусным было

бы ложью, несправедливостью.

- А что же делать тем, у кого голоса хороши?

- Трабахаре! Верк! Пращовати! Рабьетать!

- А если нет работы?

- В ляс идтить, кушьять все, что попадать под рук, - говорят эти мальчишки, будущие издыхающие черви. - Кушьять-то надоть.

И я поплелся в лес, и мне первым же делом попался под руку большой, с изумительной оранжевой шляпкой, гриб, а я о грибах весьма смутное имел представление. Сидел я над своей добычей, сидел и размышлял - зажа-ришь тебя, а вдруг ты, зараза, ядовитый?

Внезапно крики, вопли, вроде даже как выстрелы. Смотрю: через лес бегут островитяне, эти карибы черто-вы, бегут, сломя голову, падают, поднимаются и дальше бегут, в зарослях до крови обдираются, бегут - целый косяк мужчин и в большинстве своем молодых.

- Но, но! - кричали они приятными голосами. - Но керемос!

Я пожал плечами. Но керемос? И не надо.

Я посмотрел на гриб - вдруг ты, зараза, ядовитый? Такой красивый, такой роскошный был гриб. Очень хоте-лось кушать.

Тут меня, признаться, схватили одновременно за горло, за руки и так пнули в бок, что я присел. Три здоровенных парня в солдатской форме и с карабинами за спиной держали меня за шиворот, словно там, под рубахой, я прятал рояль, на котором им хотелось сыграть в шесть рук.

- В чем дело? - спрашиваю.

А они ухмыляются подло, как только карибы умеют, и грозят мне пальчиками. Подошел капрал; бородища у него до пояса и голос гнуснейший, писклявый, такой еще только у мышей случается, когда они в зубах у кошки; обладателю такого голоса, как вы уже понимаете сами, дозволялось ловить рыбу.

- Ке ес эсто? - пропищал капрал, тыча в меня пальцем.

- Эсто ес уно мучачо, - хором ответили солдаты.

- Эй, - говорю я, - вы что же это, сеньоры? Я,

как-никак, иностранец и подобное с вашей стороны обращение со мной...

Капрал так и расплылся, заулыбался и одной рукой стал нежно поглаживать бороду, а другую — мне на плечо.

— Рус? Салют, камрад. Отшень карошо. Как говорят у вас, у рус, лючше имать сто рублей, чем имать...

Я, само собой, не преминул эту бородатую скотину поправить, я сказал:

— Сто друзей имать.

— Си, си, — заголосило толпящееся вокруг меня воинство. — Сто, сто камрадов, отшень карошо!

Я все еще не понимал, чего они от меня добиваются. Капрал вдруг как бы расшаркался, потом говорит:

— Так позволяйте мне себя рекомендовать. Капраль мордобито.

Солдаты разразились аплодисментами.

— Ми тута, — продолжал капрал Мордобито, — берьем в зольдаты. Хоцицца в зольдаты, сеньор рус?

Я пошел в содлаты, я решил, что так лучше будет, что это спасет меня от голодной смерти, я был в полной уверенности, что армия этого крошечного стровка, почти тонущего в пучинах карибского моря, ни с кем не воюет и ни с кем не собирается в ближайшем будущем воевать, что служить в ней, если, скажем, и не сплошное удовольствие — ибо какие могут быть удовольствия от службы в армии? — то отнюдь и не тяжкий крест. Я предположил, что служба в здешней армии не тяжелее доли статистов, изображающих французское войско, которое привела на помощь несчастному Лиру его милосердная дочь Корделия. Я подписал обязательство добросовестно служить три года, и, если понадобится, собственной кровью оплатить доверие, оказанное мне капралом Мордобито, полковником Н. и военным министром острова.

С бесцветной толпой тех, кто еще час назад бегал по лесу, крича — но керемос! — а теперь на три года покидал родные деревни, близких, любимых, кого теперь вели под грозными дулами карабинов, я попал в небольшой и укрепленный не больше, чем огород укрепляется от

ворон пугалом, форт Долорес и Пакита. Нас встречал у входа сам полковник Н. Он сидел в автомобиле на заднем сидении и улыбался нам сквозь грязное стекло вымученной улыбкой какого-то современного Пугачева, посаженного в клетку, подавленного сознанием близкого конца, но изо всех сил пытающегося не показать, что его пугает перспектива лишиться головы. Его явно донимала жара, он обливался потом и был похож на языческого идола, которого через неизбежный обряд купания в воде обращали в православие. Он был родом из Бразилии, на местном наречии знал только — абла кон эспаньель? — и достойными уважения считал лишь тех, кто понимал, что в этот вопрос он, полковник, вкладывает гораздо больше, чем могло показаться на первый взгляд, и вместо того, чтобы старательно бормотать — да, абла, — или напротив — нет, сеньор полковник, увы, не абла, — бросался, например в ближайшую деревушку за бутылкой сидра.

Он приоткрыл дверцу машины и спросил нас — абла кон эспаньель?

— Си, сеньор, абла, — вздохнули некоторые из нас со смирением мучеников.

Несколько человек закричало чрезвычайно бойко — абла, абла!

Нашелся и такой, что отказался понимать слова полковника, возможно, надеялся, что его отпустят домой за незнание местного наречия. Полковник, бормоча бразильские ругательства, махнул рукой и захлопнул дверцу, у него был очень несчастный вид. Своим непониманием мы словно вынесли ему смертный приговор. Я молчал.

Солдаты втапывали в пыль соломенные шляпы, еще недавно служившие единственным украшением местных голов, а мы примеряли старые, пропитанные потом не одного поколения служивых мундиры. Мы не без страха рассматривали на мрачные приземистые бараки, в которых нам предстояло жить. Пляц форта Долорес и Пакита напоминал поле, перепаханное копытами взбесившихся лошадей, кто-то даже высказал предположение, что порой на нем устраивают корриду или родео.

- Сеньор полковник не желает с вами разговаривать, - сурово заметил капрал Мордобито. Мне его слова тут же перевели.

Нас известие это огорчило, даже напугало. Многие враждебно взглянули на того крестьянина, что отказался понимать слова полковника, сочтя, очевидно, что именно его нелепая проделка явилась причиной гнева последнего. Нам тогда и в голову не пришло, что полковнику Н. просто не о чем с нами говорить.

Когда стемнело, нас построили в колонну по три человека, загнали в темный и пустой сарай, и взобравшийся на какое-то смутно белевшее в темноте возвышение капрал Мордобито на звучном местном наречии произнес такую речь:

- Ой, сеньоры.....*

* - Сегодня, сеньоры, у вас самый радостный в земной жизни день. Вы стали солдатами, доблестными защитниками нашей цветущей и счастливой родины, являющей всему просвещенному миру пример, как можно и нужно выгодно продавать бананы. Вы одели мундиры желтого цвета, чтобы три года не снимать их. Вы взяли в руки карабины, чтобы три года сжимать их в руках. Армия есть армия, и почти все здесь держится на подчинении рядовых вышестоящему начальству. Я стою выше вас, Еще выше лейтенант Колорадо, которого вы в свое время увидите и услышите. Выше лейтенанта Колорадо полковник Н., который, как вы уже слышали, не желает с вами разговаривать. А на самом вершине - наш военный министр, которого все мы чтим и любим сыновней любовью. Но не все, сеньоры, держится на подчинении. Кое-что вы вправе делать добровольно. Наш русский друг Лука, например, добровольно пошел в нашу непобедимую армию. Молодец, Лука! Наши солдаты имеют право добровольно пускать себе пулю в лоб, если жизнь в форте Долорес и Пакиста начинает казаться им невыносимой. Во-вторых, добровольно совершать геройские поступки на полях сражений. В-третьих, добровольно сдаваться в плен неприятелю. Скажите, сеньоры, может, кто-нибудь из вас желает быть расстрелянным завтра на рассвете? Добровольцы,

шаг вперед. /Речь карала Мордобито перевел Валерий Ипзгоевич Канивкин, обыватель города Ураганска/.

Никто словам капрала не подивился, не выказал испуга или желания посмеяться, похоже было, что новобранцы чего-то в подобном духе и ожидали. Капрал Мордобито ждал, опираясь правой рукой на плечо одного из старых солдат. И в тишине четко прозвучали шаги добровольцев. Они выстроились у стены в ровную шеренгу, подобрав животы, собранные, сдержанные, сосредоточенные. Их набралось человек двадцать. Я был среди них.

Нет, не отчаяние заставило меня присоединиться к ним и не внезапная мысль, что я совершил непоправимую ошибку, согласившись вверить свою судьбу какому-то капралу Мордобито, такая мысль еще не посетила меня. Видите ли, желание использовать каждое мгновение с выгодой для себя – вот что двигало мною. Вот возможность взять с места в карьер, сказал я себе. Лука, сказал я себе, не упускай шанс. Они предлагают тебе выйти из строя и заявить, что ты готов быть расстрелянным завтра на рассвете. Чтобы поверить, что они действительно расстреляют тебя, Лука, нужно быть круглым идиотом, понимаешь, дружище, они таким хитрым манером выясняют, достаточно ли ты храбр. Так выходи из строя, докажи им, что ты ни черта на этом свете не боишься. Это произведет на них хорошее впечатление. Тебя заметят. Возможно, тебя произведут в капралы. У тебя не такой гнусный голос, как у капрала Мордобито, но если и ты будешь капралом, тебе наверняка разрешат ловить рыбу. Капрал Лука. Это совсем не дурно звучит.

И я присоединился к шеренге добровольцев. Остальным капрал Мордобито велел внимательно присмотреться к нам. На рассвете, сказал он, эти люди уйдут из жизни.

Нас, добровольцев, заперли в сыром подвале, куда не проникал свет и где не было ничего, кроме каких-то вонючих теплых луж на земляном полу, у двери оставили часового. Мои сотоварищи сразу расположились в лужах и уснули, я, в сущности, последовал их примеру. Мне снилась какая-то чертовщина, не снилось мне, как завтра выведут меня на плац и под гул барабанов сам полковник Н. крикнет, утирая белым платочком пот со лба, –

сеньор Лука, вы производите в чин капрала — нет, не снилось мне это, мне снилась какая-то чертовщина. Но даже сквозь нее, даже в ней не угасала бодрствующая сознательная мысль, что завтра на плацу меня ждет блестящий успех. Среди ночи я внезапно проснулся от чьих-то мягких прикосновений. В темноте вырисовывалась изящная фигурка капрала Мордобито, в глубокой задумчивости сидящего надо мной. Его борода ласково шевелилась на моей груди.

— Луккиано, — воскликнул он тихо, — ваша не имеет жалеть, что принял такой решений?

Я покачал головой.

— Нет, капрал Модобито.

Я усмехнулся.

— Моя вас жалеть, — сказал капрал, поднялся и, переступая через спящих, зашагал к выходу. Захлопнулась дверь. Я услышал, что часовой насвистывает сентиментальную немецкую песенку о любви.

— Абла кон эспанель? — спросил он.

Это был пароль.

— Си, абла, — откликнулся голосок капрала Мордобито, гнусный вообще-то голосок, но сейчас и такой печальный, что трудно было отказать ему в некоторой пленительности.

Нас утром, еще до восхода солнца, вывели из подвала и колонной погнали не на плац, как я ожидал, а за пределы форта Долорес и Пакита. На чудесной лесной поляне капрал Мордобито велел нам остановиться. Сделал рукой какое-то движение, словно давил блоху, и добровольцы устремились рыть землю. Рыли прямо руками, земля была влажная, мягкая, легко поддавалась. Шутка затягивается, подумал я. Я тоже рыл землю, мы вырыли большую яму, достаточно глубокую, чтобы уместиться в ней двадцати трупам. Вооруженная карабинами охрана курила, изредка бросая на нас равнодушные взгляды. От таких шуточек легко подхватить простуду, подумал я. Капрал что-то проговорил, быстро, отрывисто, и я не понял, добровольцы выстроились в шеренгу на краю ямы. Солнце как будто стало показываться. Кто-то крикнул, что едет полковник, и охрана спешно построилась, спи-

нами касаясь пальм. Ну и шуточка. Из выкатившего на поляну автомобиля полковник Н. смотрел на нас, на этих добровольцев, безразлично стоявших на краю могилы, на меня, ждущего капральских знаков отличия, смотрел — все так же, как некий современный Пугачев, кладущий в штаны от страха, что не сносить ему за все его подвиги головы. Не выходя из автомобиля, он махнул белым платочком. Солдаты вскинули ружья. Я сейчас умру?

— Абла кон эспаньель? — рявкнул полковник, руками закрывая лицо.

Водитель отлично его понял: машина сорвалась с места и унеслась. Капрал Мордобито поднял тонкую руку, плотно обтянутую желтым рукавом желтого мундира, что-то пискнул, да я не расслышал, как бы и не до того было. Меня убьют? Во до чего. Задрожал я, братцы, в ту минуту, как осиновый лист, и не верил все еще, не верил, господи, а тут еще рука капрала Мордобито камнем пошла вниз, что-то опять крикнул капрал Мордобито, и сразу — бах! бах! — огонь к нам рванулся, и рядом со мной какие-то живые тени стали оседать, как пустые мешки, заваливаться потихоньку назад, уходить из поля моего зрения, да, именно так, из поля моего зрения, иначе сказать не могу, иначе никогда не скажу, и ведь и я тогда тоже уходил из поля чьего-то зрения. Я упал, скатился на дно ямы, но не умер, это я сразу почувствовал. Слабость какая-то обжигала, в груди словно сверло вращалось, сапоги жижей какой-то наполнялись, но не умер я. Вдруг увидел, что в яму спускается капрал Мордобито. Спустился, маленький такой, хрупкий, но с большой бородой. В моих глазах — сумерки. Вокруг лежат в самых причудливых позах тела, иные, я заметил, шевелятся, как минувшей ночью борода капрала Мордобито шевелилась на моей груди. Кто-то стонал, я тоже простонал, мне подумалось, что так лучше будет, что так нужно. Я во все это еще плохо верил, во все, что тут стряслось, в эту яму, в эти "бах, бах", в эту слабость. Капрал медленно шел, часто останавливался, нагибался, бормотал что-то, иногда высовывал из-за спины руку с револьвером, и снова — бах! Это он раненых приканчивал. Я, разумеется, догадался. Я совершенно ве-

рил, что он меня не найдет, не заметит или примет за мертвого. Не станет меня добивать. Я закрыл глаза, чтобы он меня не нашел, не заметил, принял за мертвого, а когда открыл, когда сам не знаю почему открыл, должно быть, просто посмотреть захотелось, или сами они открылись, когда открыл — он стоял надо мной в задумчивости. Я у его ног лежал, как блевота какая-то. Я почувствовал: глаза у меня на лоб лезут, а голова мотается, словно заводная, из стороны в сторону, это она как бы говорит — нет, нет, — как бы умоляет, как он бы рыдает и просит пощады.

— Ви желайт быть добит? — вежливо осведомился капрал Мордобито, показывая мне ужасную свою руку с револьвером.

Нет! Нет! Нет! Но, сеньор! Но кьеро!

Капрал перешагнул через меня, чтобы идти дальше, а я увидел в какой-то миг, что подметки его сапог красны от крови.

Шутка ли сказать. Жизнь тянулась. Я пережил весь этот абсурд, всю эту игру со смертью, смертью кончавшуюся. Я пережил, отделившись сравнительно пустяковой раной. Капрал Мордобито навещал меня в лазарете, сиживал на моей койке, похлопывал меня по плечу или куда приходилось, и очень дружеским тоном говаривал — Лукиано, не бывает воевать Чили, мы с Чили дружба, война не бывает. Лукиано, не бывает война на Архентина, мы Архентина друг. Мы с рус також дружба, не бывает воевать с рус.

Я так понимал его слова, что армия, форму которой я имел теперь честь носить, ни с кем воевать не собиралась и была, пожалуй, самой мирной армией во всем мире. Это не могло не радовать, ибо возможность оказаться участником военных операций, даже самых мелких, ничтожных, нисколько меня не прельщала. А между тем, наблюдая из окна лазарета за жесточайшей и бесконечной муштрой новобранцев, я часто задавался вопросом — к чему же готовят их? зачем эта изнуряющая строевая подготовка на пыльном плацу? зачем пальба из карабинов? зачем штыковые атаки на воображаемого противника? За-

чем вообще карликовому острову, о существовании которого добрая половина мира вряд ли и подозревает, содержать армию, готовить ее к предполагаемым военным действиям по всем правилам военной науки, зачем, если наперед известно, что никто с этой армией воевать не станет, а если остров и подвергнется нападению, то его защитникам не устоять даже перед наличным составом крейсера средних размеров?

Свои сомнения я изложил в письме на имя военного министра острова; впрочем, я деликатно оговорил, что содержать острову армию или нет — это, в конечном итоге, не моего ума дело, потому как я здесь не более чем чужеземец, хотя волею судеб едва не был расстрелян наравне с неизвестными мне местными жителями; т.е. я решение вопроса о содержании армии оставил на усмотрение министра и, должно быть, правильно поступил, зато во всем, что касалось лично меня, я был откровенен и красноречив. Я требовал освободить меня от обязательства служить три года под началом капрала Мордобито или какого-либо иного из местных военных, вернуть мне мое гражданское платье и выслать меня за пределы острова, я мотивировал свое требование своим незнанием местных обычаев и нежеланием в дальнейшем знакомиться с ними, нежеланием, поскольку эти обычаи, позволяющие расстрелять бузуржного человека лишь на том основании, что тот по неведению своему или по глупости согласился быть расстрелянным, при первом же моем столкновении с ними чрезвычайно меня разочаровали.

Я ждал ответ. А явился снова капрал Мордобито и, посмеиваясь, провизжал, что министр, его старый закадычный друг, прислал-де ему весточку, в которой мельком упоминается и о моем письме.

— Министра, — сказал капрал, — счастлив, что вы за наша арми, министра хоцицца ваша смотреть. Я теперя ийти министра, Лукиана ийти?

Куда угодно, только бы подальше от форта Долорес и Пакита. Мы отправились вдвоем, я и капрал Мордобито, мои мысли строились в таком духе — если министр не удовлетворит мое требование, я на обратном пути прибуью капрала, как собаку, мне силенок хватит, я не посмо-

трян, что он вооружен, прибыю, раздобуду где-нибудь гражданское платье и попрошусь на первое подвернувшееся иностранное судно, мне силенок на все это хватит — и через два часа мы прибыли во дворец военного министра. Дворец ли? Пожалуй, что дворец, изрядный двухэтажный домик, с балконами и колоннами, окруженный ухоженным парком, в котором среди экзотических растений виднелись скульптурные композиции эротического толка. Часовые у входа подмигнули капралу, а один из них даже сделал такое движение, будто собирался шлепнуть его по задку; капрал Мордобито пронзительно захихикал. А сам военный министр, благообразный кучерявый старичок, уже прыгал в каком-то необъяснимом восторге по балкону, как бы даже желая спрыгнуть к нам со второго этажа, и во весь свой тонкий омерзительный голос обладателя права на ловлю рыбы вопил:

— Салют, бэби, салют!

Капрал отвечал ему совершенно бесцеремонно, словно имел дело с уличным чистильщиком сапог, и, если я верно уловил, содержание их обмена приветствиями свелось к следующему: привет, старая образина! — где тебя так долго черти носили, крокодил! — сукин сын, тебя еще держат ноги? и так далее. Я был крайне изумлен и не знал, как вести себя, на меня, однако, никто не обращал внимания. Капрал бросился во внутренние покои дворца, министр там же исчез, а я, оставшись в обществе двух часовых, сел прямо в траву.

— Кубано? — спросил один из часовых, высокий брюнет с лихо закрученными вверх усами.

Его гадкий голос комнатной собачонки, оправившейся на пол и за это наказанной, отбивал у меня всякую охоту беседовать с ним. Я не ответил. Второй часовой, под стать первому, но без усов, рассмеялся и спросил — алеман?

Я отрицательно покачал головой. У второго часового голос был ничем не лучше, чему у первого. Мне представилось, что в их желудках мечется, задыхаясь, еще живая рыба.

— Эстас локо? — спросил первый и выразительно покрутил пальцем у виска.

Я отвернулся от них, страшно тоскую.

— Рус! — облегченно вздохнули они, разгадав наконец мою загадку, и счастливо засмеялись.

Бежать, подумал я, бежать сейчас же. Стемнело, часовые как будто задремали, продолжая тем не менее стоять на ногах. Я осторожно раздвинул кусты, юркнул в них, и в то же мгновение страшные крики зазвенели над моим ухом. В пяти шагах от того места, где я притаился, военный министр и капрал Мордобито отчаянно дрались, вцепившись друг другу в волосы, пинаясь ногами, катаясь по земле. Я остолбенел.

— Видаль? — спросил усатый часовой. Каким-то образом он находился уже подле меня. — Завсегда такой история.

Он поблажливо ухмылялся, глядя на дерущихся.

— Ай маст гоинг, — сказал я, решившись.

— Вел, — откликнулся часовой с готовностью и добродушно добавил: — Янки гоу хоум.

Я даже ручкой ему на прощание помахал. Те двое что-то затихли, то ли силы истощились, то ли пришли к какому-то соглашению, ну да я и не стал выяснять, ринулся по темной аллее к выходу, к высоким чугунным воротам, которые, как я еще прежде заметил, не запирались, я шел, почти бежал, и гравий жестко скрипел под моими ногами. Аллея вдруг оборвалась, а ворот все не было — или я с пути сбился? Я дороги, собственно, и не знал. Для меня было полной неожиданностью, что парк так велик, я рассчитывал, что быстро достигну ограды, а тут уже как будто лес пошел, я вынужден был продираться сквозь заросли, я думал, что выбрал верное направление, а вот как будто вокруг одного и того же места кружил. В тишине, установившейся вокруг, мне даже не по себе сделалось, ощущение, что за мной следят, что видят, как я кувыркаюсь в этих зарослях, тоже не прибавило мне бодрости. Впереди забелело что-то, я приблизился. Гипсовая девушка с веслом, совсем как тут, в Ураганске, на главной улице, только у той, не в пример нашей, из самого пикантного местечка весело лилась тонкой струйкой вода, и козленок с человеческой головой, с лицом среднего современного горожанина,

мечтающего оставить свой след в литературе или живописи, ловил ее, стоя между ног девушки, разинутой пастью. Луна как раз пробилась сквозь почные облака, так что я всю эту остроумную непристойность хорошо разглядел. Я шагнул прочь и полетел вниз куда-то, ногами вперед. Потом долго, цепляясь за кусты, обдирая в кровь руки, выбирался из ямы.

А они там сидели, наверху, у самого края ямы. Военный министр и капрал Мордобито, мой непосредственный начальник, на скамейке сидели, в небрежных позах, развалившись, вытянув ноги и обнявшись, как будто и не таскали друг друга за волосы несколько минут назад, как лучшие друзья, казалось — еще миг, и небрежные их объятия перерастут в нечто горячее, тесное, в некий апофеоз любви и дружбы, они бросятся друг другу на шею, залепечут что-то бессвязно и безудержно, взаменку с долгими поцелуями. Мне что-то грустно было на них смотреть, грустно и странно. Но они молчали пока, сидели, изучая меня не без иронии и снисходительности, но, кажется, и с симпатией.

— О, привет, привет, мой дорогой русский друг, — спохватился вдруг министр, не меняя, однако, позы. Он прекрасно владел русским языком. — Вам здесь нравится, я вижу, — сказал он. — Слуга сейчас проводит вас в отведенную вам комнату. Эй, мопс!

За моей спиной тотчас же вырос чернокожий. Капрал Мордобито явно наслаждался всем, что творилось перед его глазами, и от удовольствия едва не мурлыкал.

— Вы напрасно считаете, сеньор Лука, — продолжал министр, — что нашему острову не нужна армия. Мы не колония, — продолжал министр, игриво покачивая ногой в лакированном ботинке, — мы суеверное государство, а каждое уважающее себя государство должно иметь все признаки государства, пусть даже и всего лишь в декоративной форме. Существование армии верный признак того, что существует и государство, и пусть наша армия смешна в глазах просвещенного человечества, но разве не вправе допустить мы, сеньор Лука, что и армия вашей страны, кичащейся своей непобедимостью, так же смешна в глазах какой-то более могущественной и пока еще неве-

домой нам цивилизации? Я бывал в вашей замечательной стране, я бывал в Харькове, Красноярске и деревне Веселищи. Я восхищен вашими достижениями, вашими успехами в космосе и медицине, но особенно поразило меня количество иностранцев на вашей земле. Баснословное количество азиатов, евреев и финнов, я потрясен этим, я понял, что только великая нация способна притягивать к себе выходцев из других земель. И то, что среди нас появились вы, иноземец, да еще и согласились служить в нашей армии, конечно, вовсе не говорит о величии нашего народа, но все-таки, все-таки - приятно! Верно, капрал?

Капрал зажмурился, энергично затряс головой.

- Мопс, отведи нашего русского друга в опочивальню.

Я понял, что все мои возражения прозвучали бы для министра как бред сумасшедшего, вернее сказать - он постарался бы выдать их за бред сумасшедшего; я великолепно понимал, что он лицемерит, а он не менее великолепно понимал, что я вижу его насквозь. Но сила была на его стороне. Чернокожий отвел меня в крошечную квадратную каморку, где разжег свечу поярче, словно для того, чтобы я увидел - помещение дорогому русскому другу пожаловали убогое.

- Я тоже побывал с сеньором министром в Росси, - сказал чернокожий, - и тоже отлично владею русским языком. Я даже выучил многие русские ругательства. Сказать что-нибудь?

- Как вам угодно.

- Попа.

- Отлично, Мопс. А теперь идите, я хочу спать.

- Сеньор Лука хочет бежать с этого острова?

Я взглянул на него испытующе. Он закрыл глаза и проговорил тихо:

- Я помогу вам. У меня есть кое-какие сбережения, а сегодня отходит либерийское судно. Вы назоветесь моим хозяином.

- Чем вызвана ваша доброта, Мопс?

Старик прослезился.

- Я черномазый. Меня одного на судно не возьмут.

- Убедительно.

- В полночь выходите в коридор, сеньор Лука. Я буду стоять там, завернувшись в черный плащ, и вам принесу такой же. Мы незаметно покинем дворец, я знаю, как это сделать.

Он ушел от меня, громко рыдая и ломая руки.

Около полуночи я встал, выглянул в окно. Озаряемая луной, к стеклу прижалась голова Мопса и таранилась на меня безумными глазами. Мопс заглядывает в мою комнату, Мопс на карнизе второго этажа - зачем, как это понимать? Я в недоумении развел руками, показывая ему, что не понимаю его в высшей степени странного поступка, но он никак не ответил, даже не пошевелился, даже глазом не повел. Я вернулся в кровать. Нелепое поведение Мопса посеяло в моей душе подозрение, что я напрасно ему доверился.

Когда часы где-то за стеной пробили полночь, я снова выглянул в окно : голова Мопса все так же жалась к стеклу, те же выпученные глаза, тот же приоткрытый, словно сведенный непреодолимой судорогой, рот. Повинуясь минутной вспышке ярости, я погрозил ему кулаком, я сложил внушительный кукиш и сунул его прямо ему в нос, от которого мою руку отделяло только тонкое пыльное стекло, но, в сущности, мне хотелось кричать от ужаса, выть от тоски. Я решил бежать один. Это было не решение даже, а как бы такая же судорога, как и та, что столь жутко оскалила рот чернокожего предателя. Я выбежал в коридор. Чья-то рука в коридоре схватила меня за руку; я увидел фигуру в черном плаще.

- Это вы, Мопс? Но как же...

- Тсс... - перебил он.

Я подчинился, хотя моя голова шла кругом от полнейшего неразумения происходящего. Я получил обещанный черный плащ и одел его. Тьма казалась непролазной, мы спускались по какой-то лестнице, и Мопс держал меня за руку своей влажной рукой. Мы шли каким-то подземельем, надеясь только на огонек свечи, запывевшей в руке моего спутника, потом оказались под луной, в рощице, где ждали нас кони. Мы оседлали их, помчались, Мы остановились только на берегу моря.

Мой неразличимый под черным плащом спутник молча и одиноко как-то стоял над обрывом, а я приближался к нему медленно и осторожно, будто опасаясь получить от него удар ножом.

- Я сомневаюсь, что это действительно вы, Мопс...

- Лукиано...

Плащ отлетел в сторону, и глаза капрала Мордобито обожгли меня, как удар ножом.

- Лукиано...

Он был почему-то без бороды и не в мундире, а в дамском платье, коротеньком, изрядно обнажавшем его стройные красивые ноги, но так или иначе я узнал его. Я недолго собирался с духом.

- На этот раз, - сказал я, стараясь изобразить подобие зловещей ухмылки, - одному из нас придется умереть. Что, кстати, вы сделали с Мопсом?

- Мопс дохл. Его голова на шест. Я помочь Лукиано.

- Я вам не верю, капрал, хоть вы и сбрили бороду. Я не могу верить человеку, который отсек голову черно-кожему лишь за то, что тот хотел помочь мне.

- Не надоть Мопс. Я помочь.

- Один из нас сейчас умрет, - сказал я твердо.

Капрал Мордобито вдруг разразился слезами. Платьице на нем так трогательно вздрагивало.

- Рази не видеть ты, - пролепетал он, всхлипывая, утирая нос ладонью и глядя на меня с укоризной, - што я фемина есть? Рази не видеть, проклятий? Докеля ж страдание мне будя?

- Фемина? женщина? - спросил я, а про себя подумал: верно, так и есть, женщина.

- Коча, Мордобито.

Я узнал от нее всю правду. Правда - вот она: женщины энергичны, женщины не любят сидеть сложа руки, как любят мужчины. Когда женщины острова окончательно убедились, что их мужья и сыновья законченные бездельники, тряпки, не способные постоять за себя, что их мужья и сыновья во имя благополучия и процветания острова и пальцем о палец не собираются ударить, что от их мужей и сыновей услышишь только одно - наш остров

забит богом и людьми, так что нам делать, как не сидеть сложа руки, и пусть все катится своим чередом, — они возмутились, они не пожелали мириться с существующим положением дел, и некоторые из них, переодевшись мужчинами, решительно взялись за дела, приоритет в которых даже в такой древней и таинственной стране, как Индия, всегда имели мужчины. За первыми ласточками последовали все новые и новые. Уж можно было бы не переодеваться, ибо робкое сопротивление мужчин было сломлено сразу и, вероятно, навсегда, уж можно было бы открыто заявлять — мы женщины, и все, чем богат этот остров, создано благодаря исключительно нашим усилиям; — но переодевание сделалось своеобразной традицией. О ней знал каждый островитянин, от иностранцев же она хранилась в тайне, разглашение которой наказывалось смертной казнью. Переодетые женщины легко узнавались по гнусным своим голосам, но доверчивым иностранцам внушили, будто добрая половина мужского населения острова предпочитает пищать, а не говорить мужественным голосом Адама, и те поверили, сверх того — нашли в этом свою прелесть и экзотику.

— Я тебе любов, — говорила Конча Мордобито, — Амор, — добавляла Конча с глубоким чувством. — Либен, лав, Лукиано!

Она сказала, что бросит армейскую службу, и мы будем жить в глухой деревушке на берегу моря, где нас никто не найдет, где ее не настигнет кара за разглашение государственной тайны.

Мы снова вскочили на коней и снова помчались.

Еще вот в чем правда: я не проникся к Конче большой любовью ни в первое мгновение, когда мне открылось, что она женщина, ни после, когда мы стали жить в глухой деревушке на берегу моря, где она вскоре понесла от меня. Но отсутствие чувства не помешало мне вполне сносно уживаться с ней на первых порах, я ведь человек отнюдь не привередливый, а она мою покорность принимала за любовь, и это меня вполне устраивало.

Мы жили отчужденно, и в деревне, населенной всегда одетыми в черное, высокими, тощими старухами и

полуживыми мужчинами, нас не любили, что, разумеется, мало смущало энергичную Кончу, а заодно и меня, тем более что неприязнь не заходила дальше глухого ворчания. Мы жили на отшибе, в полуземлянке, сохранившейся еще с прошлого века. Конча занималась хозяйством, тайком ловила рыбу /теперь, с возвращением женского облика, она утратила многие свои привилегии, несмотря на гнусный голос/, готовилась стать матерью, а я подумывал, не засесть ли мне за описание своих приключений, не описать ли мне в толстой книге свою жизнь, столь богатую скитаниями, бедами и рискованными похождениями. Хотелось мне также изложить в каком-нибудь эссе свой взгляд на эпоху просвещения, которой я всегда уделял особый интерес. Мне кажется, эпоха Возрождения была весьма значительным и знаменательным скачком вперед по сравнению с предшествующими ей эпохами. Но то же самое можно сказать и об эпохе просвещения.

— Эссе? — переспрашивала Конча в пору нашего медового месяца, — Эссе? О, си, Лукиано, да, писы, писы, любов мия!

Но каких-то полгода спустя /я еще и двух страниц к тому времени не исписал/ отношение Кончи ко мне круто переменялось.

— Ублядок, мерзавиц!

Я стал повсюду наткаться на ее коготки, тянущиеся к моему лицу. Ее глаза бездомной одинокой кошки светились злобой.

— Глаз порву! Чтоб те земель глотал!

— Что случилось, Конча? Чем я тебе не угодил?

Я вновь стал подумывать о бегстве, но она, подозревая о моих замыслах, следила за каждым моим шагом, грозя убить меня, как собаку. А я не сомневался, что она способна убить, не имел повода сомневаться. Она пила, даже когда до рождения ребенка оставались считанные дни. Я находил в нашей землянке следы пребывания чужих мужчин.

Она была красива, эта Конча, Конча Мордобито. В мгновения бешенства, когда ее глаза наливались кровью, а по горящим щекам пробегали одна за другой волны судорог, она была красива дикой, необузданной, беспощад-

ной красотой, и в такие мгновения я меньше, чем обычно, страшился получить от нее смертельный коварный удар. В такие мгновения я, как ни странно, отчасти любовался ею, на я помнил и другое, помнил, как хладнокровно она добивала в яме раненых, хладнокровно, без крови в глазах, без судорог, так буднично, словно разбивала сахарную голову, — вот что страшно было в ней; мне снились по ночам обгаренные кровью подметки ее сапог, те, что я увидел тогда в яме, я кричал во сне, я кричал — нет, но, но кьеро! И она, верно, понимала, в чем именно мой ужас.

— Убью, — четко произносила она. Могла произнести это в любой миг и словно бы даже не к месту; когда мы обедали, например, — убью — и при этом шурила холодно мерцавшие глаза, а произносила так просто, обыденно, словно грозила мне всего лишь безобидная оплеуха.

Ее претензии ко мне состояли в следующем: из-за меня она бросила теплое местечко в армии, из-за меня влачит теперь тупое жалкое существование. Из-за меня не возвысилась до лейтенантского чина. Из-за меня теперь над нею денно и ночью висит угроза смертной казни.

Родился ребенок, розовенькая девочка. Я надеялся, что рождение ребенка преобразит Кончу, наполнит ее тем светом женственности, что так хорош на полотнах старых итальянских мастеров, но куда там, последняя тварь, каракатица какая-нибудь, ехидна какая-нибудь, выдра — и те лучше относятся к своим детенышам, чем Конча относилась к маленькой Канделос. Я часто спрашивал себя — как это маленькое розовое существо еще живет при такой матери, как, каким образом, какими силами, каким духом еще бьется ее розовое сердечко?

И в редкие светлые мгновения я счастливо шептал про себя — выживет, выживет Канделос, чтобы в старости была мне отрада.

Маленькая Канделос, лежа в грязной люльке, большим непрерывным воплем требовала материнского молока, просила, умоляла, а тем временем ее мать с запекшимся на ее устах страшным словом "Убью" водила ножом перед самой моей грудью. На главной площади дерев-

ни было несколько каменных домов, и я часто прятался под ними в подвалах, а с площади несло — убью. Я наблюдал за Кончей в щель. Мне казалось: я снова лежу на дне свежевырытой могилы, а она приближается ко мне с револьвером в руке, чтобы добить, чтобы вынести окончательный приговор.

Я знал: если я хоть пальцем ее трону, деревня отомстит мне люто, но деревня и глазом не моргнет, если она, Конча, исполнит надо мной свою угрозу. Здесь ненавидели нас обоих, но Кончу ненавидели только из-за меня.

Я не бежал с острова только из-за маленькой Канделос.

Однажды /а было то, что все чаще и чаще повторялось: я в подвале, Конча посреди площади с ножом в руке/ три всадника вихрем вылетели на площадь, и пыль еще не осела, как я узнал военного министра и двух его писклявых телохранителей. Я до сих пор убежден, что Конча тогда сразу все поняла и сразу приняла решение, которого достойно держалась до самого конца. Отбросив в сторону нож, она скрестила на груди руки и бесстрашно вскинула глаза на министра. Я видел это в щель, это же видели и местные жители, наблюдавшие из окон домов. Лошади, населенные представителями островной власти, как дома терпимости населены всякой мразью и только этим вызывают отвращение, но никак не своей архитектурой, скажем, лошади жутко кружились вокруг Кончи, в руках всадники держали длинные бичи, концы которых волочились по земле, и время от времени они ими устрашающе щелкали. Мне боль Кончи не передавалась. По какому-то таинственному сигналу — или я один его не услышал — всадники одновременно обрушили удары бичей на свою жертву. Конча не согнулась, все так же стояла, скрестив на груди руки. Я видел, как лопалось под ударами ее платье и кровь сочилась через черную рвань. Она упала потом, когда уже не осталось сил стоять и жизнь подошла к концу. Нет, нет, это было и мое мучение, и мое страдание, но как же она была тогда женщиной, когда стояла под ударами, и после, когда упала без сил, после, под копытами лошадей, под бичами, на-

ходящими ее и в пыли, когда она уже, быть может, не жила. Женщиной... этой женщине я не мог не желать гибели, она погубила бы меня.

Они покончили с ней и удалились в таверну освежиться вином, а я рискнул выйти на площадь. Меня они тоже ищут, будут искать? Я не думал об этом. Конча лежала прямо, лицом вниз, будто спала на животе. На теле ее живого места не осталось. Ну да, она умерла. Твои коготки больше не протянутся ко мне, ища, куда бы впитаться, твои глаза больше не нальются кровью, готовой захлестнуть меня, утопить, как слепого котенка? Твою безумную красоту — я больше не увижу?

Суровые черные старухи и сонные мужчины взирали на нас равнодушно, на меня и Кончу. Мы все еще были вместе.

— Коня мне! — крикнул я.

Никто не шевельнулся. Ярость застилала мне глаза — я твоих слов не услышу больше? Как-то вмиг накадилась эта ярость — я от взгляда твоего не содрогнусь больше?

— Коня мне!

Какой-то мальчуган лет пяти, не сообразив, что к чему, что никто не желает подавать мне коня, взвалил эту миссию на свои плечи, вывел коня. Не знаю, что они с этим мальчуганом потом сделали, при мне, однако, никто из них так и не шевельнулся. Я поскакал в горы. Я подпилил опоры моста, по которому должны были проехать те трое, я знал, что другой дороги нет. Этот старый деревянный мост мог рухнуть под любым из нас, но я сделал так, чтобы он рухнул именно под теми тремя. И я видел, как они летели в пропасть. Я специально спустился вниз, в ущелье, чтобы удостовериться в их гибели. Три самки валялись на камнях, купаясь в собственной крови. Я взял карабин и поспешил назад, в деревню, к той, кого только и любил в этом мире, к моей маленькой Канделос.

Я не знал, унесли ли Кончу с площади или она там все еще лежит, в пыли, лицом вниз, будто спит на животе. Я сразу направился к нашей полуземлянке, спустился

в нее. Там горели свечи и толпилось множество народу.

- Что вам здесь нужно?

Никто не ответил мне. Мужчины, жавшиеся к стенам, как летучие мыши, сонно хлопали глазами и смотрели на меня с беспросветной тупостью. Я увидел прямые спины черных старух. За их телами я не видел того, ради чего вернулся сюда. Сердце оборвалось в груди, я сделал шаг, чувствуя, что пол подо мной качается. Они расступились, и я увидел в люльке крошечный окровавленный комок, бесформенную горку мяса на грязной простыни.

- Вы с нее кожу... с живой?

Кто-то из мужчин утвердительно кивнул. Словно это он сделал.

- С живой?

Теперь никто не кивал.

- Плодь твали, нелься биле сохланить, - сказала старуха, стоявшая ко мне ближе других, с пародийными в своей мохнатости бровями, с черными усиками под носом. Я поднял карабин и уложил ее на месте, одним выстрелом.

Они не суеились, не кричали, стояли, как прежде, и ждали, что будет дальше. Я не смотрел на то, что еще недавно было Канделос. Вошел какой-то человек, назвавшийся отцом мальчика, вывевшего мне коня, и спросил, что я с этим конем сделал. Я на его глазах перестрелял всех старух. У них не было ни малейшего шанса спастись, им нечем было защищаться, как нечем было защищаться моей маленькой Канделос, я перестрелял их одну за другой, и они умерли спокойно, словно это сам господь бог прибрал их к рукам. Отец мальчика, отдавшего мне коня, посмотрел на мертвых старух и отошел к стене. Я его не тронул. И того, кто утвердительно кивал там, в темноте, за свечой, я тоже не тронул. Я вышел.

Меня, наверно искали, я прятался в горах, пробираясь к пристани.

У пристани загружался бананами русский пароход "Ураганск". Это название ничего не говорило мне - я слишком давно покинул родину - но мое сердце билось тревожно и с ожиданием.

Когда русские моряки спускались по трапу на при-

стань, грузчики и местные интеллигенты рукоплескали им. Их обнимали, качали, подбрасывали в воздух с криками "Ура". Им устроили замечательно теплый прием. Здесь любили русских моряков.

Я продирался сквозь толпу охваченных возбуждением островитян, как через горное ущелье. Я рисковал наткнуться на шпика и оказаться в тюрьме, но мне повезло: я лицом к лицу столкнулся с человеком, который на чистом русском литературном языке спрашивал:

- Черт подери, кто-нибудь скажет мне, где здесь пивная?

- Браток... - Я склонился к его плечу, давясь слезами.

- Ты чего, парень?

- Браток...

Я потянулся к нему, как ребенок тянется к матери, а он растерянно открыл мне объятия.

- Ты наш, что ли, русский?

- Русский, русский я, браток...

Я терял сознание.

- Эй, ребята, - крикнул он, - тут наш, русский, объявился!

Меня несли по трапу дюжие руки моряков, а я только и мог что твердить - братцы, братцы...

Островитяне, умиленные этой сценой, хотя едва ли уяснившие ее суть, кричали с пристани - рус, bravo, bravo, рус! И они рукоплескали.

Следующим утром на борту "Ураганска" я навсегда покидал проклятый остров в Карибском море, унося в своем сердце неутолимую, как боль, ненависть к женщинам.

- А чем, дядюшка Лука, вы теперь занимаетесь? - спрашивали мы возле окон, за которыми теплилась жизнь Ураганска.

- Я все еще, - улыбался старик, - не расстанусь с мечтой изложить в каком-нибудь эссе свой взгляд на эпоху Просвещения. Я, кажется, уже говорил вам, что эпоха Возрождения была, по моему глубочайшему убеждению, значительным и знаменательным скачком вперед по сравнению с предшествующими ей эпохами. Так вот, то же самое можно сказать и о эпохе Просвещения.

ЗАМЕЧЕННЫЕ (досадные) ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
2	17	Павлловский	Павловский
10	21	запихивая	запахивая
20	17	линых	личных
46	16-17	инверсонности	инверсионности
51	35	личности	личностности
70	35	Либерти	Либертизм
84	33	Котляровского	Котляревского
105	29	Лоубена	Лоубера
112	40	Зачет	Зачем
115	15	мылители	мыслители
151	35	линостями	личностями
151	39	линостью	личностью
222	12	Гершуню	Гершуни
222	39	В-третьих	Во-вторых

Просим наших дорогих читателей отнестись со снисхождением
к допущенным опечаткам